Годъ 13-й. Кн. L.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ университетѣ.

1901, № 3.

подъ редакціей

Предсѣдателя Отдѣла В. Ѳ. Миллера

и

Товарища Предсѣдателя Н. А. Янчука.

МОСКВА.

Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Тверская, Мамоновскій пер., с. д.

1901.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, при Московскомъ университетѣ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Духовные стихи изъ Курской губерніи.

Собранные мною духовные стихи по содержанію новаго ничего почти не даютъ, но они любопытны, какъ образчикъ современнаго состоянія народнаго стиха, а собранныя мною свѣдѣнія при записываніи стиховъ дадутъ, можетъ быть, не лишенные интереса матеріалы и для уясненія условій существованія, сохраненія и, можетъ быть, даже своеобразнаго развитія духовнаго стиха въ наше время.

Прежде, чѣмъ обратиться къ самымъ записаннымъ мною стихамъ, познакомлю немного съ ихъ исполнителемъ Григорьемъ Артамоновымъ. Это не будетъ лишнимъ, какъ мы сейчасъ увидимъ. Какъ извѣстно, напр., послѣ статьи Гильфердинга [1]), наблюденій, сдѣланныхъ нами лѣтъ пять назадъ въ Москвѣ надъ Рябининымъ (статья Е. А. Ляцкаго) [2]) и надъ вопленицей Ѳедосовой, личность и нѣкоторыя черты жизни пѣвца сказателя являются въ нашихъ глазахъ далеко не всегда безполезными для уясненія произведенія, имъ сообщаемаго, для уясненія самаго процесса той творческой работы, которую совершаетъ пѣвецъ или сказатель, воспроизводя традиціонное для него содержаніе пѣсни [3]). Въ частности же для исторіи духовныхъ стиховъ мы находимся и въ лучшемъ положеніи, нежели по отношенію къ былинѣ: если относительно послѣдней мы по недостатку матеріала должны ограничиться только болѣе или менѣе правдоподобными предположеніями относительно слагателей и носителей былины въ старое время, каковы, напр., предположенія В. Ѳ. Миллера о скоморо-

[1]) Онежскія былины, предисловіе.

[2]) Э. О. XXIII, 125 слѣд.

[3]) Ср. А. Гильфердингъ у. с. I ч., 33.

хахъ, то для духовнаго стиха мы имѣемъ передъ собою довольно опредѣленный живучій культурный типъ „калѣки перехожаго", установленный для весьма давняго времени въ трудахъ И. И. Срезневскаго, Н. С. Тихонравова А. Н. Пыпина [1]); иначе мы о духовномъ стихѣ, какъ явленіи сравнительно съ былиной позднемъ, знаемъ болѣе, что касается его жизни и исполненія. Духовный стихъ болѣе спеціализированъ въ силу своего религіознаго содержанія, своихъ исполнителей, нежели „мірская" былина, пѣсня. Вотъ что говоритъ А. Ѳ. Гильфердингъ (I ч. 15.) объ отношеніи былины и духовнаго стиха: „пѣніе былинъ... остается дѣломъ домашняго досуга людей, которымъ память и голосъ позволяютъ усвоивать „старины". Профессіональный характеръ имѣетъ пѣніе духовныхъ стиховъ, составляющее источникъ дохода для нищихъ „каликъ" на ярмаркахъ и въ храмовые праздники; но калики не знаютъ былинъ [2]). Я встрѣтилъ только одного пѣвца по профессіи (Ивана Фепонова), который соединяетъ съ пѣніемъ духовныхъ стиховъ знаніе былинъ; но на послѣднія онъ смотритъ какъ на нѣчто второстепенное, постороннее для его профессіи. Но за то почти всѣ крестьяне и крестьянки, которыя поютъ былины, сверхъ того знаютъ и духовные стихи, особенно про Алексѣя человѣка Божія, Егорія храбраго, Анику воина, царя Соломона и Голубиную книгу. Я полагаю, что эти стихи ими выше цѣнятся и чаще поются, чѣмъ былины"... Нищіе по профессіи „знали только духовные стихи" (ibid. 17). Какъ и два вѣка назадъ, такъ и теперь духовный стихъ поютъ слѣпцы, нищіе, поютъ они его для назиданія, спасенія души своихъ слушателей; въ этомъ заключается польза (а не только удовольствіе), приносимая слѣпцомъ слушателямъ въ ихъ глазахъ; слѣпецъ, какъ поющій божественное, душеполезное, приближается по своей роли къ церковному учителю; за это онъ получаетъ милостыню; это его законный заработокъ. Поэтому-то, по традиціи, мѣсто слѣпца у

---

1) *Срезневскій*, „Крута Калачья" (Спб. 1862); Его же, Русскіе калики древняго времени (Зап. Ак. Н. I, 2, Спб. 1862); *Тихонравовъ*, Собр. соч. I, 331 слѣд.; *Пыпинъ*, Исторія литературы, I, 366 слѣд.

2) Тутъ повидимому у А. Ѳ. неточность: А. Н. Рыбниковъ записалъ рядъ былинъ отъ *каликъ*; какъ онъ отмѣчаетъ самъ (II, № 2, 3, 4), (всѣ отъ одного), 5, 6, 11 (отъ того же, что и № 2. 4), 13, 15, и т.д.), и пишетъ въ письмѣ къ Д. А. Хомякову (ibid, XIV).

церкви, поэтому-то появляется онъ большею частью тамъ, гдѣ собирается народъ по случаю церковнаго торжества. Поэтому-то, наконецъ, калика временъ кіевскаго періода, по уставу, приписываемому (хотя и ошибочно) самому святому Владиміру, калика—человѣкъ церковный; отъ этого калики идетъ по традиціи и нашъ „калика"-слѣпецъ. Теперь „калика"-слѣпецъ все еще въ большинствѣ случаевъ не забавникъ, а носитель серьезнаго, религіознаго, божественнаго. Такъ и самъ онъ смотритъ на себя, внося въ свой репертуаръ рядомъ съ духовнымъ стихомъ и прямо одинъ изъ его источниковъ: церковное пѣснопѣніе; онъ и его исполняетъ на напѣвъ духовнаго стиха, сопровождаетъ пѣніе игрой на „лирѣ", если таковыя въ ходу въ той мѣстности, гдѣ онъ поетъ или откуда онъ вышелъ (на сѣверѣ „лиры" въ большинствѣ случаевъ уже нѣтъ). Таковъ типъ калики-слѣпца въ нашей средѣ. Эти историческія черты калики могъ я провѣрить отчасти, а отчасти и дополнить по живому экземпляру, Григорію Артамонову, съ которымъ я познакомился лѣтомъ прошлаго года въ іюлѣ въ с. Капустинѣ, Курской губ., Рыльскаго уѣзда. Этотъ слѣпецъ найденъ мною въ 7—8 верстахъ въ дер. Чупахиной (теперь сельцѣ, съ тѣхъ поръ какъ построена тамъ церковь, приписанная къ сосѣднему селу Киселевкѣ) на храмовомъ праздникѣ Одигитріи. Меня нѣсколько заинтриговала его молодость; затѣмъ я узналъ, что онъ не пришлый, а мѣстный уроженецъ, такъ сказать, произведеніе туземное, а это опять давало надежду почерпнуть больше фактовъ и для его языка и для характеристики здѣшней народной пѣсни, а его характеристику позволяло сдѣлать болѣе опредѣленной. Я, дѣйствительно, не ошибся въ выборѣ: Григорій Артамоновъ, явившійся съ поводыремъ Степкой, мальчикомъ лѣтъ 10-ти, черезъ день (по окончаніи праздника), оказался интереснымъ, толковымъ, а затѣмъ очень простымъ человѣкомъ. Сначала онъ какъ будто опасливо относился къ разспросамъ, какъ онъ самъ признавался потомъ, боялся, не вышло-бы чего; да и чудно ему было, по его словамъ, что баринъ заинтересовался такъ; положимъ, его звали и раньше, по его разсказамъ, въ с. Ивановское къ управляющему кн. Барятинскаго [1]), заставляли пѣть и сказывать стихи, что-то записывали, да

[1]) Курской же губ., Льговскаго уѣзда.

такъ не допрашивали, да и не долго слушали, видно баловались, даже портретъ сняли. Это сдѣлалъ и я, да неудачно. Держалъ себя Григорій просто, безъ всякой аффектаціи, рисовки, будто дѣлалъ, распѣвая стихи, дѣло самое обычное, удивить не стремился; уставши, самъ останавливался, закуривалъ махорочную цыгарку, затѣмъ самъ заявлялъ: дальше; видимо, по временамъ самъ входилъ во вкусъ пѣнія и, несмотря на мои предложенія передохнуть, не хотѣлъ останавливаться; „постой, постой я еще". Запись же я производилъ такъ: сперва подъ пѣніе старался записать, что возможно (а это, первое время особенно, не легко удавалось), затѣмъ просилъ его сказывать по стихамъ, записывая и отмѣчая разныя мелкія особенности, напр. запинки, перестановки, сохраненіе или нарушеніе стиха; наконецъ, послѣ нѣкотораго промежутка, просилъ опять пѣть и по пѣнію провѣрялъ запись, отмѣчая уже новыя особенности. Такимъ образомъ дѣло подвигалось медленно, и не мудрено, что за два дня я записалъ только тысячу съ небольшимъ строкъ—весь духовный репетуаръ Григорія; но за то получилъ я полную довольно картину исполненія записи; одно, что не удалось мнѣ вполнѣ—это языкъ; всѣ особенности говора порознь я могъ себѣ отмѣтить, но въ каждомъ данномъ словѣ, вслѣдствіе привычки къ грамматическому письму, оттѣнки соблюсти не удалось. Григорій текстъ знаетъ твердо, повторяетъ безъ большихъ измѣненій, поэтому варіянтовъ, поправокъ сравнительно мало въ его пѣсняхъ; при повтореніи о своей судьбѣ и о своемъ положеніи онъ разсказалъ просто, какъ будто дѣло это самое обычное, сохраняя при этомъ какое-то эпическое, такъ сказать, спокойствіе: будто онъ разсказывалъ не про себя, а про кого-то другого, либо пѣлъ свой стихъ. Вотъ, что разсказалъ онъ про себя: теперь ему 23 года, родомъ онъ изъ села Гломаздина (это сосѣдняго съ Рыльскимъ, Дмитріевскаго уѣзда; Капустино и его волость Петровская пограничныя съ этимъ уѣздомъ; до Гломаздина всего 10—12 верстъ), живетъ по большей части въ дер. Малышовкѣ, недалеко отъ того же Гламаздина, гдѣ у него и надѣлъ. Ослѣпъ онъ 18 лѣтъ отъ оспы; женился онъ уже слѣпымъ, чтобы „жена мыла его, въ чистотѣ содержала, кормила", но жена-такая-сякая—черезъ годъ его бросила. Онъ было поселился у матери, но и та его прогнала, такъ какъ сама вторично замужъ вышла. Такъ и осталось одно: идти въ слѣпцы-нищіе.

Началъ онъ каличить; стихи училъ онъ по *книжкамъ* отчасти, главнымъ же образомъ со словъ старшихъ. Съ тѣхъ поръ онъ и ходитъ со Степкой-поводыремъ, которому платитъ 8 рублей въ годъ, надѣлъ же свой отдалъ въ аренду сосѣду, чтобы онъ за него платилъ поземельныя. Въ этомъ разсказѣ обратило мое вниманіе то, что онъ разучилъ стихи не только со словъ старшихъ слѣпцовъ, что въ его положеніи вполнѣ понятно, да и естественно, но также по книжкамъ; онъ мнѣ это и объяснилъ, присоединяя просьбу, чтобы и я, какъ знающій стихи (я иногда его спрашивалъ, когда онъ путалъ: не такъ-ли, молъ; разспрашивалъ, знаетъ ли онъ такой или другой стихъ), написалъ ему книжку, а онъ бы разучилъ „хорошій" стихъ, напр. о Голубиной книгѣ, про который онъ слыхалъ, но не знаетъ. Дѣло то оказалось вотъ въ чемъ: онъ проситъ написать ему стихъ—это и есть книжка—и, ходя по деревнямъ изъ избы въ избу, гдѣ найдетъ грамотнаго, проситъ ему читать, пока не заучитъ на память (а это происходитъ быстро: память у него, какъ можно было замѣтить, отличная, какъ и у большинства народныхъ пѣвцовъ и сказателей—условіе-необходимое при такомъ способѣ передачи, каковъ для устной словесности вообще). Музыку же, которая разнообразіемъ мотивовъ, сколько я могъ уловить, самъ не зная музыки, не отличается, подбираетъ онъ самъ [1]). Судя по тону, въ которомъ передана была Артамоновымъ просьба и дано объясненіе, надо полагать, что онъ, дѣйствительно, „книжечкой" пользовался. Изъ частностей разсказа слѣпца Артамонова стоитъ отмѣтить его заявленіе, что, помимо духовныхъ стиховъ, онъ знаетъ и пѣсни (дѣйствительно, по требованію капустинской дворни, онъ пропѣлъ и сыгралъ, „Камаринскую", „Бычка" и „Ѳому съ Еремой", я ихъ не записывалъ); но веселыхъ пѣсенъ онъ пѣть не любитъ, считая это дѣломъ негожимъ, но поетъ по необходимости, потому что не пѣть этихъ пѣсенъ, по его словамъ, убыточно; когда зовутъ въ деревнѣ пѣть пѣсни, то требуютъ веселыхъ и, если не пѣть, выругаютъ и изъ избы выгонятъ: „на то ты и слѣпецъ-нищій, долженъ народъ уважать". Замѣтка-характерная не только для

---

1) Аналогичное же наблюденіе о способѣ заучиванія пѣсенъ, сперва словъ, параллельно съ которыми воспринимается и мотивъ, сообщаетъ *Н. М. Лопатинъ*. Сборникъ русскихъ лирическихъ пѣсенъ, (М. 1889), ч. I, стр. 3.

пѣвца, но еще больше для его слушателей. Затѣмъ, по его словамъ, слѣпцовъ-пѣвцовъ еще много въ ихъ мѣстахъ, даже есть свое домашнее производство „лиръ", которыя изготовляются сапожникомъ той же Малышевки, правда, за довольно значительную сумму—пять рублей, но слѣпцы должны прятаться, потому что мѣстный становой ихъ гоняетъ и преслѣдуетъ: „все то вы глупости поете, только, молъ, народъ смущаете". Часть слѣпцовъ якобы уже ушла въ Сибирь: тамъ, сказываютъ, вольнѣе. Послѣднее обстоятельство объясняется повидимому не только стараніями не по разуму усердной деревенской полиціи, но и тѣмъ, что въ репертуарѣ слѣпцовъ есть пѣсни, дѣйствительно „сомнительныя", разумѣется, въ глазахъ тѣхъ же охранителей общества отъ соблазновъ. Одну такую пѣсню, съ замѣчаніемъ, что ее пѣть не позволяютъ, пропѣлъ мнѣ, увѣрившись сперва, что за это ничего ему не будетъ, и Григорій Артамоновъ; это стихъ на смерть Александра II; этого стиха я еще коснусь; наконецъ, для характеристики личности моего слѣпца, до извѣстной степени, можетъ быть не лишена интереса и его просьба, нельзя ли написать прошенія самому императору, чтобы становые ихъ не обижали, и вопросъ: какъ я думаю, исполнитъ ли царь ихъ просьбу? они де, слѣпцы, давно уже объ этомъ промежъ себя толкуютъ.

Что касается другихъ наблюденій, между прочимъ пришлось замѣтить слѣдующее: больше ошибокъ, запинокъ—въ большихъ стихахъ; пѣвецъ неожиданно дѣлаетъ паузу, затѣмъ вспоминаетъ стихъ, хотя и не всегда складно; но, повторяю, такихъ запинокъ сравнительно немного; и когда, ошибившись, пѣвецъ возстановляетъ стихъ варіируя, прибавивъ: „коли хочешь, можно и такъ", чувство ритма и стиха у него несомнѣнно есть: ошибочный по построенію, но не по содержанію, стихъ выправляется со стороны построенія, хотя и не всегда [1]). Эти всѣ случаи мною тщательно отмѣчались.

Что касается говора пѣвца, то онъ мѣстный: сознанія формъ грамматическихъ въ сочетаніяхъ не всегда хватаетъ; отсюда путаница падежей; въ фонетикѣ обычныя особенности южно-великорусскаго говора: о-а внѣ ударенія довольно часто; въ томъ же положеніи *е-и*, *е-я*; *а*, *я-е*; но ни одна особенность послѣдовательно не проходитъ; то же надо сказать о смѣшеніи *у* и *в*. Ц.—славян-

---

[1]) Ср. вторую категорію пѣвцовъ у А. Ѳ. Гильфердинга 12, 4 1.

скій элементъ, присущій стиху, дающій ему окраску „божественнаго“, присутствуетъ и у нашего пѣвца, но мало и, кромѣ того, имъ уже не сознается: отсюда путаница и коверканье славянизмовъ. Книжный синтаксисъ стиховъ также не сознательный, а потому путаный. Что касается только что отмѣченныхъ недостатковъ по части грамматическихъ формъ, путаницы падежей въ рѣчи, то она оказывается сильнѣе, когда стихъ поется, и вообще въ стихѣ нежели въ разговорной рѣчи: ясно, что процессъ пѣнія, стремленіе сохранить ритмическую форму стиха отчасти отвлекаетъ вниманіе отъ соблюденія грамматической правильности. Это особенно часто совпадаетъ съ тѣми окончаніями, которыя въ музыкѣ протягиваются. Въ разговорѣ же рѣзкаго смѣшенія падежей, которое отмѣчаетъ въ обоянскомъ говорѣ В. И. Рѣзановъ (Р. Ф. В. 1897, стр. 36, отд. отт.), не замѣчается. Что на смѣшеніе формъ оказываютъ вліяніе именно указанныя причины, видно изъ того, что и въ былинахъ сѣвера наблюдается подобное же явленіе (напр. по текстамъ Гильфердинга), хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, причина чего, повидимому, въ томъ, что былина поется речитативомъ и что языкъ былины болѣе народный, близкій къ живому, нежели языкъ духовнаго стиха, окрашеннаго колоритомъ стараго литературнаго, славяно-русскаго языка, источника самого стиха, а потому и болѣе чуждый живой рѣчи. Эту разницу въ фонетикѣ въ пѣніи и рѣчи отмѣчали и другіе собиратели [1]). Остальныя подробности говора отмѣчены мною въ самыхъ стихахъ.

Если добавить еще одну мелочь, именно участіе поводыря при пѣніи, то, кажется, я сообщилъ всѣ внѣшнія условія, какія могъ замѣтить: мальчикъ, конечно, разучившій невольно вслѣдствіе своей роли поводыря, отчасти стихи своего слѣпца, при запинкѣ послѣдняго или подталкиваетъ его со словами: „ну, пой же, чего сталъ?“, или самъ ему подсказываетъ.—Еще наглядный образчикъ традиціонной передачи стиха.

Не рѣшаясь обобщать цѣликомъ частный случай, каковъ несомнѣнно наблюденный мною, я бы хотѣлъ отмѣтить, подчеркнуть нѣкоторыя частности, имѣя въ виду другіе случаи и общія наблюденія надъ жизнью народной пѣсни со стороны ея modus'a vivendi. Эти общія наблюденія отчасти подтверждаются и нашимъ слу-

---

[1]) См. „Живая Старина“, 1900, III, 435.

чаемъ. Другой рядъ наблюденій даетъ непосредственное изученіе текстовъ, записанныхъ мною. Сначала о репертуарѣ слѣпца: въ отличіе отъ спеціалистовъ по духовнымъ стихамъ старыхъ слѣпцовъ, нашъ уже расширилъ его, принявъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ и свѣтскія пѣсни. Это расширеніе репертуара и именно въ эту сторону, показывая съ одной стороны уже ослабленіе прежняго серьезнаго воззрѣнія на духовный стихъ и въ частности на его исполнителя у слушателей, характеризуетъ ослабленіе традиціи ея у самого пѣвца во взглядѣ на самого себя: если нашъ Григорій Артамоновъ и не любитъ свѣтскихъ пѣсенъ, онъ всетаки ихъ поетъ, потому что это выгодно для него, его ремесло даетъ ему при этомъ условіи больше заработка. Старый калика высоко цѣнилъ свое занятіе, м. б. видѣлъ въ немъ общественную заслугу свою, смотрѣлъ на себя съ уваженіемъ. Припомнимъ, напр., приведенное мною раньше наблюденіе Гильфердинга на счетъ профессіональнаго пѣвца духовныхъ стиховъ Ивана Фепонова. Пѣніе духовныхъ стиховъ у нашего пѣвца приблизилось уже болѣе къ представленію о ремеслѣ, дающемъ кусокъ хлѣба, и идеальная сторона пѣнія отступаетъ на второй планъ. Что это явленіе общее, подтверждаютъ и другія наблюденія: слышанные мною слѣпцы-пѣсенники по ту сторону Днѣпра за Кіевомъ прямо смотрѣли на себя, какъ на людей, на обязанности которыхъ потѣшать публику: они и начинали свое пѣніе, безъ приглашенія и заказа, прямо съ веселыхъ пѣсенъ, въ родѣ вновь сложенной пѣсни о земскихъ начальникахъ и о земскихъ низшихъ чинахъ (писарь, староста), пѣсни, записанной мною позапрошлое лѣто, при томъ довольно уже сатирическаго характера. Пѣвецъ, пѣвшій эту пѣсню, неохотно пѣлъ духовныя, да изъ нихъ онъ зналъ только общеизвѣстный стихъ о рождествѣ, а больше ему знакомы были церковныя пѣснопѣнія съ путаницей словъ и мотивовъ. Такой же, уже расширенный репертуаръ находимъ уже и въ Бѣлоруссіи, по словамъ А. Е. Грузинскаго. (Десять чтеній, 19). Подобно нашему слѣпцу и Бѣлорусскій знаетъ Фому и Ерему и рекрутскую пѣсню. Наблюденія надъ пѣсней на сѣверѣ констатируютъ тоже расширеніе спеціализаціи: пѣвцы духовныхъ стиховъ все чаще и чаще вводятъ въ свой репертуаръ былину, пѣсню [1]). Выводъ изъ ска-

[1]) Такъ Рыбниковъ записалъ рядъ былинъ отъ каликъ (см. выше, прим.).

заннаго ясенъ: паденіе интереса къ духовному стиху, какъ таковому, замѣчается въ слушателяхъ, ихъ вкусъ требуетъ интереснаго веселаго даже отъ убогаго калики, и калика въ интересахъ заработка идетъ навстрѣчу этому желанію, становясь изъ лица полу-духовнаго въ рядъ простыхъ пѣсенниковъ увеселителей: старый калика и старый скоморохъ забавникъ, пѣвшій былины, старины, сближаются въ современномъ пѣвцѣ духовнаго стиха, слѣпцѣ, подъ давленіемъ новыхъ вкусовъ или, лучше сказать, подъ давленіемъ утраты прожняго чутья къ поэзіи у слушателей.

Затѣмъ, мнѣ кажется, не лишнее будетъ обратить вниманіе на способъ усвоенія новыхъ стиховъ каликой. Традиціонный способъ устной передачи нѣсколько расширяется путемъ письменной „книжки" нашего Артамонова. Изъ древняго времени и даже изъ болѣе къ намъ близкаго, у собирателей стиховъ, мнѣ не приходилось встрѣчаться съ подобнымъ яснымъ указаніемъ на процессъ усвоенія стиховъ при помощи книжки [1]). Какъ извѣстно, собранія духовныхъ стиховъ, попадавшихъ въ наши научные сборники, составлялись до сихъ поръ изъ двухъ источниковъ: изъ записей, сдѣланныхъ собирателями съ голоса, какъ это сдѣлалъ и я, и изъ старинныхъ (рѣдко, впрочемъ, XVII, чаще же XVIII-го вѣка) сборничковъ рукописныхъ, большею частью содержащихъ такъ называемые „псальмы", т. е. стихи, завѣдомо книжнаго, большею частью учениковъ духовныхъ школъ производства [2]). Таковъ типичный составъ огромнаго собранія духовныхъ стиховъ, редактированныхъ Безсоновымъ, „Калѣки перехожіе". Между этими стихами въ рукописныхъ тетрадкахъ (ихъ не мало, напр., въ числѣ рукописей Тверского музея, въ собраніи Н. С. Тихонравова) попадаются и народные, попадаются и намъ извѣстны сборники и другихъ произведеній народной словесности, каковы былины,

[1]) Что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ исключительнымъ явленіемъ, видно изъ замѣтки Н. Кашина, сообщившаго въ недавно вышедшей книжкѣ Э. О. XLI, стр. 139, любопытный, аналогичный до нѣкоторой степени фактъ: Петринъ, пѣвшій пѣсню объ Александрѣ II (я ея коснусь ниже) пояснилъ между прочимъ, что есть книжки, въ которыхъ все содержаніе пѣсни подробно и хорошо разсказано. Или же это извѣстіе г. Кашина должно быть понимаемо въ смыслѣ указанія на книжный источникъ данной пѣсни, какъ полагаетъ г. Кашинъ.

[2]) Ср. *Житецкій,* Мысли о малорусскихъ думахъ. (Кіевъ, 1893), стр. 57—58.

напр. знаменитый сборникъ Кирши Данилова, гдѣ есть въ рукописи (но не въ печатномъ изданіи Калайдовича) даже старый стихъ о Голубиной книгѣ и другіе [1]), таковы же тетрадки конца XVII и XVIII в., по которымъ были изданы былины „старой записи" Миллеромъ и Тихонравовымъ [2]). Въ этихъ случаяхъ всегда предполагается „запись", т. е. стихъ, былина изъ устнаго обихода переходятъ въ книжку, нигдѣ же мы не находимъ яснаго, даже неяснаго указанія, чтобы стихъ переходилъ изъ книжки въ устное преданіе, если не считать намековъ извѣстнаго эпизода изъ Голубиной книги, изъ которой, и то по памяти, передаетъ царь Давидъ Іессеевичъ о тайнахъ мірозданія [3]), да и этотъ эпизодъ идетъ чуть ли не изъ книжнаго источника стиха—изъ Епистоліи о недѣлѣ или Іерусалимской бесѣды стараго времени. Подобный же намекъ, пожалуй, можно видѣть и въ пѣсняхъ людей Божіихъ.

Дайте книгу Родословъ,
Прочитаетъ Богословъ.

Но, кажется, правильнѣе будетъ видѣть здѣсь съ Тихонравовымъ [4]) намекъ не на книжное происхожденіе самаго стиха, а на книжную его передачу въ репертуаръ устнаго сказателя. Въ разсказѣ Артамонова мы узнаемъ впервые объ обратномъ переходѣ, изъ книжки, въ оскудѣвающій репертуаръ слѣпца стиховъ новыхъ. Это, однако, случай не исключительный: съ подобной же просьбой—написать стишокъ хорошій для разучиванья—предложенной мнѣ Артамоновымъ, обращался въ Бѣлоруссіи одинъ изъ слѣпцовъ, по-бѣлорусски „старцовъ", къ моему товарищу А. Е. Грузинскому, также записавшему стихи въ Лоевѣ Минской

---

1) Древнія россійскія стихотворенія, изд. 3-е (М. 1878), стр. XVI, прим.

2) Былины старой и новой записи (М. 1894) стр., 71 и слѣд.

3) А ты гой еси, сударь, премудрый царь,
Премудрый царь, Давыдъ Евсеевичъ!
Ты прочти книгу Голубиную,
Раскажи, сударь, намъ про бѣлый свѣтъ...

Давидъ отвѣчаетъ:

А читать книгу—её некому.
А сама книга а распечаталась,
Слова Божіи прочиталися.
Я скажу, братцы, да по памяти,
Я по памяти, якъ по грамоти.
(Безсоновъ, „Калѣки", № 78).

4) *Н. С. Тихонравовъ*, Собр. соч. I, 337 слѣд.

губерніи [1]). Ясное дѣло, что въ такого рода просьбѣ мы въ правѣ предполагать уже прогрессъ въ методѣ передачи стиховъ: на помощь оскудѣвающей традиціи устной передачи является книжка хотя бы и старая, рукописная, которая все болѣе и болѣе съ развитіемъ грамотности пріобрѣтаетъ довѣріе, становится все необходимѣе и необходимѣе въ быту: слѣпой калика уже оцѣнилъ ее въ примѣненіи даже къ своему традиціонному мастерству. Разъ дѣло обстоитъ такъ, полагаю, не будетъ большой смѣлостью зачислить и слѣпца, существующаго для удовлетворенія духовныхъ потребностей массы, зачислить въ число полезныхъ дѣятелей въ просвѣщеніи народа: направленный умѣло популярный слѣпецъ можетъ явиться хорошимъ проводникомъ полезныхъ и здоровыхъ идей въ массу въ родѣ странствующаго учителя. Поэтому гнать, отталкивать слѣпца не слѣдовало бы, а наоборотъ слѣдуетъ его поддержать, направляя въ желанную сторону постепенно его дѣятельность. Какъ видно изъ репертуара слѣпцовъ, они не чужды современности, вопросовъ настоящаго времени и легко могутъ быть проводниками разумнаго и эстетичнаго развитія массы, какъ люди близко стоящіе къ этой массѣ, часто даже ближе, нежели наши учителя народныхъ школъ, при томъ, какъ люди, пользующіеся, несомнѣнно, довѣріемъ этого народа.

Перехожу непосредственно къ собраннымъ мною пѣснямъ. Всего, какъ я сказалъ, сообщилъ мнѣ Артамоновъ болѣе тысячи стиховъ. Къ этой тысячѣ строкъ не относится сказаніе о 12 пятницахъ, которое онъ мнѣ разсказалъ. Стихи же эти слѣдующіе.

1) Христе Царю (о страстяхъ Христовыхъ)—31 ст.
2) Родъ Еврейскій (распятіе и плачъ Богородицы)—20 ст.
3) Егорій Храбрый—187 ст.
4) Александръ II—77 ст.
5) Алексѣй, Божій человѣкъ—380 ст.
6) Два Лазаря—160 ст.

---

[1]) Кстати будетъ вспомнить, что нѣсколько анологичный, во всякомъ случаѣ замѣчательный, фактъ перехода пѣсни изъ книги въ устную передачу, отмѣченъ былъ и по отношенію къ былинѣ А. Ѳ. Гильфердингомъ: я имѣю въ виду сербскую пѣсню про Іово и Мару въ переводѣ Н. Щербины, попавшую изъ его „Пчелы“ въ репертуаръ былинъ Матрены Меньшиковой (12, 20). Но это пока случай исключительный и имѣетъ въ силу положенія былины пока иной смыслъ.

7) Михаилъ Архангелъ (страшный судъ)—61 ст.
8) Иной стихъ о томъ же.—52 ст.
9) Плачъ Іосифа Прекраснаго.—26 ст.
10) Рождество Христово.—16 ст.
11) Совъ Богородицы.—78 ст.
12) Иже Христосъ Богъ нашъ (распятіе).—14 ст.

Всего стало-быть двѣнадцать номеровъ, съ „двѣнадцатью пятницами"—тринадцать. Изъ этихъ стиховъ одинъ весьма почтеннаго размѣра—объ Алексѣѣ—380 строкъ, два—Егорій и два Лазаря—средняго, одинъ 160, другой 187 стиховъ, остальные мелкіе отъ 76 до 14 стиховъ. Считать ли репертуаръ Григорія Артамонова выдающимся по объему или нѣтъ, сказать трудно, потому что, въ противуположность собирателямъ былинъ, послѣ А. Ѳ. Гильфердинга, ставшаго удѣлять не мало вниманія личности пѣвца и его репертуару, собиратели духовныхъ стиховъ обращали главное вниманіе на самый стихъ, удѣляя слишкомъ мало его самому слѣпцу. Поэтому даже въ лучшихъ по текстамъ и наиболѣе полныхъ сборникахъ, каковы Варенцова, Безсонова, отмѣчается далеко даже не всегда, отъ кого записанъ стихъ, стихи располагаются по содержанію, а не по пѣвцамъ [1]), а замѣтки о самихъ пѣвцахъ отсутствуютъ. Эта небрежность, скорѣе всего, находитъ объясненіе въ томъ, что до сихъ поръ духовный стихъ, какъ попадающійся часто сравнительно съ былиной, не былъ предметомъ такой заботливости, какъ она: исчезающая былина цѣнится и на ученомъ рынкѣ выше довольно обыкновеннаго духовнаго стиха [2]). Насколько это справедливо, ясно изъ сказаннаго мною раньше: если былина, дѣйствительно, цѣнна, какъ выраженіе поэтическаго настроенія массы, то отсюда не будетъ вытекать сравнительная безцѣнность стиха, такого же выраженія поэтическаго же настроенія, но въ иной области мысли и чувства: suum cuique. И къ духовному стиху, при теперешнихъ требованіяхъ науки, долженъ быть примѣненъ тотъ же методъ, что къ собиранію памятниковъ устной словесности вообще, разъ мы поставимъ культурно-психо-

[1]) Ср. *А. Ѳ. Гильфердингъ*, ц. с. I, 233.

[2]) Ср. *Квашнина-Самарина*. О былинахъ въ сборникѣ П. С. Ефименка (Труды Этногр. Отд. Люб. Естеств. Антроп. и Этногр., кн. V, вып. 2 (1878), стр. 1).

логическую цѣль нашему изученію. А съ этой точки зрѣнія важно не только содержаніе произведенія, но и личность поэта, въ частности его репертуаръ, какъ выраженіе его таланта, интересовъ, т. е. „полное собраніе сочиненій", если такъ можно условно выразиться. Нѣкоторый матеріалъ, довольно, впрочемъ, ограниченный и не особенно точный, даютъ существующія собранія духовныхъ стиховъ для приложенія и къ нимъ того же метода, что и къ былинѣ: огромный сборникъ Безсонова „Калѣки перехожіе" даетъ возможность *до нѣкоторой степени* представить себѣ репертуаръ отдѣльныхъ пѣвцовъ духовнаго стиха, говорю: „*до нѣкоторой степени*", потому что, если редакторъ въ стихахъ, имъ записанныхъ (большая часть идетъ отъ Кирѣевскаго, Якушкина и другихъ собирателей, частью же изъ записей старшаго времени, собраній рукописныхъ кантъ), если онъ въ этихъ стихахъ обозначилъ имя пѣвца и мѣстность, гдѣ записанъ стихъ, то въ своихъ широковѣщательныхъ некритичныхъ предисловіяхъ и послѣсловіяхъ онъ нигдѣ не сообщаетъ (не говоря уже о подробностяхъ касательно личности пѣвца, хотя это и обѣщаетъ въ предисловіи къ I-му выпуску) о томъ, въ какой степени онъ исчерпалъ репертуаръ своихъ пѣвцовъ, какъ это сообщали Гильфердингъ и Рыбниковъ: у перваго размѣщеніе по пѣвцамъ дѣлаетъ необходимымъ и яснымъ это требованіе, второй (II, стр. XII) прямо заявлялъ, что у такихъ-то пѣвцовъ онъ записалъ „рѣшительно все", а у Бутылки (фамилія пѣвца) многаго записать не успѣлъ. Но относительно П. А. Безсонова скорѣе можно полагать, что вопросомъ о репертуарѣ онъ не интересовался: по плану его изданія, по присутствію „сводныхъ" стиховъ видно, что онъ стремился къ полнотѣ содержанія, и стихъ, не дававшій ему новыхъ подробностей сравнительно съ положеннымъ въ основу (онъ его и печатаетъ первымъ въ группѣ однородныхъ, считая его „лучшимъ" по сохранности), въ изданіе не включался. Всетаки, не смотря на это, я бы ослабилъ нѣсколько категорическій упрекъ Н. С. Тихонравова Безсонову, что послѣдній не различаетъ даже кантъ отъ стиховъ [1]). Вниманіе Безсонова къ происхожденію стиха въ его собраніи (изъ чужой записи съ голоса, или изъ книжки или рукописи) сказалось въ обозначеніи всякій разъ, откуда взятъ этотъ или другой стихъ,

[1]) Рецензія въ Отчетѣ о 33 присужденіи Демидовскихъ премій, стр. 203, 223.

показываетъ, что Безсоновъ все-таки различалъ стихъ книжный и устный. Въ послѣдней категоріи онъ отмѣчалъ и пѣвца, котораго онъ самъ слышалъ или имя котораго нашелъ въ своемъ матеріалѣ (таковы были, повидимому, аккуратныя записи Отто изъ Валдайскаго уѣзда, перешедшія къ Безсонову) [1]). Выбравши на основаніи этихъ помѣтъ стихи, записанные отъ извѣстнаго пѣвца, мы получимъ *нѣкоторое* понятіе о репертуарѣ каждаго изъ нихъ; конечно, мы этотъ репертуаръ не будемъ, въ силу сказаннаго, считать безусловно полнымъ; но и въ этомъ видѣ репертуаръ пѣвцовъ, вошедшихъ въ „Калѣки перехожіе", дастъ кое-какія любопытныя, хотя и приблизительно только опредѣленныя наблюденія, особенно если мы сопоставимъ репертуаръ слѣпца съ репертуаромъ былиннаго пѣвца, извѣстнымъ намъ, благодаря методу Гильфердинга, вполнѣ точно. Я такъ и сдѣлалъ: выбралъ репертуаръ отдѣльныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ изъ „Калѣкъ перехожихъ"; результаты этой работы убѣдили меня въ томъ, что Безсоновъ въ этомъ отношеніи былъ, повидимому, исправнѣе, чѣмъ въ другихъ: онъ, повидимому, дорожилъ устнымъ стихомъ и старался напечатать такой стихъ, а не выкидывать, разъ была хоть какая-нибудь для этого возможность; въ этомъ убѣждаетъ меня то обстоятельство, что, не имѣя въ мысляхъ представить репертуаръ того или иного пѣвца, Безсоновъ тѣмъ не менѣе напечаталъ приблизительно одинаковое число стиховъ каждаго изъ своихъ живыхъ источниковъ; едва-ли это случайность: число стиховъ отъ каждаго колеблется между 9 и 12, одинъ далъ 6, двое 3—4. Приблизительно тѣже цифры и тѣже колебанія дали Гильфердингу его былинные пѣвцы и пѣвицы (если не считать, разумѣется, такихъ выходящихъ изъ ряда дарованій, какъ Калининъ, Прохоровъ, Рябининъ, Щеголенокъ). Это убѣждаетъ меня въ томъ, что, сочтя изданныя Безсоновымъ записи отъ пѣвцовъ довольно близко выражающими ихъ репертуаръ, я не сдѣлаю большой ошибки. А составъ этого репертуара по содержанію, какъ мы увидимъ, не противорѣчитъ наблюденіямъ надъ репертуаромъ „каликъ" вообще, сдѣланнымъ тѣмъ же Гильфердингомъ и Варенцовымъ. Послѣ этихъ предварительныхъ соображеній, по моему необходимыхъ, мы можемъ сдѣлать сопоставленіе нашего пѣвца съ его старшими товарищами въ

---

[1]) Предисловіе къ первому выпуску.

бозсоновскомъ сборникѣ. Изъ 10 пѣвцовъ и пѣвицъ у Безсонова пятеро оказались знающими 9—12 стиховъ, одна 6, одинъ 4, одинъ 3, двое по два стиха [1]); судя такимъ образомъ, по числу сюжетовъ—стиховъ, нашъ Артамоновъ будетъ принадлежать къ числу довольно богатыхъ по репертуару пѣвцовъ: у него 12 стиховъ, тринадцатое—апокрифическое сказаніе о пятницахъ. Такое же количество, конечно, приблизительно даютъ и пѣвцы былинъ: ясно, что такое количество сюжетовъ вмѣстѣ съ ихъ стихотворной формой подъ силу среднему пѣвцу, устно передающему свои произведенія: большее же количество указываетъ не только на дарованіе и способность пѣвца, но на дарованіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ въ средѣ носителей устной литературы [2]). Но если обратимся къ объему былинъ и духовныхъ стиховъ, то увидимъ сейчасъ же, что дѣло былиннаго сказателя требуетъ гораздо большей и лучшей памяти, нежели дѣло слѣпца-калики: при одинаковомъ почти количествѣ сюжетовъ мы сразу замѣтимъ, что былина въ общемъ гораздо больше по объему, нежели духовной стихъ: между послѣдними наиболѣе обширными приходится считать стихи: о Голубиной книгѣ, число стиховъ въ которой колеблятся между 150 и 250 въ наиболѣе полныхъ ея спискахъ, стихъ о Егоріи Храбромъ (150—180 и 290), Өеодорѣ Тиронѣ (120—220 ст.), Дмитріи Солунскомъ (230 ст.), Алексѣѣ—Божьемъ человѣкѣ (280—380), о Страшномъ судѣ (150—270 ст.) [3]), т. е.

---

[1]) Именно 1) *Дюдюкинъ* (Сакарево, Моск. губ.) 12. 2) *Лукерія* (Кислое, Смол. губ.) 12 (впрочемъ, при четырехъ стихахъ у Безсонова помѣта „рукоп. Лукер.“ стихи, записанные Лукеріей, но не сказано, чужіе ли она записала, или свои). 3) *Теленковъ* (Куднево, Орлов. губ.) 11. 4) *Бороздинъ* (Мценскъ) 10. 5) *Ларіонъ* (Боръ, Валдайск. у.) 8. 6) *Прасковья* (Можайск. у.) 6. 7) *Дорженниковъ* (Каменка, Тульск. г.) 4. 8) *Рѣпнинскій* (Орлов. губ. Болх. у.) 3. 9) *Антонъ* (Боръ, Валд. у.) 2. 10) *Онисимъ* (Осташковъ) 2. 11) *Антипъ* (Вокшино, Серп. у.) 2.

[2]) По отношенію къ былинамъ я по Гильфердингу произвелъ такого рода подсчетъ: изъ числа 35 пѣвцовъ и пѣвицъ болѣе 10 былинъ знаютъ четверо; 7—8 былинъ шестеро; 6 былинъ шестеро; 5 былинъ трое; 4—3 былины восьмеро, двѣ—четверо, наконецъ по одной также четверо.

[3]) По Безсонову: Голубиная кн. № 76—88, Егорій №№ 98—108, Өеодоръ №№ 122—125, Димитрій № 133, Страшный Судъ №№ 503—506; Алексѣй, стр. 218—238 по Варенцову или нашъ у Артамонова (см. выше). Разумѣется, „сводные“ стихи, какъ не существующіе на дѣлѣ, мною въ разсчетъ не принимаются.

на кругъ самые обширные духовные стихи надо считать 200—300 строкъ; большинство же стиховъ гораздо меньше, отъ 10 до 50, 60. Между былинами же, по подобному разсчету, мы должны счесть самую короткую строкъ отъ 100 до 120, среднюю 200—400, большую 800—1000 строкъ; былины же меньше 100 строкъ рѣдки, а если есть, то отрывочны; при этомъ не слѣдуетъ забывать, что трудность запоминанія былины увеличивается сводными былинами, т. е. такими, которыя соединяютъ въ одно нѣсколько сюжетовъ (напр. былины объ Ильѣ, Потокѣ, Добрынѣ, Вольгѣ и Микулѣ) [1]. Если же мы присмотримся повнимательнѣе къ „старинамъ“ со стороны ихъ содержанія, то и въ этомъ отношеніи замѣтимъ нѣкоторое соотношеніе между сюжетомъ и объемомъ былины; если мы обратимъ вниманіе съ одной стороны на старую былину, т. е. былину кіевскую и вообще южную по происхожденію, каковы былины объ Ильѣ, Добрынѣ, Потокѣ, Дунаѣ, Чурилѣ, Дюкѣ, и старую новогородскую (Садко, Буслаевъ) и на позднюю суздальско-московскую, каковы такъ называемыя „историческія“ пѣсни о Татарщинѣ, Грозномъ, Ермакѣ, взятіи Казани и т. д., то замѣтимъ, что старшая былина по объему будетъ обширнѣе, даже если она не циклическая, сводная у пѣвца, нежели поздняя, если даже удалимъ изъ нея такъ называемыя „повторенія общихъ мѣстъ“. Конечно, это наблюденіе безусловно точнымъ считать нельзя, имѣя въ виду, что много былинъ передается въ силу индивидуальныхъ свойствъ пѣвца или сокращенно, или отрывочно, потому что сказатель уже забылъ часть своей былины или не мастеръ въ композиціи. Это наблюденіе, конечно, будетъ правильно главнымъ образомъ для лучшихъ, наиболѣе талантливыхъ, а потому болѣе памятныхъ пѣвцовъ и лучше сохраняющихъ старую традицію; оно точнѣе всего формулируется такъ: въ общемъ въ числѣ былинъ старшаго времени по происхожденію чаще будутъ встрѣчаться былины обширныя, нежели короткія, а въ средѣ былинъ младшаго времени, наоборотъ, преобладать будутъ старины короткія надъ обширными. Или же такъ: большія и среднія по объему былины будутъ приходиться чаще на старыя „старины“, меньшія на младшія „старины“.

[1]) Если разложить сводную былину, то придется ея части зачислить въ число среднихъ или малыхъ былинъ, но тогда *число* былинъ у каждаго пѣвца значительно увеличится. Соотношеніе къ духовному стиху останется въ силѣ.

Въ этомъ мы убѣдимся путемъ наблюденія надъ объемомъ „старинъ" старшаго времени сравнительно съ былинами младшаго, если возьмемъ среднюю величину каждой отдѣльной былины на отдѣльный сюжетъ. Не говоря уже о томъ, что въ такъ называемыхъ историческихъ пѣсняхъ мы не встрѣтимъ по объему равныхъ былинамъ о Добрынѣ и Алешѣ или Добрынѣ и Казимірѣ, обнимающимъ первая 1090 стиховъ, вторая 1020, мы не найдемъ среди нихъ и близко подходящихъ по объему къ былинамъ средней величины: самая крупная „старинка" о Грозномъ въ среднемъ занимаетъ только стиховъ 170—180 въ общемъ, тогда какъ средняя цифра для былинъ о Потокѣ Михайловичѣ выразится цифрой 480—500; самая малая былина—о Вольгѣ и Микулѣ—обнимаетъ 100—110 стиховъ въ среднемъ, а пѣсня о Григоріи Отрепьевѣ только 40—45, при чемъ мы встрѣчаемъ между поздними пѣснями (Король Прусскій) даже пѣсни въ 20 строкахъ [1]). Въ средѣ же историческихъ пѣсѣнъ не лишено интереса отмѣтить преобладаніе сравнительно краткихъ и даже весьма краткихъ стихотвореній и сравнительно небольшое ихъ численное количество: если былины о Грозномъ еще приближаются къ средней и малой старой былинѣ, то пѣсни

---

[1]) Для наглядности присоединяю табличку съ указаніемъ средняго числа стиховъ, полученнаго мною по былинамъ Гильфердинга, при чемъ указываю также самую краткую и самую полную былину (не считая скомканнаго или безъ конца, который забылъ сказитель): Потыхъ 480—500 (284—1129), Дюкъ 430—450 (111—642), Садко 400—390 (115—601), Добрыня и змѣй 350—400 (336—589), Илья и Калинъ 330—340 (160—615), Дунай 290—300 (177—452), Добрыня и Алеша 250—300 (147—1090), Ставеръ 250—280 (192—371), Илья и Соловей 220—230 (107—471), Василій Буслаевъ 200 (144—260), Вольга 200 (195—205), Соловей Будиміровичъ 190—180 (114—285), Илья и сынъ 160—180 (106—338), Илья и Идолище 140—160 (107—274), Королевичи изъ Крякова 140—150 (118—306), Хотенъ Блудовичъ 140—150 (109—182), Чурило (смерть) 140—150 (93—175), Поѣздки Ильи 120—130 (113—153), Добрыня и Марина 110—120 (64—153), Вольга и Микула 100—110 (51—184), Грозный 170—180 (110—290), Наѣздъ Литвы 160—170 (138—198), [Батыга 150—160 (49—265)], Авдотья Рязанка 140, [Ермакъ 130—140 (36—185)], Кострюкъ 100—110 (98—127), Азовъ 75—80 (60—92), Щелкачъ 70—80 (37—95), Земскій соборъ 70—75 (69—83) Скопинъ 70, Петръ Великій 60, Отрепьевъ 40—45 (30—68), Стенька Разинъ 40—45, Шведская война 30—40, Взятіе Казани 30—40, Король Прусскій 20. Пѣсни о Батыгѣ, какъ представляющія передѣлку былинъ объ Ильѣ, и Ермакъ, также созданный на основахъ подобныхъ же былинъ объ Ильѣ, считаю не характерными для даннаго случая и любопытными въ иномъ отношеніи.

о Щелканѣ, Скопинѣ, рѣдко, даже въ наиболѣе обширныхъ пересказахъ, заходятъ за предѣлы малой былины старшаго происхожденія; если мы можемъ насчитать отъ 35—40 сюжетовъ для былинъ старшаго времени, доживщихъ до нашихъ дней (Миллеръ, Вс., Очерки, 83), то для позднихъ былинъ мы найдемъ уже гораздо меньше (отъ 15—20). При этомъ нельзя не отмѣтить и слѣдующаго: нѣкоторые сюжеты историческихъ пѣсенъ (Батыга, Ермакъ) представляютъ изъ себя ясное приспособленіе старой темы къ позднимъ событіямъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой связи между историческимъ событіемъ и объемомъ этой исторической пѣсни: чѣмъ позднѣе событіе, тѣмъ въ большинствѣ случаевъ будетъ и короче пѣсня; конечно она будетъ, разумѣется, короче старой „старинки". Эти общія наблюденія надъ былиной даютъ нѣкоторое право предполагать, что старая былина, перешедшая съ юга на сѣверъ или зародившаяся на сѣверѣ, дала происхожденіе поздней былинѣ (исторической пѣснѣ) тогда, когда былинное творчество вообще стало уже менѣе интенсивно: сюжеты Московскаго и, можетъ быть, даже московско-суздальскаго времени не могли уже излагаться въ такомъ обширномъ видѣ, какъ старшая былина; иначе: творчество уже ослабѣвало по части созданія былины, какъ въ смыслѣ объема, такъ и числа входящихъ въ обработку сюжетовъ. Расцвѣтъ же исторической пѣсни приблизительно надо относить къ XVI вѣку (Грозный, Ермакъ), но и тогда уже творчество въ этой области иногда оказывалось слабымъ настолько, что прибѣгало къ перелицовкѣ стараго репертуара на новый ладъ, какова былина о Ермакѣ, и чѣмъ позднѣе, тѣмъ объемъ пѣсни все короче и короче.

Духовный стихъ, какъ извѣстно, точно также въ это время получаетъ свое развитіе: конецъ XV—XVII в.—время созданія стиха въ той формѣ, какъ мы его знаемъ теперь. А это хронологическое опредѣленіе вполнѣ подтвердится и объемомъ нашего духовнаго стиха, поскольку этотъ объемъ выражаетъ степень творческой силы: нашъ духовный стихъ, живущій тою же жизнью, что и былина, въ самыхъ крупныхъ своихъ представителяхъ едва достигаетъ объема средней, а чаще малой былины. Еще въ одномъ отношеніи можно намѣтить аналогію между былиной и духовнымъ стихомъ, именно въ особенностяхъ стиха: въ позднихъ духовныхъ стихахъ, перешедшихъ въ устную передачу изъ кантовъ и псальмъ, можно замѣтить вліяніе школьныхъ виршъ въ видѣ стремленія сохра-

нить не только славянизмы условнаго школьнаго языка стихотворенія, но и риему, хотя, разумѣется, далеко не послѣдовательно, напр.

Жиды совѣтъ сотворяли
И они думали-гадали,
И хотятъ Христа-Бога поймати,
И ко смерти Его предати.
Іуда жидамъ и тѐчилъ,
Да самъ и прорѣчилъ и т. д. [1])

Это же вліяніе книжной риемованной поэзіи, которое можетъ быть понятно въ духовномъ стихѣ, тѣсно связанномъ съ книжной литературой и возникавшемъ преимущественно въ связи со школой, это же явленіе находимъ и на сѣверѣ, гдѣ школьная лирика далеко не могла такъ далеко простирать свое вліяніе, какъ южнѣе, и въ исторической пѣснѣ, которую поетъ тотъ же сказитель, что и старую былину; если здѣсь мы найдемъ еще меньше послѣдовательности въ стремленіи къ риемѣ, то во всякомъ случаѣ должны будемъ замѣтить, что тяготѣніе къ созвучію въ концѣ стиха, весьма близкому уже къ риемѣ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ становится замѣтнѣе; его не чужда и старая былина, но здѣсь она не бросается такъ въ глаза, и примѣры его довольно ограниченны, не пестрятъ такъ былину, какъ въ болѣе позднихъ „старинкахъ"; это большею частью „эпическая" тавтологія, усиливающая, какъ повтореніе съ небольшимъ новымъ оттѣнкомъ, первый членъ повторенія; напр.

126. Тутъ то Добрыня закручинился,
Тутъ то Добрыня запечалился.
Онъ приходитъ Добрыня во свой какъ домъ,
Онъ садился на брусо́ву нову лавочку,
Онъ повѣсилъ голову само́й зени.
Подходитъ къ ему родна матушка,
Она стала Добрынюшку выспрашивати
Она стала Добрынюшку вывѣдывати:
„О чемъ ты, Добрынюшка, кручинишься"
„О чемъ ты, Добрынюшка, печалишься?"

Отвѣтъ держалъ Добрыня къ родной матушкѣ:

— Не объ чёмъ я Добрыня не кручинюся
— Не объ чёмъ я Добрыня не печалуюсь.
— Только дай-ко мнѣ-ка, матушка, прощеньицо
140. — Только дай-ко мнѣ благословеньицо...

Гильфердингъ (№ 64).

Далѣе въ той же былинѣ мы не найдемъ уже такой группировки созвучій въ концѣ. Если же мы возьмемъ позднюю былину или пѣсню, то, кромѣ иного построенія стиха, уже болѣе короткаго, нежели въ старой былинѣ, замѣтимъ тяготѣніе къ созвучнымъ

[1]) Калѣки, IV, 199 (№ 372).

окончаніямъ, довольно рѣшительное у пѣвца. Если въ былинѣ о Кострюкѣ (№ 24) еще не такъ бросается въ глаза пристрастіе къ созвучіямъ, то всеже не обратить на него вниманія нельзя:

Въ той было столичѣ,
Въ дальнею граничѣ
Была поляница та крымская,
Царица татарская
5. Съ Кострюкомъ пріумилаcи,
Съ молодымъ сговарилася
Ѣхать въ царство русійское
8. Государство московское
. . . .
16. Чтобъ палаты онъ разглаживалъ,
А ёнъ ѣствы-ты налаживалъ,
А ёнъ питья-ты да пристанавливалъ,
. . . .
24. Есть ли борци на дворци,
Да удалы добры молодцы
Съ Кострюкомъ-то поборотися
Съ удалымъ попытатися,
Съ плеча да богатырскаго
29. Съ лichя-то молодецкаго.
. . . .
32. Еще есть у меня борци на дворци
Ай удалы добры молодцы,
Съ Кострюкомъ-то попытатися
Съ молодымъ поотвѣдати
А и́ плеча да богатырскаго,
39. А лича его да молодецкаго.
. . . .
44. И не бьются есть не борются,
45. Одной кашки есть напорются.

Такое же стремленье замѣтно, напр. и въ пѣснѣ о князѣ Михайлѣ (№ 299), которая начинается прямо риѳмованной пословицей:

Женился — не спросился,
Повѣнчался — не сказался.
Далѣе: Его матушка родима
Скоро съ двора проводила,
Парку баенку топила
. . . .
Князь Михайло прослезился,
Въ Онегушко бросился...

Въ пѣснѣ объ Азовѣ прямо группами попадаются созвучія (№ 37):

54. Какъ пятьсотъ телѣжекъ просмотрили,
Еще дру́гіихъ телѣжекъ не сустигли,
Они всѣхъ они вововъ-то запустили,
Они зачали въ Азовѣ торговати,
А своихъ они товаровъ продавати,
А заморскіихъ они стали покупати,
А булатніихъ возцовъ тыхъ отдирати,
Еще черныихъ юхто̀въ тыхъ открывати,
Да оттудова молодцовъ тыхъ выпускати.
Еще зачали казачки-то тутъ гуляти,
Они начали въ Азовѣ шурмовати,
65. Да начали турчановъ убивати.

Если въ пѣснѣ объ Азовѣ еще можно приписывать это тому, что эта былина пришлая (ср. Гильфердинга, I, 58—59), то въ пѣснѣ о Казани (№ 160), пѣтой Касьяновымъ рядомъ съ былиной о Дюкѣ и Потыкѣ, мы опять отмѣтимъ наклонность къ созвучнымъ окончаніямъ стиховъ [1]):

5. Казань горо̀дъ покорилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку онъ подкопы подводилъ,
За Сулой за рѣку бочки съ порохомъ катилъ.
. . . .
9. А татаре-то по городу похаживаютъ,
Они всякіе похабности оказываютъ.
. . . .
18. Какъ тутъ всѣ пушкари призадумалися
Призадумалися да припечалилися.
. . . .
21. Ты позволь, государь, слово выговорить!
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить.
. . . .
26. Татаре тутъ всѣ устрашилися,
Они бѣлому царю да покорилися.
. . . .
31. Подъ свято̀й Русью непобѣдимою,
Непобѣдимою Бого̀мъ любимою [2]).

Еще рѣшительнѣе это же стремленіе отмѣтимъ въ балагурныхъ пѣсняхъ, шуточныхъ старинкахъ, напр. въ пѣснѣ про „Большого быка“ (№ 297). Здѣсь запѣвъ ясно риѳмуется:

Да всѣ-то теперь разбѣжалися,
Да всѣ-то теперь роскучалися,
И со того со двора со боярскаго
Да съ того помѣстья государскаго:
Да, князья, послушайте,
Да, бояра, послушайте.
Да мужички ты земскіе
И старички деревенскіе,
Да ребятушки ма̀хотные
Да крестьянушки па̀хотные.
. . . .

[1]) Касьяновъ грамотный, любитель церковныхъ книгъ (Гильфердингъ, II, 516). Однако это не отразилось въ сторону риѳмы въ его былинахъ. Ясно, что его грамотность здѣсь ни при чемъ. Вся пѣсня очень короткая—32 стиха.

[2]) Число примѣровъ можно бы увеличить для „исторической пѣсни“ и еще: тѣ же, напр., особенности въ стилѣ и настроеніи найдемъ въ народныхъ пѣсняхъ объ Алексѣѣ Михайловичѣ и послѣдующемъ времени кончая смертью Петра I, записанныхъ Н. И. Костомаровымъ и А. Н. Мордовцевой въ Саратовской губ. (см. „Лѣтописи“ Н. С. Тихонравова, IV (1862, отд. 2, стр. 27 и сл.).

Въ самой старинѣ то же стремленіе:

21. Да не ѣлъ ли онъ да ни утятинки,
Да не ѣлъ ли онъ да ни лебедятинки
Захотѣлъ поѣсть урослой телятинки.

Въ варьянтѣ (№ 303) еще чаще:

35. Да какъ самъ то похаживаётъ,
Да какъ самъ то покрякиваётъ,
Бородой то потряхиваётъ,
Да какъ самъ выговариваётъ.
. . . .
46. Да онъ часто по Волги ходилъ
Да онъ много-то сёлъ тамъ громилъ
Да тѣмъ и голову кормилъ.
. . . .
54. Да какъ онъ воръ догадливъ былъ
Быку липовы лапотцы обулъ,
Напередъ онъ пятами повернулъ
Да какъ быка-то увёлъ
Да завелъ быка въ рощицу,
Привязалъ быка къ деревцу.
Да какъ самъ то похаживаётъ,
Да какъ самъ приговариваётъ
— Да какъ кто-то быка-то увёлъ,
— Да и тотъ-то безвѣстно ушелъ,
— Да какъ кто съ быка кожу сдерётъ
— Да и тотъ концомъ пропадётъ.
Да какъ былъ то Алёша мясникъ,
Да у него кулаки мясны,
Да у него клепики востры.
Да какъ ткнулъ быка палкой въ лобъ
Да какъ ткнулъ клепикомъ-то въ бокъ...

Говорить объ этихъ измѣненіяхъ въ стилѣ старинной былины, какъ о результатѣ прямого вліянія книжной риѳмованной поэзіи (что вполнѣ умѣстно въ духовномъ стихѣ), въ данномъ случаѣ едва ли можно. Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, стремленіе къ созвучіямъ въ концѣ стиха характеризуетъ преимущественно пѣсню уже иного пошиба—шуточную, сатирическую, слабѣе историческую, еще слабѣе былину. Въ этой послѣдней, кромѣ указаннаго выше примѣра „эпической тавтологіи", можно замѣтить нѣкоторую наклонность къ созвучіямъ въ „зачинахъ" и концахъ былинъ, гдѣ зачинъ или конецъ этотъ носитъ прибауточный характеръ (ср. Вс. Миллеръ, Очерки, 34—35) напр., въ былинѣ о Батыгѣ (№ 60, 18).

Толстобрюхія бабенки Лёмшозёрочки,
Ай пучеглазыя бабенки Пошозёрочки,
Ай Дунай, Дунай, Дунай,
Да болѣ пѣть впередъ не знай.

Эти прибаутки по своему характеру, отразившемуся въ иныхъ случаяхъ и на самой былинѣ, ведутъ свое происхожденіе отъ когда то существовавшихъ спеціалистовъ въ обработкѣ былинъ—веселыхъ людей-скомороховъ (Миллеръ Вс., Очерки, 52). Люди

эти, сколько мы знаемъ о нихъ, не были чужды нѣкотораго знакомства съ искусственной поэзіей, хорошо знали и народную, устную, существовали еще въ XVIII вѣкѣ (свидѣтельство В. Н. Татищева) [1]); они то и наложили свою печать на былину, преимущественно позднюю, на „былину-новеллу", по терминологіи Вс. Ѳ. Миллера, но коснулись и старой былины, напр., о Василіи Буслаевѣ, какъ это замѣтилъ И. Н. Ждановъ [2]). Если мы представимъ себѣ скомороховъ, вообще старыхъ профессіональныхъ былинныхъ пѣвцовъ, такимъ посредствующимъ звеномъ между книжной поэзіей и устной, и отнесемъ на долю этихъ спеціалистовъ выработку и самой формы устной поэзіи, то не будетъ, полагаю, ошибкой, на долю этихъ спеціалистовъ отнести и стремленіе къ риѳмѣ. Хронологически эти „риѳмованныя" пѣсни должны быть признаны поздними по происхожденію и своей обработкѣ, т. е. въ нихъ мы можемъ наблюсти уже иные вкусы относительно поэзіи и ея формы, отразившіеся и на старой былинѣ. Иной вопросъ: откуда идетъ эта форма? Отвѣтить на него можно только гадательно: риѳмованная поэзія книжная съ XVII вѣка получаетъ у насъ права въ литературѣ, нѣкоторое стремленіе къ созвучію (параллель такъ называемой „аллитераціи" другихъ народныхъ словесностей) не чуждо и раньше нашей народной поэзіи, напр. загадкѣ, особенно пословицѣ. Поэтому, нельзя ли видѣть расширеніе этой черты народной поэзіи подъ вліяніемъ риѳмачества XVII—XVIII в. въ отмѣченномъ нами стремленіи къ созвучію и риѳмѣ и въ народной пѣснѣ указаннаго характера въ рукахъ профессіональныхъ пѣвцовъ, ближе соприкасавшихся съ книжной литературой, нежели пѣвцы и пѣвицы обрядовой пѣсни? Въ связи съ этимъ надо представлять себѣ и другое измѣненіе формы: укороченіе стараго былиннаго стиха въ исторической пѣснѣ и въ шутливой, на что указано было выше. Эта черта даетъ опять параллель къ искусственной поэзіи, которая также (до силлабовъ Полоцкаго и Кантемира) предпочитаетъ короткій стихъ длинному:

---

[1]) Исторія Россійская I, 44 (Спб. 1768). Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимірѣ слыхалъ, въ которыхъ женъ его именами, также о сильныхъ людяхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣѣ Поповичѣ, Соловьѣ Разбойникѣ, Долкѣ Степановичѣ и проч. упоминаютъ и дѣла ихъ прославляютъ". Ср. Миллеръ Вс., Очерки, стр. 63—64.

[2]) Былевой эпосъ, стр. 401.

нашъ кантъ и псальма [1]) также въ отличіе отъ стараго стиха, построеннаго на манеръ старой былины (напр., стихъ о Ѳеодорѣ Тиронѣ), и въ народной передачѣ сохраняетъ короткій стихъ, какъ и большинство духовныхъ стиховъ народнаго происхожденія предпочитаютъ стихъ болѣе короткій, нежели былинный.

Все сказанное до сихъ поръ о риѳмѣ и формѣ стиха въ былинѣ и духовномъ стихѣ заставляетъ еще разъ считать духовный стихъ и позднюю „старинку" одинаково поздними по происхожденію, т. е. связать и форму стиха и объемъ ихъ съ позднимъ временемъ и измѣненіемъ литературныхъ вкусовъ [2]). Съ другой стороны, отсюда же слѣдуетъ, что, если форма стиха, въ частности его короткость и стремленіе къ созвучіямъ, едва-ли могутъ быть и для „старины" и для духовнаго стиха возводимы къ одному источнику непосредственно: въ былинѣ это стремленіе объясняется вліяніемъ книжной поэзіи черезъ посредство народнаго созвучія и спеціалиста по народной поэзіи, въ духовномъ стихѣ непосредственно переходомъ канта и псальмы; въ менѣе книжныхъ стихахъ отношеніе къ народной былинѣ будетъ т. о. тѣснѣе. Такимъ образомъ, если аналогія, намѣченная нами выше, и есть, то объясненіе ея для каждой группы—былины и стиха—будетъ не одно и то же, а будетъ обобщаться только на почвѣ *общаго* источника, которымъ каждая группа воспользовалась иначе: аналогія будетъ указывать на общее измѣненіе вкуса въ позднее время XVII—XVIII вѣка.

Я умышленно остановился на формѣ и объемѣ духовнаго стиха и былины: сравненіе ихъ даетъ, какъ видимъ, матеріалъ для ихъ исторіи при взаимномъ ихъ сопоставленіи и оправдываетъ мысль, что эта связь между ними есть и на дѣлѣ въ условіяхъ времени, когда возникала поздняя былина и духовный стихъ. А это и внѣшнимъ образомъ подтверждается тѣмъ, что, не раздѣляя строго обѣ области поэзіи въ своемъ сознаніи, пѣвецъ былинъ объединяетъ въ своемъ репертуарѣ иногда и духовный стихъ, особенно былино-образный, и настоящую богатырскую былину и

---

[1]) Подробнѣе см. *П. И. Житецкій*. Мысли о малорусской думѣ (Кіевъ 1893), стр. 160 и сл.

[2]) Сказанное справедливо будетъ относительно поздней исторической малорусской пѣсни—думы. См. *Житецкій*, у. с., стр. 3 и слѣд.

новеллу, а калика знаетъ также иногда и былины, нѣсколько окрашивая ихъ чертами своей профессіи. Здѣсь калика, впрочемъ, нѣсколько ригористичнѣе, какъ мы видѣли, былиннаго сказителя (Фепоновъ, см. выше): причина этого въ томъ, что калика еще сохраняетъ черты профессіональнаго пѣвца, сказитель же былины уже пересталъ имъ быть. Наконецъ, и на сѣверѣ, гдѣ калика имѣетъ въ своемъ распоряженіи былинный матеріалъ для расширенія своего репертуара по требованію вкусовъ современныхъ ему слушателей, расширеніе это происходитъ въ ту же сторону, что и у южнаго калики, былинъ не знающаго: онъ въ число своихъ задачъ включилъ уже и забаву слушателей и, хотя неохотно, внесъ въ репертуаръ уже шуточныя произведенія: калика Фепоновъ, пѣвшій духовные стихи и былины, такъ же какъ его учитель Мѣщаниновъ, поетъ веселыя „небылицы“ (Гильфердингъ, I, 456, прим.; ср. В. Миллеръ, Оч., 35), а также шуточную сатирическую „поэму“ Птицы (№ 62); пѣвецъ былинъ Завалъ (Гильфердингъ, III, 473—474) знаетъ только двѣ былины, а больше сказокъ, шутливыхъ повѣстишекъ, а въ числѣ ихъ и „Большого Быка“ (№ 303); человѣкъ это бывалый, исколесившій чуть не всю Россію, стало быть, до извѣстной степени не представитель только мѣстныхъ узкихъ вкусовъ. Нашъ Артамоновъ, какъ мы это уже видѣли, также, несмотря на свое каличество, невольно расширилъ свой репертуаръ въ ту же сторону, распѣвая Камаринскую и Ѳому съ Еремой. Ясно, что въ настоящее время потребность въ народной пѣснѣ, преимущественно шутливаго, забавнаго характера, можетъ считаться общераспространенной: отъ пѣсни требують не только утѣхи въ старинномъ смыслѣ этого слова, но и веселой забавы, потѣхи. Вотъ и съ другой стороны мы приходимъ къ тѣмъ же наблюденіямъ, какія мы получили и раньше, на основаніи непосредственныхъ наблюденій надъ исполнителемъ духовнаго стиха: репертуаръ и содержаніе былинъ и духовныхъ стиховъ даютъ намъ одинаковыя показанія. Такимъ образомъ, какъ былину приходится считать у современныхъ исполнителей выраженіемъ старой традиціи, а историческую и шутливую пѣсню относить къ младшей традиціи и современности, точно также и духовный стихъ современнаго калики—остатокъ старой профессіональной традиціи, а его мірскія пѣсни уже искаженіе этой традиціи. Поэтому мы въ нашемъ изученіи современной каличьей

литературы смѣло можемъ раздѣлять эти области: рѣзкое различіе по характеру между духовнымъ стихомъ и веселой пѣсней не допускаетъ даже такого взаимовліянія двухъ областей, какое мы могли намѣтить въ былинѣ: духовный стихъ скорѣе пропадетъ самъ, нежели превратится въ шуточный. Въ немъ могутъ имѣть вліяніе другія—болѣе, такъ сказать, серьезныя—области творчества, каковы, напр., обрядовыя пѣсни, суевѣрія, но никакъ не балагурная шутка, это наслѣдіе скомороха и народнаго юмора. Поэтому, не рискуя сдѣлать ошибку въ методѣ, мы можемъ обратиться къ изученію духовнаго стиха Артамонова, оставя въ сторонѣ его Камаринскую и Ѳому съ Еремой, и обратиться прежде всего къ сравнительному изученію репертуара его. Кое-какія общія замѣчанія мною уже сдѣланы. Болѣе детальное ознакомленіе дастъ возможность дополнить сказанное.

По мѣстностямъ, гдѣ записаны стихи, мы можемъ отчасти судить о большей или меньшей популярности того или другого стиха вообще: чѣмъ разнообразнѣе эти мѣстности, тѣмъ шире районъ его распространенія. То же указаніе даетъ и частое или рѣдкое помѣщеніе того или другого стиха въ репертуаръ пѣвца: стихъ, помѣщаемый въ репертуаръ часто, записанный у многихъ пѣвцовъ, репертуаръ которыхъ извѣстенъ, надо признать любимымъ стихомъ, популярнымъ. На основаніи этихъ принциповъ Варенцовъ (Сборникъ духовныхъ стиховъ, Спб., 1860) призналъ любимыми мотивами каличьихъ пѣсенъ: житіе Алексѣя, Божьяго человѣка, притчу о Лазарѣ, стихи о страшномъ судѣ (стр. 5); тотъ же ходячій репертуаръ для каликъ сѣвера призналъ и Гильфердингъ (Онежск. Былины, I, 15). То же наблюденіе вынесемъ и мы, если прослѣдимъ репертуаръ тѣхъ пѣвцовъ, съ которыми имѣлъ дѣло Безсоновъ. Пѣвцы эти идутъ изъ различныхъ мѣстностей: *Орловск.* губерніи, с. Руднева, Мценска, Болоховскаго уѣзда той же губ., *Валдайскаго* у., *Осташкова*, *Серпуховского* у., *Можайскаго*, Тульск. губ., *Смоленской* губ., Московск. губ. (Саларево) и др., вообще изъ средней полосы Россіи; стихи, ими пѣтые, могутъ считаться для этихъ мѣстъ популярными, если они часто встрѣчаются въ репертуарѣ пѣвцовъ [1]).

---

[1]) Этотъ подсчетъ темъ и стиховъ я нѣсколько расширяю, прибавляя къ репертуарамъ нашихъ пѣвцовъ данныя изъ сборника Безсонова, при чемъ

На первомъ мѣстѣ по популярности придется поставить стихи о *Страшномъ судѣ*: пѣвцы и пѣвицы Безсонова [1]) знали ихъ больше другихъ, при чемъ каждый исполнитель зналъ ихъ по нѣскольку разныхъ: такъ, Телёнковъ зналъ 3, Ларіонъ 2, Дюдюковъ,

---

приняты во вниманіе только стихи, идущіе изъ записей отъ сказителей, и опускаются идущіе изъ старыхъ тетрадокъ. Въ вопросѣ о степени распространенія стиха въ наше время этотъ подсчетъ можетъ дать нѣкоторое представленіе о популярности, не претендуя на точное цифровое опредѣленіе. Здѣсь репертуаръ не играетъ такой роли, какъ въ анализѣ творческой способности пѣвца.

[1]) Для большей наглядности привожу составленные мною изъ Безсоновскаго сборника репертуары его пѣвцовъ (см. выше, прим.), присоединяя №№ по изданію (налѣво) и число строкъ въ каждомъ стихѣ (направо): I. *Телёнковъ*: 1) 323. Жена милосердая (57), 2) 450. Страшный судъ (14), 3) 451. Тоже (39), 4) 500. Тоже (39), 5) 484. Чудная царице Богородице (65), 6) 575. Василій Кесарійскій (125), 7) 584. Двѣнадцать пятницъ (202), 8) 616. Сонъ Богородицы (70), 9) 662. Плачъ Адама (62), 10) 675. Житіе человѣческое (37), 11) 603. Прасковья-Пятница (27). II. *Ларіонъ*: 1) 321. Жена милосердая (54), 2) 374. Распятіе (и плачъ Богородицы) (73), 3) 459. Страшный судъ (62), 4) 497. Тоже (116), 5) 483. Пречудная царице Богородице (81), 6) 573. Василій Кесарійскій (55), 7) 593. Двѣнадцать пятницъ (48), 8) 652. Плачъ Адама (64). III. *Дюдюкинъ*: 1) 77. Голубиная книга (148), 2) 98. Егорій (152), 3) 122. Өедоръ Тиронъ (214), 4) 140. Борисъ и Глѣбъ (126), 5) 317 Рождество Х-во (25), 6) 322. Жена милосердая (90), 7) 454. Страшный судъ (39), 8) 502. Тоже (62), 9) 377. Распятіе (и плачъ Богор.) (12), 10) 656. Плачъ Адама (32), 11) 23. Лазарь (134), 12) 48. Іоасафъ-царевичъ (52). IV. *Бороздинъ*: 1) 46. Іоасафъ-царевичъ (63), 2) 79. Голубиная книга (99), 3) 100. Егорій (188), 4) 372. Распятіе (36), 5) 485. Чудная царице Богородице (58). 6) 452. Страшный судъ (43), 7) 507. Тоже (180), 8) 613. Сонъ Богородицы (48), 9) 614. Тоже (66). 10) 664. Плачъ Адама (71). V. *Лукерья*. 1) 25. Лазарь (148), 2) 32. Алексѣй, чел. Бож. (325), 3) 43. Плачъ Іосифа (20)—(„рукоп."). 4) 44. Тоже (19) („рукоп."), 5) 58. Іоасафъ-царевичъ (72). 6) 115. Егорій (133), 7) 134. Димитрій Солунскій (88), 8) 314. Рождество Х-во (32), 9) 465. Страшный судъ (26) („рукоп".), 10) 466. Тоже (27), 11) 469. Тоже (71), 12) 511. Тоже (112). IV. *Прасковья*. 1) 20. Лазарь (117), 2) 113. Егорій (126 безъ конца), 3) 172. Дочь тысячника (41; безъ конца), 4) 391. Плачъ Богородицы (42; „хожденіе"), 5) 400 д. Тоже (30), 6) 604. Прасковья-Пятница (12). VII. *Дорженниковъ*. 1) 78. Книга Голубиная (139), 2) 47. Іоасафъ-царевичъ (90), 3) 99. Егорій (187), 4) 141. Борисъ и Глѣбъ (111). VIII. *Рѣпнинскій*. 1) 574. Василій Кесарійскій (85), 2) 581. Двѣнадцать пятницъ (111), 3) 663. Плачъ Адама (48). IX. *Антонъ*. 1) 461. Страшный судъ (68), 2) 653. Плачъ Адама (116 въ полустихахъ). X. *Антипъ*. 1) 76. Голубиная книга (182), 2) 572. Василій Кесарійскій (162). XI. *Онисимъ*. 1) 84. Голубиная книга (165), 2) 331. Жена милосердая (70).

Бороздинъ по два, а Лукерья даже 4, нашъ Артамоновъ зналъ также два. Сюда же по содержанію надо присоединить стихъ о чудной царицѣ, который встрѣтился у троихъ изъ нашихъ пѣвцовъ, тѣхъ, которые знали и предыдущіе стихи о Страшномъ судѣ. Это наблюденіе надъ рядомъ частныхъ случаевъ, каковы наши, подкрѣпляется и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: группа стиховъ о Страшномъ судѣ принадлежитъ къ числу обширнѣйшихъ и въ сборникѣ Безсонова (вып. 5): у него оказалось собранными изъ устъ сказителей *восемь* разновидностей этой темы въ 60 слишкомъ пересказахъ, не считая массы тѣхъ же стиховъ, найденныхъ въ тетрадкахъ; среди нихъ оказался по количеству наиболѣе популярнымъ стихъ съ началомъ:

Плачемъ ужасаемъ,
На Страшный часъ помышляемъ,

создавшійся, кстати сказать, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ извѣстнаго церковнаго пѣснопѣнія въ чинѣ по усопшемъ; этотъ стихъ далъ Безсонову 22 записи. Его спѣлъ и нашъ Артамоновъ. Наименьшей популярностью въ этой группѣ пользуется стихъ съ началомъ:

Придеть намъ время предпослѣднее
Будеть нашимъ грѣшнымъ душамъ разсужденія,

спѣтый только Лукерьей (Смол. губ., Краснинск у. дер., Кислое; № 511). Но этотъ же стихъ знаетъ и Артамоновъ, озаглавливая его именемъ „Архангела Михаила“ [1]), какъ это дѣлаютъ и другіе пѣвцы, относя это заглавіе къ стиху:

Еще бы зналъ человѣкъ житіе вѣку себѣ,
Своей бы силой поработалъ [2]).

Затѣмъ, по популярности слѣдуетъ вторымъ у нашихъ пѣвцовъ поставить извѣстный *плачъ Адама*: его дали шестеро изъ пѣвцовъ Безсонова. Это одинъ изъ самыхъ старыхъ стиховъ, встрѣчающихся въ нашей письменности и давно уже извѣстный по своей связи съ апокрифич. сказаніями объ Адамѣ [3]), весьма часто встрѣчающихся у каликъ: у Безсонова 17 устныхъ записей, и

1) У Лукерьи онъ зовется „Грѣшница“; Ср. Безсоновъ, V, 232, прим.
2) № 512–516; ср. примѣч. къ № 511 у Безсонова (V, 236).
3) Вторая редакція „Адама“; см. Тихонравова „Пам. отр. лит.“, I, 299.

рядъ записей въ тетрадкахъ. Нашъ Артамоновъ этого стиха не знаетъ, почему—сказать трудно; можетъ-быть, причина этого лежитъ въ томъ, что стихъ объ Адамѣ пользуется распространеніемъ среди раскольниковъ (ср. Безсонова, № 632—634); въ мѣстности же, гдѣ живетъ Артамоновъ, кажется, не видно вліянія раскольниковъ, т.-е. нѣтъ данныхъ для поддержанія интереса къ стиху; а можетъ быть—это и случайность.

Не меньшей популярностью пользуются у нашихъ пѣвцовъ и „Страсти", т. е. стихи *о крестной смерти Спасителя*, плачъ Богородицы; сюда же по содержанію близко подходитъ и извѣстный „*Сонъ Богородицы*": первые оказались въ репертуарѣ четырехъ изъ пѣвцовъ Безсонова, у одной пѣвицы даже два разныхъ плача; второй у двухъ, при чемъ одинъ калѣка зналъ два стиха объ одномъ и томъ же. Всѣ эти стихи представляютъ нѣсколько разнообразныхъ обработокъ темы, по меньшей мѣрѣ, четыре, не считая Сна Богородицы, и дали тридцать слишкомъ пересказовъ Безсонову (не считая взятаго изъ тетрадокъ). И нашъ Артамоновъ зналъ два стиха о Распятіи, одинъ названный имъ „Христе Боже" и подходящій подъ первую группу Безсонова, съ началомъ:

Жиды совѣтъ сотворяли
И они думали гадали [1]),

другой, коротенькій, не подходящій ни подъ одинъ изъ напечатанныхъ Безсоновымъ. Знаетъ онъ и „Сонъ Богородицы", близко подходящій къ стиху съ началомъ:

Сонъ Богородицы явился.
Свѣтъ Мать и Марія Пресвятая
Съ вечéри въ раю почивала [2])

Часто встрѣчается у пѣвцовъ и стихъ о *Георгіи*, пять пересказовъ котораго дали пѣвцы Безсонова, всего записей у него 17, всѣ изъ устъ пѣвцовъ; небольшое число стиховъ о Георгіи сравнительно съ предъидущими находитъ себѣ объясненіе въ объемѣ стиха, принадлежащаго къ числу довольно обширныхъ (до 200 строкъ и болѣе); этотъ стихъ въ довольно полномъ видѣ знаетъ и нашъ Артамоновъ.

---

[1]) Безсоновъ, V, 199 (№ 372).
[2]) Тамъ же VI, 197 (№ 616).

Приблизительно такъ же популярна у пѣвцовъ и *Голубиная книга* (четверо изъ пѣвцовъ Безсонова; 16 записей всего). Артамоновъ знаетъ про нее по слухамъ, но не поетъ (см. выше).

Стихъ о *Лазарѣ*, какъ близко подходящій по содержанію къ положенію слѣпцовъ-нищихъ, по мнѣнію собирателей, считается типичнымъ стихомъ каличьимъ; но у Безсонова знали его только трое, всего у него набралось только семь записей. Скорѣе всего это можно счесть индивидуальной особенностью собраннаго матеріала у Безсонова: эти стихи часто попадались другимъ собирателямъ напр: (Варенцову, стр. 66 слѣд. 212 слѣд.). Обстоятельный стихъ даетъ и нашъ Артамоновъ.

Въ подобномъ же положеніи приходится считать и стихъ *объ Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ*, хотя только одинъ разъ попался Безсонову онъ у его пѣвцовъ, и только восемь пересказовъ вошло въ его сборникъ; нельзя не отмѣтить и того, что стихъ объ Алексѣѣ принадлежитъ къ числу такихъ же объемистыхъ, какъ и стихъ о Георгіи; тѣмъ не менѣе онъ и помимо Безсонова попадался собирателямъ (Варенцовъ, 219—228). У Артамонова стихъ объ Алексѣѣ оказался самымъ крупнымъ по объему—380 строкъ.

Короткаго, но весьма популярнаго, скорѣе всего благодаря тѣсной связи съ идеями раскольничьихъ сектъ, стиха *о царевичѣ Іоасафѣ*, въ пустыню отходящаго, у нашего Артамонова не оказалось, хотя четверо пѣвцовъ Безсонова его знали, а ему удалось собрать болѣе 25 записей въ двухъ или трехъ версіяхъ. Объяснить отсутствіе этого стиха у нашего пѣвца затрудняюсь. На ряду съ этимъ стихомъ по популярности слѣдуетъ поставить стихъ *о Василіи Кесарійскомъ* (собственно о хмѣльномъ питіи), давшій три записи Безсонову у его пѣвцовъ, всего собравшему семь записей; его не знаетъ нашъ Артамоновъ.

Къ циклу *рождественскихъ* стиховъ, очень слабо (два пѣвца) представленныхъ пѣвцами Безсонова и очень обильно по числу и разнообразію записями чужими и книжными (около восьмидесяти), надо отнести довольно популярный стихъ *о женѣ милосердой*, давшій четыре записи непосредственно и всего до 15 другихъ. Послѣдній стихъ въ своей популярности, можетъ быть, поддерживался вліяніемъ раскольниковъ-сектантовъ (напр. самосожигателей). Эта скудость записанныхъ рождественскихъ собственно стиховъ у Безсонова объясняться можетъ, скорѣе всего временемъ, когда запи-

сывалъ Безсоновъ свои стихи: несомнѣнно, тѣсно связанные съ „славленьемъ", они должны были быть извѣстны и его пѣвцамъ; если Безсоновъ записывалъ у пѣвцовъ, нами выбранныхъ, не на Рождествѣ или вообще не близко ко времени святокъ, то онъ могъ и не услыхать этого стиха, какъ пріуроченнаго къ опредѣленному времени: Артамоновъ пропѣлъ этотъ стихъ, прибавивъ, что поется онъ на святкахъ. Другіе пѣвцы, мною слышанные, также пѣли стихъ по приглашенію. Это подтверждаетъ и масса записей этого стиха, попавшая въ руки Безсонова. „Милосердой жены" Артамоновъ не поетъ.

Наконецъ, къ числу стиховъ, довольно распространенныхъ, надо отнести стихъ *о двѣнадцати пятницахъ* (у Безсонова три пѣвца, 9 пересказовъ, одинъ прозаическій). Популярность этого стиха ясна по связи его съ извѣстной апокрифической статьей Папы Климента, распространенной въ массѣ списковъ, съ XV в. [1]. Нашъ Артамоновъ, начавши пѣть въ стихахъ, переходитъ къ пѣвучему сказыванію, какъ, вѣроятно, сказывалъ и Ѳома Киселевъ, отъ котораго имѣлъ запись Безсоновъ (№ 590), хотя у насъ ритмичность и повторенія стиха сохранились: или Артамоновъ заучилъ уже разлагавшійся стихъ, или плохо запомнилъ стихотворный ладъ и самъ уже разложилъ стихъ.

Наконецъ, Артамоновъ знаетъ стихъ *о плачѣ Іосифа прекраснаго*, встрѣтившійся только два раза у одной пѣвицы (№ 43, 44) и болѣе не попавшійся ему въ его матеріалахъ. Это, повидимому, обособившаяся лирическая часть стиха о прекрасномъ Іосифѣ: стихъ этотъ (чуть ли не книжнаго и происхожденія и весьма недавняго, см. № 37 и слѣд.) великъ по объему (стиховъ до 400) и не подъ силу былъ пѣвцамъ, которые и взяли изъ него наиболѣе сильную лирико-драматическую сцену, прибавивши начало изъ церковной пѣсни:

Кому повѣмъ печаль мою,
Кого призову къ рыданію.

Во всякомъ случаѣ тексты Безсонова и нашъ носятъ явно отрывочный характеръ.

Этимъ стихомъ, не считая стиха объ Александрѣ II, исчерпывается репертуаръ нашего пѣвца. У Безсоновскихъ пѣвцовъ встрѣ-

[1]) Ср. *Тихонравовъ* Пам. Отр. Лит. II, 337 и слѣд.

чены были еще: Өеодоръ Тиронъ, Димитрій Солунскій, Житіе человѣческое, Дочь тысячника—по разу, Прасковья Пятница, Борисъ и Глѣбъ—по два раза. Все это стихи, въ общемъ не часто встрѣчающіеся [1]).

Такимъ образомъ нашъ Артамоновъ въ общемъ поетъ тѣ стихи, которые пользуются популярностью и у другихъ пѣвцовъ, но не знаетъ стиховъ былиннаго пошиба, за исключеніемъ популярнаго Егорія; кромѣ того, не безъинтересно, быть можетъ, и то, что онъ не знаетъ тѣхъ стиховъ, которые, будучи популярны у другихъ пѣвцовъ, стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ раскольничьимъ стихомъ [2]), поскольку этотъ послѣдній имѣетъ общаго съ остальнымъ; „каковы: Пречудная царице" „Жена милосердая" (она же у раскольниковъ—Аллилуева [3]), „Царевичъ Іоасафъ". Не знаетъ онъ и „Голубиной книги" и „Плача Адама".

Эти отрицательныя качества нашего пѣвца наводятъ, кажется, на нѣкоторыя соображенія или предположенія: въ его репертуарѣ не находимъ, за исключеніемъ Егорія, какъ стиха весьма популярнаго, старыхъ стиховъ, сложившихся въ лучшую пору былинной поэзіи, поэтому и отлившихся въ былинную форму, каковы Өеодоръ Тиронъ, Димитрій Солунскій, не находимъ стиховъ съ специфической до извѣстной степени окраской—раскольничьей, не находимъ, наконецъ, старыхъ по образованію стиховъ, какова „Голубиная книга", съ ея космогонически-богомильскими реминисценціями, стихъ объ Адамѣ засвидѣтельствованный старыми апокрифами и по спискамъ XV—XVI в. (Исповѣданіе Еввы) и старой литературой (посланіе Василія Новгородскаго о раѣ) русской XIV вѣка. Наоборотъ, въ его репертуарѣ преобладаютъ стихи болѣе поздняго происхожденія, каковъ стихъ, лучшій и обширнѣйшій у него, объ Алексѣѣ, стоящій въ томъ видѣ, какъ мы его знаемъ, въ зависимости отъ Анөологіона, 1660 года [4]); таковъ же стихъ его объ Іосифѣ прекрасномъ, вышедшій

---

1) У Безсонова всего: Өеодоръ Тиронъ 5 записей, Димитрій Солунск. 3 записи, Житіе человѣч. 4 записи, Дочь тысячника 1 запись, Прасковья Пятн. 13 записей, Борисъ и Глѣбъ 6 записей.

2) Число раскольниковъ въ у. Рыльскомъ и Дмитріевскомъ въ общемъ незначительно, судя по статистическимъ, хотя и старымъ, свѣдѣніямъ (Труды Курскаго губернск. статистич. комитета, вып. I, (1863), стр. 12, 13. Нѣсколько больше ихъ считается въ Дмитріевскомъ уѣздѣ.

3) *Тихонравовъ*, „Сочин." I, 349.

4) *Тихонравовъ*, „Сочиненія" I, 350, *Варенцовъ*; „Духовн. стихи", 8.

изъ лубочной тетрадки, также не старше XVII в. [1]). Остальные стихи его репертуара, за исключеніемъ стиха о Лазарѣ, время происхожденія котораго неизвѣстно пока, короткіе и скорѣе лирическіе или полу-лирическіе, при томъ по формѣ довольно уже поздніе; въ нихъ, даже въ „Лазарѣ", уже ясно сильное стремленіе къ риемѣ—созвучію [2]). Всѣ эти черты могутъ получить, съ устанавливаемой нами точки зрѣнія на хронологію, на основаніи не только содержанія, но и формы стиховъ, истолкованіе въ смыслѣ поздняго по времени какъ репертуара, такъ и самого вида стиха у нашего Артамонова, т.-е. что онъ уже представляетъ намъ болѣе поздній репертуаръ, даже нежели нѣкоторые изъ Безсоновскихъ пѣвцовъ, которые, имѣя тотъ же въ общемъ репертуаръ, что и Артамоновъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ сохраняютъ еще кое-что и изъ старшаго репертуара. Здѣсь можетъ имѣть значеніе и географическое распредѣленіе пѣвцовъ, если мы попробуемъ освѣтить его съ точки зрѣнія географическаго распредѣленія былины; на это мы имѣемъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое право въ виду связи между былиной и духовнымъ стихомъ въ ихъ измѣненіяхъ на почвѣ исторіи этого общаго типа памятниковъ народной словесности. Районъ былины, какъ извѣстно [3]), довольно ясно опредѣлился еще XVII—XVIII в. для европейской Россіи; самая распространенность былинъ постепенно понижается къ югу, у южновеликоруссовъ сводится почти къ нулю, а на самомъ югѣ, на границахъ съ малорусскимъ говоромъ, былинъ уже совсѣмъ нѣтъ. Если мы переведемъ это наблюденіе на почву характера памятниковъ, то должны будемъ сказать, что повѣствовательная стихотворная поэзія все слабѣетъ и слабѣетъ по направленію къ югу: она замѣняется все болѣе и болѣе или повѣствовательно-лирической или прямо-лирической: югъ богаче сѣвера лирическими и полулирическими пѣснями [4]). А старшій по происхожденію духовный

---

[1]) *Тихонравовъ*, тамъ же.

[2]) Примѣры см. въ самыхъ текстахъ.

[3]) Подробнѣе см. *Вс. Миллера*. Очерки, 65—96, особ. 91—92.

[4]) Здѣсь, можетъ-быть, имѣетъ вліяніе малороссійскій югъ съ его школьно-народной поэзіей виршъ (псальмовъ и кантовъ). Болѣе или менѣе повѣствовательная „дума",—трудно сказать, почему не имѣла вліянія на южно-великорусскую пѣсню; м.-б. потому, что она связана тѣсно съ исторій казачества, явленія, не имѣвшаго мѣста у южно-великоруссовъ? Ср. *В. Н. Перетцъ*. „Изъ исто-

стихъ, напр.—Голубиная книга, стихи о Θеодорѣ, Димитріи Солунскомъ—преимущественно повѣствовательнаго характера: не даромъ они и по формѣ ближе стоятъ къ былинѣ, нежели къ лирической пѣснѣ. Иначе: нашъ Артамоновъ потому знаетъ больше позднихъ, притомъ лиро-эпическихъ стиховъ, что онъ самъ—южно-руссъ, учился у южно-руссовъ, въ той мѣстности, гдѣ не только нѣтъ (да, можетъ-быть, и не было) чисто повѣствовательной стихотворной поэзіи, а нѣтъ уже почти и полу-повѣствовательной. А это опять-таки совпадаетъ съ другимъ наблюденіемъ во всей русской народной пѣсенной поэзіи: въ ней лирика постепенно завоевываетъ все болѣе и болѣе мѣста въ ущербъ повѣствованію.

Въ такомъ смыслѣ нашъ Артамоновъ, насколько показываетъ его репертуаръ духовныхъ стиховъ, ихъ форма, можетъ быть сочтенъ представителемъ, съ одной стороны, южно-великорусской духовной поэзіи, а съ другой, поздняго состоянія и новѣйшихъ измѣненій въ характерѣ этой духовной поэзіи. А то̀, что было сказано объ отношеніяхъ его къ мірской поэзіи, показываетъ, что и въ немъ мы можемъ видѣть, хотя бы и въ начальной стадіи, паденіе самой поэзіи духовнаго стиха въ старинномъ смыслѣ профессіональнаго пѣвца этихъ стиховъ. Артамоновъ волей-неволей идетъ навстрѣчу современнымъ вкусамъ слушателей: онъ не только уже тѣшитъ ихъ балагурнымъ Θомой съ Еремой, камаринскимъ, но находитъ возможнымъ считаться и съ современными событіями, болѣе или менѣе интересующими и громкими въ глазахъ слушателей: поэтому онъ поетъ уже и новую пѣсню о смерти Александра II. Откуда онъ взялъ ее, мнѣ узнать и опредѣлить не удалось. Пѣсня эта, однако, повидимому, уже пользуется нѣкоторой популярностью, кажется, входитъ, если уже не вошла, въ репертуаръ современныхъ пѣвцовъ-каликъ: эта же пѣсня, въ текстѣ, довольно близко подходящемъ къ моей записи, была недавно записана также со словъ слѣпца, пѣвшаго ее подъ

рія русской пѣсни", ч. I (Спб. 1900), стр. 195, 201, 206, 207. Подобное же наблюденіе—о сравнительно меньшемъ распространеніи лирической пѣсни на сѣверѣ, нежели на югѣ—сообщаетъ и *Н. М. Лопатинъ* въ своемъ обзорѣ русскихъ лирическихъ пѣсенъ („Сборникъ русскихъ лирическихъ пѣсенъ", М. 1889, ч. I, стр. 9).

звуки лиры въ области Донского войска [1]). Та же пѣсня записана въ г. Харьковѣ отъ слѣпца Ивана Михайловича Петрика (изъ с. Валокъ, Харьков. губ. родомъ) въ апрѣлѣ 1899 г., также съ аккомпанементомъ лиры [2]) слышали эту пѣсню и въ той же Курской губерніи на ярмаркѣ [3]). Несомнѣнно одно, что мы имѣемъ передъ собой пѣсню искусственную по складу, хотя и не искусную, обязанную своимъ происхожденіемъ неизвѣстному слагателю, въ родѣ тѣхъ, которые поставляютъ обильный матеріалъ для современныхъ пѣсенниковъ: стремленіе къ риѳмѣ, безъ чувства ритма, къ вычурности и дешевымъ трескучимъ эффектамъ, наборъ словъ, на лицо всѣ черты, которыя мы встрѣтимъ въ теперешнихъ пѣсняхъ по сборникамъ печатнымъ [4]). Тема пѣсни—Александръ II—помимо событія, излагаемаго въ нашей пѣснѣ, несомнѣнно произведшаго и производящаго само по себѣ сильное впечатлѣніе на народъ,—эта тема еще и раньше уже циркулируетъ въ позднихъ народно-ненародныхъ (если такъ можно выразиться) пѣсняхъ:

---

[1]) Записана гр. М. А. Голенищевой-Кутузовой и издана Н. Кульманомъ въ „Русск. Стар.“ 1900, 17, 652—53; къ сожалѣнію, подробностей объ исполнителѣ и обстоятельствахъ записи издатель не даетъ.

[2]) Издана въ „Э. О.“ XLV, 137—139.

[3]) Именно Г. Кунцевичъ (см. „Русск. Ст.“, тамъ же, стр. 654, прим.); и здѣсь по поводу этой пѣсни, г. Кульманъ не сообщилъ никакихъ подробностей въ своей замѣткѣ. Весьма возможно, что г. Кунцевичъ слышалъ эту пѣсню и отъ того же Артамонова: пѣвцы-калики, какъ извѣстно, очень охотно, на довольно далекія разстоянія, путешествуютъ по ярмаркамъ. Въ замѣткѣ г. Кульмана обращаютъ на себя вниманіе еще кое-какія свѣдѣнія, въ силу своей неясности возбуждающія любопытство: „Кто создалъ эту пѣсню, говоритъ онъ, неизвѣстно. *Одинъ* лирникъ заявилъ М. А. Голенищевой-Кутузовой, что когда онъ ослѣпъ, то его научилъ пѣть эту пѣсню такой же, какъ онъ, слѣпецъ; *другой* разсказалъ, что она вывезена одной старухой-паломницей изъ Іерусалима“ (стр. 653). Изъ этихъ словъ выходитъ, что гр. М. А. Голенищева-Кутузова слышала эту пѣсню отъ двухъ, или же (выражаясь общѣе) пѣсню эту знали двое: о *второмъ* исполнителѣ въ замѣткѣ ни слова, а жаль: приведеніе второй записи, или хоть варьянтовъ изъ нея, если таковые были, дали бы, можетъ быть, что нибудь для объясненія пѣсни, а прямое указаніе на второго пѣвца дало бы еще фактъ для сужденія о распространенности пѣсни. Мы имѣли бы (съ записью пѣсни, Кунцевича, если онъ записалъ ее) уже четыре записи, при томъ изъ двухъ различныхъ мѣстностей.

[4]) Напр. „тысяча пѣсенъ—Народный пѣсенникъ“ (изд. Сытина. М. 1894), „Народный пѣсенникъ“ (изд. его же, М. 1897).

имя и эпизоды про Александра второго, довольно часто попадаются въ пѣсняхъ, особенно военнаго, воинственнаго характера [1]).

Присутствіе этого стиха, несомнѣнно еще болѣе искаженнаго въ устной передачѣ пѣвца, которому довольно чужда самая обстановка событія, который часто не понималъ словъ своего оригинала (горноты—гранаты, телеграмъ и т. п.)—присутствіе его въ репертуарѣ нашего пѣвца во всякомъ случаѣ не лишено значенія для заключеній о состояніи народной пѣсни въ настоящее время: онъ еще болѣе, нежели пѣсня про Ѳому и Ерему, подчеркиваетъ отмѣченное мною измѣненіе во вкусахъ народа и самого пѣвца; а форма этого стиха даетъ указаніе на успѣхи, которые дѣлаетъ риѳмованная поэзія въ массѣ.

Обращаюсь, наконецъ, къ характеристикѣ формы духовныхъ стиховъ въ современномъ ихъ видѣ; имѣя въ виду сдѣланныя мною выше сравнительныя наблюденія надъ былиной и духовнымъ стихомъ вообще, мы можемъ точнѣе и полнѣе характеризовать и наши стихи, судить по нимъ о томъ шагѣ, который сдѣлалъ духовный стихъ нашего времени сравнительно со стихомъ недавняго прошлаго, именно въ измѣненіи формы, а отчасти и въ содержаніи, поскольку это послѣднее зависитъ отъ первой. Если Артамоновъ, какъ я сказалъ раньше, твердо знаетъ текстъ своихъ стиховъ, то это значитъ только то, что онъ поетъ увѣренно, не колеблясь ставитъ то или другое выраженіе, тотъ или другой стихъ; но это, конечно, свидѣтельствуетъ только объ его памяти, а отнюдь не о сознательномъ отношеніи къ содержанію стиха; въ этомъ именно отношеніи у него замѣчается недочетъ; видна часто машинальная передача затверженнаго, слишкомъ подчасъ слабое вниманіе къ смыслу сказываемаго; болѣе, повидимому, его привлекаетъ музыкальная сторона самого стиха, главнымъ образомъ созвучіе—риѳма. Пристрастіе къ ней у него явно; не даромъ въ его репертуарѣ фигурируетъ риѳмованная пѣсня объ Александрѣ II. Если безсознательное повтореніе усвоеннаго памятью (такъ-молъ—въ пѣснѣ поется) не чуждо даже былиннымъ пѣвцамъ, что замѣчено было уже Гильфердингомъ [2]), то во всю

[1]) Напр., въ „Великорусскихъ пѣсняхъ" проф. *А. И. Соболевскаго*, VI, № 98; въ первомъ изъ Сытинскихъ сборниковъ, стр. 80, 147, 149, во второмъ, № 98 и др.

[2]) I, 158, 160, 215 примѣчаніе, 247.

комъ случаѣ въ ней явленіе это не частое, у насъ же, въ духовномъ стихѣ, въ частности у Артамонова, это явленіе не рѣдко; тутъ оказываетъ вліяніе съ одной стороны самый языкъ стиха, который, въ силу его происхожденія, не будетъ столь близкимъ къ живому, какъ въ былинѣ, а съ другой стороны тяготѣніе къ риѳмѣ; цѣлый рядъ славянизмовъ (разумѣется, большею частью въ искаженіи), составляющихъ принадлежность поздняго стиха, по его связи со славянскимъ церковнымъ и литературнымъ языкомъ его источника, передается пѣвцомъ далеко не сознательно, полусознательно; чѣмъ сильнѣе пробиваетъ риѳма, тѣмъ болѣе въ стихѣ путаницы, нескладицы. Въ угоду риѳмѣ Артамоновъ часто даже вставляетъ строки, по смыслу не связанныя съ предыдущими, часто взятыя, можетъ-быть, изъ иного стиха. Старые же стихи, гдѣ и риѳма не такъ пробивается, гдѣ и славянизмы (говоря вообще—церковнаго тона) меньше, меньше и искаженій и путаницы—доказательство того, что существуетъ указанная мною связь между содержаніемъ и риѳмой. Продолжая наше наблюденіе, мы можемъ и расширить его: стихъ по типу старшій—съ преобладаніемъ повѣствовательнаго элемента—меньше тяготѣетъ къ риѳмѣ, нежели стихъ лирическій, поздній; содержаніе стиха повѣствовательнаго яснѣе въ сознаніи пѣвца, чѣмъ лирическаго: въ этомъ послѣднемъ настроеніе беретъ верхъ надъ содержаніемъ, почему и ближе въ сознаніи пѣвца къ представленію о пѣвучести, музыкальности стиха; т.-е. лирика въ его представленіи больше пѣніе, нежели повѣствованіе, почему вниманіе при лирической пѣснѣ больше приковано къ музыкальной сторонѣ стиха, т.-е. къ формѣ, въ данномъ случаѣ риѳмѣ, нежели къ его содержанію.

Такъ, на почвѣ исторіи нашей поэзіи, гдѣ эпосъ уступаетъ постепенно лирикѣ, и на почвѣ психологіи я объясняю себѣ сравнительную исправность „эпическихъ" стиховъ нашего пѣвца передъ его „лирическими" стихами. Если въ стихѣ объ Егоріи, пѣвецъ подъ вліяніемъ тяготѣнія къ риѳмѣ поставилъ непонятное „солилося" въ стихахъ:

Ничаво Ягорію не врадилося
Ягорьево тѣло солилося [1]),

[1]) См. стихи 43—44, 52—53, 66—67.; это слово разъ произносилось:—„солилося", другой разъ:—„солѣлося", третій:—„солилося".

если онъ употребляетъ форму: „возглаголуилъ“ (иначе: „возглаголуе“, „возглаголуи“), то случаи эти сравнительно будутъ не часты; риѳма же также пробивается преимущественно въ случаяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, которые мы могли отмѣтить даже въ былинѣ. Если же мы обратимъ вниманіе на поздній и при томъ лирическій стихъ „Царю Христе“, то найдемъ вмѣсто правильнаго и понятнаго по смыслу „какъ бы намъ Христа поймать“ (Безсоновъ, № 372)— „испознать“, а послѣ стиха:

За сребрéнники продàлъ Христа,

имѣющее мало отношенія къ разсказываемому, взятое, кажется, изъ иного стиха:

Онъ лишился свово царства,

и совершенно непонятное по связи:

Не имѣйте вы царей много,
Поимѣйте вы царя однóго.

Въ стихѣ „Родъ еврейскій“ начало—заглавіе—передѣлано въ двустишіе, безъ малѣйшей связи съ послѣдующимъ:

Родъ еврейскій сотворенный,
Отъ Христа было явленіе,

при чемъ еще послѣднія два слова считаются риѳмой. Въ томъ же стихѣ ради риѳмы вставляется стихъ:

(Пилатъ руци умываетъ)
Пилы въ руци задаваетъ, и далѣе:
Повелѣлъ (повидимому, Пилатъ), вѣнецъ отверзати,
(Страстей Богу задавати)—

и слово „отверзати“ и весь стихъ явились только для риѳмы съ послѣдующимъ.

Что указанныя явленія не представляютъ индивидуальности нашего пѣвца, это видно изъ того, что то же самое мы отмѣчаемъ у другихъ пѣвцовъ, особенно намъ современныхъ: таковы записи, приведенныя въ „Живой Старинѣ“ (1900, III.): стихи стараго типа— безъ риѳмы и сравнительно исправны. (Алексѣй, Божій человѣкъ, изъ Смоленской губ., Юхновск. у., и Московск. губ., Серпуховск. у.), Голубиная книга (Серпух. у.), лирическіе же стихи „Подоконные“ (Серп. у.) уже съ риѳмой и путаницей [1]).

[1]) То же отмѣтилъ и П. И. Житецкій (у. с., стр. 3—9) по отношенію къ думамъ: въ угоду риѳмѣ являются невозможныя формы словъ.

Наконецъ, что касается „книжечекъ“, по которымъ разучивалъ частью свои стихи Артамоновъ, то ничего болѣе опредѣленнаго, нежели приведенное мною выше, отъ него узнать не удалось. Содержаніе же стиховъ, за исключеніемъ „Двѣнадцати пятницъ“, не имѣющихъ у нашего пѣвца даже стихотворной формы и близко подходящихъ по тексту къ позднимъ, весьма популярнымъ тетрадкамъ, не даетъ прямыхъ указаній [1]).

Сводя въ одно все до сихъ поръ сказанное, мы можемъ представить себѣ положеніе духовнаго стиха въ настоящее время для данной мѣстности Курской губ. въ такомъ видѣ: стихъ стараго типа, развивавшійся на общихъ съ былиной основахъ, еще сохраняется, но постепенно уступаетъ стиху лирическому новой формаціи, болѣе книжному; вліяніе книжной поэзіи сказывается въ видѣ развитія вкуса къ риѳмѣ и въ старшемъ стихѣ, какъ и въ былинѣ, но въ болѣе сильной степени; еще сильнѣе вліяніе риѳмы на стихѣ лирическомъ; это вліяніе ведетъ къ искаженію содержанія стиха лирическаго въ большей степени, чѣмъ стиха повѣствовательнаго. Репертуаръ калики расширяется привлеченіемъ въ него мірской пѣсни, чѣмъ все болѣе нарушается традиціонной типъ профессіональнаго носителя духовной народной поэзіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Духовные стихи, записанные 28/VII, 30/VII 1900 г. въ селѣ Капустинѣ, Рыльскаго уѣзда, Курской губерніи.

I. Царю Христе.

(Страсти).

Царю Христе, Боже милостивый,
Вы — Богъ — творецъ незлобивый.
Четвертаго съ вечера царемъ бывши,
Совѣтъ жидамъ сотворивши,
Стали жиды гадать:
Какъ бы намъ Христа непознать?
Тогда Юда къ нимъ претекши,
Вонъ, пришодши къ нимъ,
И речётъ имъ

1) Ср. Э. О. XLI, 139.

Совѣтъ жидамъ предлагавши:
Что мнѣ дасте́, продамъ Христа?
Жиды, сребреники измовлявши
Змовлявши сребреники, Юды отдавали.
Тогда Юда разгорѣвши,
Сердцу́ своему распалѣвши
За сребре́нники прода́лъ Христа:
Онъ лишился свово царства.
Не имѣйте вы царей много,
Поимѣите вы царя одно́го.
Христосъ хлѣба предломе̂вши
Вченика́мъ далъ
Обмоче̂вши въ соль Юды далъ.
Молвилъ Христосъ ов(у)ченикамъ,
Ольяну наперснику: ктожъ мое имя продалъ жидамъ?
Юда мое имя продалъ жидамъ
За тридцать три сребреника.
Вы ня спите, вѣрно, вы чуйте,
А мои страсти читайте,
Прискорбной души моей къ смерти
Пришло время, придетъ часъ
Станьте вы, вѣрны, гряду отъ васъ.

II. Родъ еврейскій.

Родъ еврейскій сотворенный.
Отъ Христа было явленіе:
Збирались Христа убити,
Спасителя умертвити,
Юды за сребреники отдали,
Одного Христа взяли
Привяли Христа ко Пилату,
Чтобъ на крестѣ быть распяту.
Пилатъ руци вымуваетъ,
Пилы въ руци задаваетъ.
По́стомъ Криста распинали,
Повелѣлъ вѣнцы отверзати
Страстей Богу задавати.
Матерь яго поесомъ узрила
При частнымъ крестомъ явилась:
«Сыне мой прелюбезный,
Серцу́ мому болѣзнѣйшій».
Плачемъ же мы вси христіяни:
Терпѣлъ Христосъ за насъ ради.
Слава страстемъ Твоимъ, Господи!

III. Егорій.

А у шастомъ гаду было, въ первой тысячи,
При томъ царю, при Хеѳдору императору,
При той царицы благувѣ́рныи,
При святой Сохеѳи, свѣтъ премудрыи.
Спородила Сохеія три дочери прилюбезныи
Четвертаго сына святаго Егоргія, свѣтъ-прехвабраго:
По локоть его руци въ красномъ золотѣ,
По колѣна младенца въ чистомъ се́ребрѣ
Голова въ младенца въ чистомъ земчюгу,
Волоса въ младенца, что ковылъ трава.
Изъ той земли изъ невѣрныи
Выступалъ царіище врагъ Демьянище
Вонъ нача́лъ Чернивъ-городъ плѣнилъ—рубилъ
Поломъ половилъ, забиралъ ў полонъ
Три дѣвицы, родны сестрицы,
Засылалъ за грады за рубежныи
Приставлялъ ко стаду къ звярином у и къ змяиному,
Уносилъ молоденца въ свою землю̀ невѣрнаю.
Вонъ нача́лъ молоденца распрашивать,
«Котораго ты роду, какого чину:
Или царскаго, или боярскаго
Или тово роду княжавенскаго?»
Молодой молоденецъ возглаголуилъ:
«Я ни царскаго роду, ни боярскаго, ни княжавенскаго,
Я того роду божаственскаго,
Самого Криста, царя небеснаго,
Самой матерь—Божія
Пресвятой Троицы нераздѣльной».
Царіище разговаривалъ: «ты повѣровай въ вѣру
И ко мнѣ къ царю, къ моимъ вра́гамъ-дьяволамъ».
Молодой молоденецъ возглаголуилъ:
«Не повѣрую въ вѣру и къ тобѣ царю
И къ твоимъ вра́гамъ-дьяволамъ:
Я повѣрую вѣру самому Кристу, царю нябесному,
Самой матери Божіей Богородицы,
Пресвятой Троицы нераздѣльныи».
Злодѣй царевище врагъ-Демьянище
Повелѣлъ Егоргія разно мучити
Разно-муками разноличными:
Повелѣлъ Егоргія въ топоры рубать:
Въ топорахъ лёзья приламалися,
Въ мастяровъ руцѣ опущалися,
Ясныя очи повращалися;
Ничаво Ягоргію не врядилося

Ягорьево тѣло солилося.
Ягорій святой Христовъ мученикъ.
Царіще врагъ-Демьянище
Повелѣлъ Ягоргія въ пилы пиловать:
Въ пилахъ зубья повтиралися,
Въ мастяровъ руцѣ опущалися
Ясныя очи повращалися:
Ничаво Ягоргію не вредилося
Егоргіево тѣло солѣлося
Егоргій святой Христовъ мученикъ.
Повелѣлъ Егоргія по гвоздяхъ водить:
Игвозди къ доскамъ привчиналися;
Ничаво Егоргію не вредилося,
Егоргіево тѣло ссѣлялося
Егоргій святой Христовъ мученикъ
Повелѣлъ Егоргія на смолѣ варить,
На той смолѣ на кипучіи,
(А смола кипить яко громъ гремить)
Егоргій поверхъ смолы плаваетъ;
Онъ стихи поетъ херувимскіи,
Онъ гласомъ гласитъ по евангельски, по архангельски.
Ничаво Егоргію не вредилося
Егоргіево тѣло солялося
Егоргій святой Христовъ мученикъ.
Повелѣлъ на Егоргія вскопать погребы:
Вскопали погребъ сорока саженъ.
Поперечникъ погреба двадцати саженъ;
Ивсадили Ягоргія во глубокъ погрябъ,
Становили древо дубовое,
Прикрывали досками жалѣзными,
Прибивали гвоздями полужеными,
Присыпали песками руто-желтыми.
Самъ собою закапывалъ, приговаривалъ:
Что ня быть Ягоргію на святой Руси,
Ня видать Ягоргію свѣту бѣлаго,
Не слыхать Ягоргію звону Божьяго,
Звону Божьяго, колокольнаго.
Просидѣлъ Ягоргій ровно тридцать лѣтъ
Еще три года
Явленіе Ягоргія проявилося.
Изъ-за города изъ-за Кіева
Всходила туча сильно-грозная,
Съ подъ той подъ тучи сильно-грозныи
Подымались вѣтры злые-буйныи,
Разносило пески руто-желтыи,
Изорвало гвозди полужоныи,

Жалѣзны дащечки поразметывало,
Дубовыя дрéва сподвалялися.
Выходилъ Ягоргій на святую Русь,
Увидалъ Ягоргій весь бѣлый свѣтъ,
Солнце красное, ясное.
Услыхалъ Ягоргій звона Божьяго
Звона Божьяго, колокольнаго.
Какъ пошелъ Ягорій въ Черчивъ городъ;
Черчивъ городъ разорёнъ стоитъ:
Нѣтъ ни стараго, нѣтъ ни малаго,
Одна стоитъ церковь соборная, богомольная.
И у той церкви соборнои, у богомольныи
Стоитъ яго матушка родимая—
Святая Сохфея свѣтъ-мудрая,
Молится Богу о своемъ чаду объ Ягоргію.
Не дошéдчи Ягорій вкореняется, вклоняется:
«Матушка моя родимая,
Святая Сохфія свѣтъ-премудрая!
Отдай ты мнѣ свое благословленіе:
Пойду—вярну дружбу прежнюю
Побью царя Демьянищу».
— Ты пойди, чадó, въ чистó пóле,
Возьми сябѣ кóня богатырскаго,
За двѣнадцатью чапми́ жалѣзными.—
Ягоргій святой Христовъ мученикъ,
По сырой зямли похождаючи,
Богатырскаго кóня посядлаючи.
Какъ заслышалъ царь врагъ-Демьянище,
Становилъ заставы великія:
Не пройтить Ягорію, ни проѣхати.
Наязжалъ Ягорій на двѣ горы, на Хфингорскыи:
Вотъ еттамъ горамъ возглаголуилъ:
«Вы еси, горы Вохфингорскыи!
Разойдитесь, распространитесь:
Повыстрою на васъ церкви соборныи, богомольныи.»
Но етта застава миновалася
Наязжалъ Ягорій на дремучи́ лѣса:
Не пройтить Ягорію, ни проѣхати.
Вотъ еттамъ лѣсамъ возглаголуилъ:
«Вы еси ляса дрямучіи,
Расшатнитесь, разступитесь:
Повыстрою на васъ церкви соборныи, богомольныи.»
Но етта застава миновалася
Наязжалъ Ягорій на лютыхъ звярьéвъ
А постятъ звѣрьёвъ три пастыря
Три дѣвицы, родны сестрицы

Вотъ еттымъ дѣвицамъ возглаголуе:
«Вы еси три дѣвицы, родны сестрицы,
Пойдите вы на Ердань-рѣку,
Вымывайте вы лицы свое бѣлыи»:
Набралися духу бесурманскаго и паху нявѣрнаго»:
Вотъ ета застава миновалася
Вотъ етамъ звярьямъ возглаголуе:
«Вы звѣрьё лютые, разойдитесь,
Разойдитеся по три, по два, по единому
По тямнымъ лясамъ, по глухимъ степямъ,
Выхождайте вы въ поле по увремену,
Пейте вы, ѣшьте повелѣное и благословленое,
Что я вамъ святой Ягорій и благословю».
Вотъ етта застава миновалася.
Наязжалъ Ягоргій на люту змяю
А въ лютыи змяй з рота полома:
Не пройтить Ягорью, ни проѣхати
Вотъ етой змяи возглаголуи:
«Ты есь змѣя, ты есь лютая!
Разсыпься, змѣя, на мелки частя́
Вотъ ты будешь сыта усё безъѣстное».
Вотъ ета застава миновалася.
Наязжалъ Егоргій на полаты яго,
Обрушилъ стѣну бѣлу-каменну.
Заслышалъ царенще врагъ-Демьянище,
Бяжитъ и къ Ягоргію по звяриному,
Сипомъ сипить по змяиному,
Не дошёдчи Ягорья, вкореняется, вклоняется:
«Ягоргій святой Христовъ мученикъ,
Не спомни жъ ты злое-прежнее,
Не здѣлай мнѣ смерти по татарскому,
Здѣлай мнѣ смерти христіанское.
Вотъ дай ты мнѣ строку
Хоть на три го́да, хоть на три часа».
Ягоргій святой возглаголуилъ:
«Ня дамъ тябѣ строку ни на полчаса»,—
Бралъ царенщу за чарны́ волоса,
Выводилъ Демьянищу во, чисто́ поле,
Накладалъ стрялу у груди яго,
Отбилъ яму грудь, сердце и съ печенью,
Пролилъ его кровъ всю горючую бесурманскую,
Очистилъ землю́ свято-русскую,
Твярдилъ вѣру кристіянскую,
Самому Кристу, царю небесному,
Са́мой Матери Божей-Богородицы,
Пресвятой Тройцы нераздѣльной.

Самъ поѣхалъ во Кіевъ градъ.
Во городѣ во в Кіевѣ
Святой Ягоргій переставился,
Славенъ намъ, славенъ прославился.
Великое имени Господне, аминь.

VI. Алексѣй, Божій человѣкъ.

Въ славномъ городѣ ва Врымѣ
Жилъ себѣ славенъ Алфиміёнъ князь
Со своею княгиняю Евланидаю,
Не имѣли себѣ отъ роду младенца,
До Божей церкви дохождали,
Литургію-обѣдню нанимали,
Молилися Богу со трудами,
Со горючими со своими со слязами:
«Свѣтъ Пресвятая Мать Богородица!
Ты зазри на наше [1]) моленіе
На труднóе наше богомоленіе,
На слезнóе светое прошеніе:
Создай намъ, Господь Богъ, чада единова
При младости лѣтъ на утѣшеніе,
При старости лѣтъ на привозрѣнье,
При послѣднемъ концу на спомёнъ души».
По Божьему былò повелѣнью,
По ихъ труднóму богомоленью,
По ихъ святомъ слезномъ прошенію
Забрямен ѣла княгеня отъ Духа Святаго [2]),
Забремянёвши княгеня споносила,
Спонесёвши княгеня спородила.
Алхимьёнъ князь рáдовáлся,
По Врыму граду похождался
Патреярховъ, священниковъ въ домъ зазываетъ,
И княгини молитву сотворяетъ,
Своему чаду имя нарекаетъ:
Нарекали яму имя насветое,
Что святое яму имя звать Алексѣемъ
Свята Божаво человѣка.
Будетъ Ляксѣй на взращенья,
Будетъ Ляксѣй въ семь лѣтъ отъ рóду,
Отдавалъ яго батюшка до школе,
Государыня мать до святой науки.
Скоро Алексѣй грамотѣ завчился,

---

1) Сначàла сказалъ: „мое“.
2) Отчетливо слышно „аго“.

Скоро во писанья заучился,
Скоро вонъ пяромъ сталъ писать.
Не столько Алексѣя вчители вчили,
Побольше Алексѣй вчителевъ знаетъ:
Онъ старые книги на память читаетъ
Новые книги самъ составляетъ.
Вышло Лексѣю лѣтъ восемнадцать,
Бралъ яго батюшка изъ школе,
Государыня мать изъ святой наукв;
Пожелалъ яво князь батюшка жанити,
Государыня мать яво обручить,
Молодую княгину къ нему приручить.
Алексѣй жанит(ь)ся не желаеть,
Самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
«Не создай мене, Господи Богъ, на согрѣшенье
Создай менѣ, Господи Богъ, души спасенье,
«Не жани мене, батюшка, жаною,
А жани ризой чернóю».
Отецъ Алексѣя не послушалъ:
Приручали къ нему княгиню молодую,
Повели Лексѣя въ Божу церковь,
Становили Алексѣя на попáрти,
Среди церкви на бѣлой бумаги,
Золоты вянцы на нихъ вкладали,
Золотыми пярстнями обручалися,
Перепойною чашею спивалися,
Сахóрными устами ликовалися,
Златыми вянцами повѣнчалися;
Налевали Лексѣю единую чашу,
Алексѣй единой чаши не спе(sic)ваеть
Самъ себѣ думаетъ-гадаетъ,
У Господа милости упрошаетъ:
«Ты свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
Ты возри̂, возри̂ на моленье,
На мое труднóе богомоленье,
На мое свято-слезное прошенье:
Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье
Создай менѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Повели Алексѣя съ Божей церковъ [1])
Въ яво бѣлы каменны полаты,
Сажали Алексѣя за трапéзу,
За яго столами, за скатертями берчатыми.
Становили Лексѣю хлѣба-соли,
Наливали Лексѣю единую чашу.

---

[1]) sic!; есть и далѣе то же.

Алексѣй единой чаши не спиваетъ
Самъ о себѣ думаетъ гадаетъ:
Отъ отца, своей матери радости слушáетъ [1]):
«Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Во второмъ часу было ночи,
Соѣзжались къ Алексѣю князьё-бояре,
Всѣ православные крестіяне,
Дарили Алексѣя златомъ-серебромъ;
Алексѣй злато серебро пріимаетъ,
По церквахъ по Божихъ разсылаетъ,
По монастыряхъ святыхъ раздѣляетъ,
По нищихъ по вбогыхъ раздаряетъ,
А самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
«Не создай менѣ, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Въ шастомъ часу было ночи
Повели Лексѣя до спокою
До его до бѣлой каменной ложи.
Алексѣй на ложницу не ложился,
Горючами слязами облился:
«Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
Ты возрй, возрй на моленье,
На мое труднóе богомоленье,
На мое слезное святое прошеніе:
Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Речётъ Алексѣй обручной княгини:
«Княгиня ты моя обрученная,
Княгиня ты моя возлюблéнная!
Пойдемъ мы съ тобой въ страдъ Божій,
Помолимся Богу за отца-матерю,
За отца-матерю зарóдную,
За тебе княгиню моледую».
Княгиня тотчасъ ему исмолчала,
Ни твѣту-привѣту не сказала.
Скидалъ Алексѣй съ себе дарогую адежду,
Надѣвалъ Алексѣй чёрную рясу,
Скидалъ Алексѣй шóлковый поесъ,
Съ правой руци золотъ перстень,
Отдаетъ Алексѣй обручной княгини:
«Вотъ тебѣ, княгиня, шолковый поесъ,
Съ правой руци золотъ перстень;
Молися ты Господу, трудися

[1]) Стихъ не на мѣстѣ?

За память Алексѣя Божья человѣка» [1]).
Самъ погрелъ Алексѣй въ страдъ Божей,
Погрелъ Алексѣй въ страдъ Божій, не сказался,
Не сказался Алексѣй отцу-матери,
Не признался Алексѣй обручной. княгини.
И доходилъ Алексѣй до синяго моря,
Становилась на морѣ тихая погода,
Садился Алексѣй на корабель,
Перевозилъ Алексѣя самъ Духъ святой
Къ городу славному къ Русалиму.
Доходилъ Алексѣй въ Божій церковъ,
Становился Лексѣй на попáрти,
По правую сторону за двери.
Молится Богу со трудами
И съ горючьими своими слязами:
«Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
Ты зазрѝ на мое моленье,
На мое труднóе богомоленье
И на слезно-святое прошенье:
Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Речётъ Алексѣю Мать-Богородица:
— Достойно Алексѣю въ церкви быти,
Достоинъ ты, Ляксѣй, обѣдню служити,
Пришелъ рабъ Божій Богу молиться
За младости лѣтъ Лексѣй потрудиться;
Достоинъ Алексѣй въ церкви стояти,
Достоинъ Алексѣй книгу читати.
Игряди жъ ты, Алексѣй, въ свою сторону,
Въ свой славенъ въ Рымъ городъ
Къ отцу къ своему, князю къ Алхимьёну,
Къ своей матушки Евланиды
И зазрѝ жъ ты, Алексѣй, свою обручну княгиню;
Таперь тебе вотецъ-матушка не вознаетъ,
Таперь тебе не вознаетъ обручна княгиня.—
Речётъ Алексѣй Мать-Богородицы:
«Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
Какъ же мнѣ въ свою сторону пойтить
И въ свой славенъ Рымъ городъ,
И къ отцу князю Алхимьёну
И къ своей матушки Евланиды?
И какъ же мнѣ зазрить обручную княгиню?
Таперь мене отецъ-матушка вознаютъ,
Таперь мене сознаетъ обручная княгиня».

[1]) Два стиха забыты; позднѣе добавлено пѣвцомъ и указано мѣсто ихъ.

Не хотѣлось Алексѣю зъ Русалима итить:
За слезами евангелья не возвидить,
За рыданьемъ слово не можетъ промблить (sic!)
Погрелъ Алексѣй зъ града Русалима,
Доходилъ Алексѣй до синяго моря.
Становилася на морѣ тихая погода,
Садился Алексѣй на карабель,
Съ радостью Богу помолялся,
Горючьми слезами облился:
«Свѣтъ пресвятая Мать-Богородица,
Зазрижъ ты, зазри на мое моленье,
На труднбе мое богомоленье,
На слезное святое прошенье;
Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Перевозилъ Алексѣя самъ Духъ Святой
Въ свою сторону кь славному граду ко Врыму.
Доходилъ Алексѣй въ славенъ Рымъ градъ
Къ отцу своему князю Алхимьёну,
Къ своей матушки Евланиды,
Зазрѣлъ Алексѣй обручну кнегиню:
Ни тецъ его матушка не вознали,
Ни сознала его обручная княгиня.
И погрѣлъ Алексѣй къ Божей церкви,
Становился Лексѣй съ нищей братію,
Молится Богу и съ трудами
Съ горючьми своими со слезами:
«Свѣтъ-пресвятая Мать Богородица,
Зазри ты, зазри на мое моленье,
На мое труднбе богомоленье,
На святое слезное прошенье:
Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
А создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Міръ съ храма выступаетъ,
По нищихъ милостйну раздаряетъ,
Просилъ Лексѣй міра милостину,
Алексѣя тъ златомъ-серебромъ надѣляютъ.
Алексѣй злато-серебро пріимаетъ,
По нищихъ, по вбогыхъ раздаряетъ,
По церквахъ по Божихъ разсылаетъ,
По монастыряхъ святыхъ раздѣляетъ,
Самъ о себѣ думаетъ-гадаетъ:
«Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Грядётъ съ Божей церкви Алхимьёнъ князь,
По нищихъ милостйну раздаряетъ.

Доходилъ Алхимьёнъ князь до нищаго странника;
Нищій странникъ князю вклонился,
Покорнымъ словомъ вкорился
И речётъ нищій странникъ князю Алхимьёну:
«Алхимьёнъ, князь милостивый,
Государь ты нашъ батюшка милосердый,
Создай ты мнѣ страннику милостыну
За память свово чада Алексѣя,
Свята Божьяво человѣка».
Стоючи князь прослязился,
Горючьми слязами облился:
— Что ты, странникъ, не радостно мнѣ возвѣщаешь
Про моево чада про Лексѣя?,
Самъ я въ свѣтѣ не знаю,
Гдѣ мой чада проживаетъ?
Которыи нужды принимаетъ?
Почему жъ ты мово чада Алексѣя знаешь,
По имену называешь?—
«Алхимьёнъ, князь милостивый,
Государь ты нашъ батюшка милосердный,
Какъ же мнѣ твово чада Алексѣя не знати,
По имени не называти?
Въ ядиной мы школи съ нимъ обучалися,
Одного рукописанья съ нимъ занимались,
Однимъ пяромъ съ нимъ писали,
Ядиную книгу съ нимъ мы читали,
Новыя книги мы съ нимъ составляли,
Съ единаго блюдичка кушали,
Съ единой чаши спивали,
На единой ложницы спочивали:
Потому я твово чаду знаю,
Алексѣя по имени называю».
Стоючи князь прослезился,
Горючьми слезами облился:
— Нищій ты, нищій, странникъ Божій,
Чѣмъ мнѣ, странникъ, тебе подарити,
Хлѣбомъ и сольью покормить
Аццё златомъ-серебромъ наградить?—
«Алхимьёнъ князь милостивый,
Государь нашъ батюшка милосердный,
Не желаю твоей хлебе-соли,
Не желаю злата-серебра.
Построй ты мнѣ, страннику убогому келью,
Подальше [1]) отъ своихъ куховаренъ

[1]) Не наоборотъ ли? Сбился?

И поближе къ своимъ каменнымъ палатамъ
Частымъ переходамъ».
Стоючи князь прослезился,
Горючьми слезами облился:
— Нищій ты, нищій, странникъ Божій.
Есть у мене келья готова́я
Подальше отъ моихъ каменныхъ полатовъ,
Частыхъ переходовъ,
Поближе къ моимъ куховарамъ.—
Куховары посуду спомували,
Изъ помоны въ келью изливали.
Но на ето Лякс́ѣй не гнявился,
Съ радостью Богу помолился,
Горючьми слезами облился:
«Свѣтъ пресвятая Богородица,
Ты зазри жъ ты на мое моленье,
На труднбе богомоленье,
На святое слезное прошенье:
Не создай мене, Господь Богъ, на согрѣшенье,
Создай мнѣ, Господь Богъ, души спасенье».
Погрѣлъ Алексѣй въ святу́ келью
И молился вонъ Господу, трудился,
Трудился вонъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три гола,
Скуша́лъ Алексѣй скромную пищу,
Скромную пищу въ нядѣлю просвирочку,
Кажную пятинку сповѣдался,
Кажной суботы пріобщался.
Какъ заслышелъ Алексѣй животу сконченье,
Какъ прознялъ Алексѣй свое преставленье,
Писалъ Алексѣй рукописанье,
Писавши преставлёнье писалъ похожденье [1]),
Писавши похожденье перестaвился.
Въ славномъ городѣ во Врымѣ
Святымъ Духомъ ладаномъ запахло,
Отъ Свята́-Духа звоны зазвонились,
Отъ Свята Духа церква́ растворялись,
Отъ Свята Духа книги зачитались,
Отъ Свята Духа свѣчи затеплялись.
Слуги до князя доступали,
Алхимьёну князю возвѣщали:
«Алхимьёнъ князь милостивый,
Государь нашъ батюшка милосердый,
Вотъ въ нашемъ увъ городѣ славномъ въ Рымѣ

---

[1]) По ошибкѣ сперва сказалъ „рукописаніе“.

Святымъ Духомъ ладаномъ запахло,
Отъ Свята-Духа звона зазвонилися,
Отъ Свята-Духа церква растворялися,
Отъ Свята-Духа книги зачиталися,
Отъ Свята-Духа свѣчи затеплялися.
Вотъ у нашихъ у градѣ святой народился,
А нѣтъ—въ нашемъ у градѣ святой переставился».
— Что въ нашемъ градѣ проявилося: какіе чудеса?—
Подымался Алхимьёнъ князь съ священнымъ соборомъ:
— И не тотъ ли ето странникъ, который у меня въ кельи?
И погрелъ Алхимьёнъ князь къ святэй кельи:
Отъ Свята Дух' кельня растворялася,
Отъ Свята-Духа книга зачиталася,
Отъ Свята-Духа свѣча затеплялася,
Лежитъ рукописанье на святыхъ мощахъ.
Хотѣлъ патріярхъ рукописанье взять,
И хотѣлъ прочитать:
Не вдалось рукописанье читать патріярху,
А вдалось рукописанье князю Алхимьёну.
Речётъ Алхимьёнъ князь святымъ мощамъ:
— Мощи вы, мощи святыи,
Святыи вы мощи переставлённыи,
Явите мнѣ свое похожденье.—
Начáлъ Алхимьёнъ князь рукописанье читать,
Явилъ чюдяса всяму міру,
Дочелся Алхимьёнъ князь до свово чады,
На себѣ волоса порываетъ,
На сыру мать-зямлю́ бросаетъ.
Сильно-буйно къ гробу припадаетъ,
Гробницу руками обымаетъ,
Горючьми слезами обливаетъ:
— Гдѣ, мое чадо, долго жилъ-трудился?
Къ чаму ты мнѣ, чадо, не сказался?
Построилъ бы я тебѣ келью не такую,
Построилъ бы я келью золотую;
Подальше отъ своихъ куховаровъ,
Поближе къ своимъ каменнымъ полатамъ,
Къ частымъ переходамъ!—
Заслы́хала княгиня Евланида,
Грядётъ къ святымъ мощамъ слезно плачетъ,
Сильно-буйно къ гробу припадаетъ,
Гробницу руками обымаетъ,
Горючьми слезами обливаетъ:
«Гдѣ жъ, мое чадо, долго жилъ-трудился?
Чаму жъ ты мнѣ чадо, не сказался?
Имѣла бъ я тебе взять въ домъ свой,

Кормила бъ я, поила своимъ кочтомъ,
Носилъ бы въ насъ ризы не простые,
Носилъ бы ты въ насъ ризы золотые,
Могла бъ я сама споститься и тебе съ собой,
Спостились бы съ тобой, чадо, умѣсти!»
Какъ заслыхала его обручная княгиня,
Грядетъ къ святымъ мощамъ, слезно плачеть,
Сильно-буйно къ гробу припадаетъ,
Гробницу руками обымаетъ,
Горючьми слезами обливаетъ:
«Гдѣ жь ты, другъ мой, князь, долго жилъ-трудился?
Чаму жъ ты, другъ мой, князь, не сказался?
Мѣла бъ я къ тебѣ въ кельи прихождати,
Чистою адежду привзносити,
И молились бы съ тобою Господу, трудились двое,
Ни тецъ бы насъ матушка не возняли!»
Несли святыя мощи въ погребенье.
До святыхъ мощей князя міръ не допущаетъ;
А князь златомъ-серебромъ міръ разсыпаетъ,
Не глянулся міръ на злато-серебро,
А глянулся міръ до святыхъ мощей.
Атъ святыхъ мощей было испомощенье:
Нищимъ давалъ Господь Богъ прозрѣнье,
Безногимъ давалъ Господь Богъ ногамъ похожденье,
Безрукимъ давалъ Господь Богъ рукамъ влажденье,
Глухимъ давалъ Господь Богъ прослыщенье,
Нѣмымъ давалъ Господь Богъ языку утверженье
Скарбнымъ—болѣзнымъ исцѣленье.
Отъ святыхъ мощей міру на многое-лѣтіе,
Отъ святаго Алексѣя, Божіяго человѣка.
Святымъ мощамъ славу поемъ,
Во вѣкъ святымъ мощамъ слава не минуется,
Во вѣкъ святымъ мощамъ слава прославляется
И во вѣки вѣковъ, аминь.

Ѵ. Два Лазаря.

Жилъ былъ славенъ человѣкъ богатой,
Вонъ пилъ-ѣлъ сладко, ходилъ хорошо,
Дорогія одежды небогачъ надѣвалъ,
Про милость про Божью ничово не давалъ.
Нищій былъ хворы, лежалъ во гною,
Передъ богачомъ, передъ воротми яво.
Вышелъ богатый самъ за ворота,
За нимъ вышла челядь—гордая раба.
Доходить богатый проти Лазаря,
Закричитъ Лазарь громкимъ голосомъ:

«Братецъ мой, братецъ, сильнóй-богатой!
Создай мнѣ братецъ хлѣба и соли,
Про милость про божью напой-накорми;
Не я тебѣ заплачу: Господь, царь небесный.
Гдѣ жъ твоей души лучи надо мной»
Грозное слóвечко богачъ отказалъ:
—Ляжишь ты, Лазарь, у гнаю́,
А смердуетъ отъ тебе надо мной, какъ лютой песъ.
Ты не называйся братомъ моимъ.
Есть у меня братья такой, что я самъ.
У мене много злата серебрá,
Сильнóго имѣнія богачества тьма.
Вотъ я не вбоюсь ничѣмъ ничавó:
Отъ Господа Бога златомъ откуплюсь,
Отъ злого человѣка судомъ отойдусь.—
Плюнулъ на Лазаря, самъ прочь пошелъ,
Велѣлъ за собой воротá замкнуть.
Не было въ богатого ни Божей души,
Не кому до Лазаря взмиловаться,
Не кому Лазарю хлѣба-соли дать;
Было въ богатого два лютые псы:
Оны по подстоличью хаживали,
Мелки крошечки собирывали,
Ко вбогому къ Лазарю принашивали;
Вотъ тѣмъ его душу въ тѣлѣ пропитывали,
Гноючія раны зализывали,
Срамное тѣло заживливали.
Помолится святой Лазарь Господу;
«Господи Боже мой, Спасъ милосливый,
Выслушай, Господи, молитву мою:
Примай мою душу до хвалы къ себѣ,
Сошли по мою душу грозныхъ ангеловъ,
Грозныхъ, страшны́хъ, не тихихъ, не милосливыхъ.
И вжо моя ду́ша насквернилася,
И тѣло наболѣлося,
Голодомъ-холодомъ настрадалося,
Скорбности-болѣзности намучилось,
Богачомъ въ гною належалося,
Срамного сквернословія наслушалось».
Самъ Господь выслушалъ молитву яво,
Сослалъ Царь небесный святыхъ ангеловъ,
Святыхъ, частны́хъ, милосли́выхъ, тихихъ, смирныхъ,
По Лазареву̂ по душу яво [1]);
Вынули душу изъ Лазаря,

---

[1]) Обмолвился „мою", но поправился.

Отдали душу къ Богу въ рай,
Къ святому къ Авраамію на явленіе.
Мало времячко тотъ часъ изгодя,
Случилось богатому исъ путя́ итти,
Не дошелъ богатой до свово двора,
Не вызрилъ богатой ни жаны, ни дѣтей,
Не вызрилъ богатый ни Бога, ни людей,
Не вызрилъ богатый ни злата-серебра,
Сильного имѣнія и богачества тьма зъ своего двора;
Вышла на богатаго сильна̀ хвороба́,
Божецкая гнѣвность врочливая.
Напомнилъ богатый о болѣзни своей,
Лежучи богатый молитву творилъ,
Вспомнилъ богатый Господа Бога:
—Господи Боже мой, Спасъ милосливый,
Выслушай, Господи, молитву мою:
Примай мою душу до хвалы къ себѣ.
Сошли по мою душу святыхъ ангеловъ,
Святыхъ, частны́хъ, милосливыхъ, тихихъ, смирныхъ,
По богачову по душу мою.
И вжё моя ду́ша впила-въѣла,
Хорошо сходила, много злата-серебра насчиталась,
И разныхъ втѣховъ втѣшалась,
И тѣло вкрасовалось,
Дорогими едежды поносилось,
Сладкихъ наѣдковъ накуша́лось.
Дорогихъ напитковъ напивалось.—
Самъ Господь выслушалъ молитву яво;
Сослалъ Царь небесныхъ грозныхъ ангеловъ,
Грозныхъ, страшны́хъ, немилосли́выхъ, не тихихъ, не смирныхъ,
По богачеву душу яво:
Вынули душу изъ богача скрость ребра его,
Отдали душу въ пекельный огонь,
И вверзали въ злую муку предвѣчельную.
И взрить богатый изъ муки въ рай,
Заузритъ богатый Авраамья въ раю,
Близко зъ Врамія брата Лазаря,
Закричитъ богатый громкимъ голосомъ:
—Братецъ мой, братецъ, Лазарь святой!
Замочи въ синемъ морѣ свой мезерный пёротень,
Закропай, брату, сахо́рны уста,
Злою ту муку предвѣчельную,
Чтобы мене миновался пекельный огонь,
Злая мука предвѣчельная.—
«Братецъ мой, братецъ, сильной-богатой!
Радъ бы я тебе братомъ нарекать,

Сахáрныи усты закропать,
Но здѣсь не моя воля—все Божецкая.
Въ тебе много злáта серебра,
Сильнóго имѣнія богачества тьма:
Вотъ тѣмъ себѣ откупить отъ пламя отъ огня,
Отъ злой отъ муки предвѣчныя,
Въ царство небесное златомъ вкупить».
—Братецъ мой, братецъ, Лазарь святой!
Таперь въ мене нѣту ничѣмъ-ничаво,
Все мое злато-сéребро прахомъ взялось,
Сильнóе имѣніе разнымъ разнясло,
Все мое богачество на земли зосталóсь.—
«Братецъ мой, братецъ, сильнóй богатой!
Спомнишъ ты, братецъ, не забудешь,
Какъ мы жили-были на вольномъ свѣтѣ:
Едина насъ матушка двоихъ родила,
Не одну долю Господь намъ далъ:
Тебѣ Богъ далъ богачества-тьма,
А мнѣ Богъ за вбожество рай.
Зачѣмъ мы съ тобой, братъ, не въ справдѣ жилй?
Какъ ты мене Лазаря за брата не имѣлъ,
Про милость про Божью не поилъ не кормилъ,
Хлѣба-соли не создавалъ,
Темницъ сѣдящихъ не просвѣщалъ,
На пути, на мѣстѣ не подавалъ,
Заблудящимъ рáбомъ путя не указалъ,
Нищихъ убогыхъ не поилъ ни кормилъ,
Отъ темныя ночи не сукрывалъ,
До Божей до церкви мертвое тѣло не провожалъ,
До Божей до церкви не хождалъ,
Про милость про Божью не создавалъ,
Чудовного вобраза не сукрашалъ,
Ничѣмъ себѣ царства не наслѣдовалъ».
—Братецъ ты мой, братецъ, Лазарь святой,
Кабы жъ я зналъ-вѣдалъ муку надъ собой,
Я бъ тебе, Лазаря, за брата имѣлъ,
Про милость про Божью кормилъ-поилъ,
Хлѣба и соли создавалъ бы,
Темницъ сѣдящимъ просвѣщалъ,
На пути, на мѣстѣ подавалъ,
Заблудящимъ рáбамъ путя указалъ,
Нищихъ убогихъ кормилъ бы поилъ,
Отъ темныя ночи бы скрывалъ,
До Божей до церквы въ мершее тѣло провожалъ бы,
До Божей до церкви дохождалъ бы,
Про милость про Божью создавалъ бы,

Чудовного вобраза съукрашалъ бы.
Вотъ я бъ себѣ царства наслѣдовалъ—.
Спаялся богатый не во время,
Когда было времячко минулося.
«Аминь, аминь, что Богъ тебѣ далъ,
Тѣмъ, богатый братъ владай».
Идѣ святыи ангелы ликъ ликуютъ?
Ликуютъ ангелы ликъ на зямли,
Царствуютъ праведныи на небесахъ.
Мы святому Лазарю славу поемъ:
Во вѣкъ ему слава не минуется,
Во вѣки во славу прославляется.
Аминь, аминь, что Богъ ему далъ.
Создай же, Господь Богъ, всему міру прекрасенъ рай.

VI. Михаилъ-архангелъ.

Когда пріидетъ время-жисть послѣдняя,
Грѣшны мы думаемъ разсужденіе.
И праведнымъ быть рай-спасеніе.
Со востоку солнцу, на западѣ,
Тамъ протечетъ рѣчка огненна,
За той за рѣкой за вогненной
Тамъ стоитъ архистратигъ Михаилъ
Со своими съ двѣнадцатьми апостолами,
Со янгелами, со архангелами,
Переводитъ души праведныхъ,
Черезъ ту ряку вогненну,
Къ своёму небесному царствію:
«Идите, мои христолюбзмыи души,
Преступитесь у Бога, праведны,
Къ своёму небесному царствію:
Уготовлено вамъ царство небесное,
Горять вамъ свѣчи невтушимыи,
Уготованы ризы невзносимыи.
А вы пошли прочь проклятыи,
Подите вы прочь беззаконные рабы,
А въ тыи пропасти сыроземляныи,
Горятъ вамъ огни злые невгасимыи,
Смола вамъ кипить неутолимая».
Расплачутся многогрѣшныя души,
Разрыдаются беззаконные рабы:
—Увидь-услышь, Архистратигъ Михаилъ,
И вослышь, судья праведный!
За что насъ отъ раю отсылаешь,
Отъ своего царствія небеснаго?

Чаму не тыи души кристіянски былй?—
Какъ возречетъ архистратигъ Михаилъ,
Возглаголуитъ судья праведный:
«Хотя жъ бы вы души христіянски былй,
Въ чемъ Божей воли не творили?
За хрестъ за молитву не стояли,
Не мѣли ни середы, ни пятницы святой,
И ни третьяго дня воскресенія,
Вечерни на вулицахъ прогуливали,
Вутреню въ постеляхъ пролеживали,
Абѣдню за столомъ прасеживали,
Судили суды не по праведному,
И праведный судъ звиновачивали,
А виннаго правымъ настанавливали,
Вы брали зъ нихъ казну неисчислённую суму (sic),
Топили казну въ сыру мать-зямлю.
Вотъ за ту кару черь вамъ неусыпучая,
Вотъ вамъ грѣшнымъ по дѣламъ будетъ».
Какъ расплачутся многогрѣшныя души
И разрыдаются беззаконные рабы:
«И увидь-услышь, Архистратигъ Михаилъ,
И увидь-услышь, судья праведный,
Бери жъ ты зъ насъ много злата-сёребра,
И побольше того чистаго земчугу».—
Какъ возречёгъ архистратигъ Михаилъ,
Возглаголуетъ судья праведный:
«Здѣсь судья ненакупная живетъ,
Ненапрошенная, не радуется злату-серебру,
И побольше того часту земчугу,
Здѣсь судья у Бога праведная».
Какъ бы душу́ спасти съ пбстомъ, зъ молитвою,
И въ рай войтить святой милости́ною.

VII. Михаилъ-архистратигъ.

Плачемъ же мы возрыдаемъ,
На смертный часъ помышляемъ.
И придетъ послѣднее житье-время:
Земля-небо испотрясётся,
Каменное все распадётся,
Завѣсы престола разрушатся,
Солнце и мѣсяцъ померкнетъ,
Часты звёзды на земли̑ скатятся,
Луна вокругъ призатворится.
Тогда насъ на свѣтѣ не будетъ,
Пройдетъ рѣка огненáя,

Пожретъ вона тварь всю земную,
Михайло архангелъ съ неба сойдетъ,
На Сіанскую гору́ взойдетъ
Въ семигласную трубу вострубитъ,
Живыхъ мертвыхъ отъ гроба возбудитъ.
Мертвящи отъ гроба повостануть,
Въ единый ликъ Господу превозбудутъ,
И праведнымъ Господи возглаголуитъ:
«Идите, мои христолюбимцы:
Вготовлено вамъ царство небесное
Отца нашего Бога-Салаоеа».
А грѣшнымъ Господь возглаголуитъ:
«Пошли прочь, проклятые,
Въ ты пропасти сыро-земныи.
Гарятъ вамъ огни неугасимые,
И смола кипитъ неутолимая,
Черь зла несыпучая».
И праведныи души грядутъ, веселятся,
А грѣшныи души, къ Богу возопіявши,
Ко Господу гласъ свой испущаютъ:
— Ты вослышь, самъ небесный Царь,
За что ты насъ отъ раю всылаешь,
Отъ царства небеснаго?—
А грѣшникамъ Господи возглаголуи:
«Какъ жили вы были на вольномъ свѣтѣ,
Воли Господней не творили,
За хрестъ, за молитвы не стояли,
За память Господню преступали,
Законы разлучали,
До Божей до церковъ не хождали,
Велики говѣйны не говѣли,
Тайнъ Господнихъ святыхъ не примали,
Читанія Божья не вслушали.
Я зъ Дѣвы народился,
Два дни былъ на распятіи
Не ради душъ вашихъ согрѣшенья,
Для ради душъ вашихъ спасенья,
Душу спасти съ пбстомъ, з молитвами
И въ рай сойтить святый милостиною».
Славенъ Богъ, славенъ прославился.
Велико имя Господне, аминь.

VIII. Плачъ Іосифа.

Кому поемъ печаль, кого призовемъ къ рыданію?
Господи, создатель мой, сповѣдай печаль мою.

Печаль моя несносная,
Плакалъ бы бъ я день и ночь возгредалъ,
Всякой часъ, всякое время.
Кто бъ не далъ съ неба сточника слезъ,
Съ неба голубицу летающую, возвѣщающую,
Послалъ бы я къ своему отцу къ Зравелю:
Отче отецъ Зравеле!
Твои дѣти мои братья,
Оны били мене, въ рову кинули,
За волоса зъ рову вынули
Запродáли мене въ тую зямлю̀ Египетскую,
Къ тому царю Хараонскому.
Случилось же ему мимо ѣхати,
Идѣ спогребена Грáфель, мати моя,
Пойду впаду на сыру зямлю́,
Пролью слезы къ Господу Богу;
Разступися мать сыра-зямля,
Ты воскройся гробова доска,
Стань, проснись Грáфель мати-моя
Отъ своего-то ўмершаго сну,
Спознай своява сына, свѣтъ-Восихва,
Что былъ я въ тебе любимый сынъ,
Распрекрасный, свѣтъ-Восихвовъ.
Славу яму и держава и во вѣки вяковъ, аминь.

IX. Рождество.

Христосъ Богъ Спаситель съ вѣрными просвѣтился.
Народился Христосъ Богъ Спаситель во Хлемъинѣ,
Въ той стороны въ Юдицкой,
Зволилъ въ вертепы къ Богу пребыть
Спасенію нашему вради.
Царь Иродъ хотѣлъ Христа убить,
Посылалъ своихъ вóлхвовъ къ Богу спытать.
Съ востоку звяздою путь проводили,
Приходили вóлхвы къ Богу съ поклоненьемъ,
Приносили Кристу чѐстные дары.
Принялъ Господь милосердный за всю свою блáгу.
Ты еси нашъ Богъ надъ богами,
Ты еси нашъ Царь надъ царями.
Безсмертный вѣнецъ на главу спримали,
Мы жь тебя Христа возвельчали.
Господи, слава Тебѣ!

X. Сонъ Богородицы.

Святой сонъ Богородицы симъ явился:
Мати Марія, Дѣва святая,
Съ вечера Мати мало спала,
Нямножко во сну видала
И про свою чаду про святую:
Въ славномъ городѣ во Хлемъинѣ
Кабы я себѣ чадью споврадила,
Пеленами меня спеленила,
Шалковымъ поесомъ совивала,
Золотою ризою сокрывала.
И въ славномъ городѣ въ Русалимѣ,
На святой рякѣ на Ердани,
На Сіанской горы на вертепѣ
Выростало жъ тамъ древо святое,
Что святое тамъ древо кипаресово,
Что на томъ святомъ древу на кипаресову,
Превосуденъ твой крестъ, сынъ явился.
Онъ явёвши самъ промолвился:
«Свѣтъ-мати Марія, Дѣва святая,
Вотъ я самъ твой сонъ знаю
Со воистину разсужаю:
Что быть мнѣ, матушка, на крестѣ распятому,
Быть сбавлённой муки скровавлену,
А тярнову вѣнцу на главу возложену,
А тростьёмъ по главѣ разбіенному,
А въ ребра копьёмъ сокрушенному
А крови моей святой быть пролитой».
Расплачется Мать Марія,
Разрыдается Дѣва-святая:
— Прелюбимый мой сынъ, царь небесный,
Безвинную муку принимаешь,
Пресвятую кровь проливаешь!
На кого меня, Дѣву, споручаешь?
Кому на дозрѣніе оставляешь?—
Что прорекъ самъ Исусъ Кристосъ:
«Не плачь-не рыдай, Мати-Марія;
Не ядину я тебе, матушку, споручаю,
Не ядину пресвятую оставляю:
Споручаю, оставляю: на святаго Яна,
А на святаго Яна Богуслова,
Ащё на того друга Христова».
Нарекала его Мать вторымъ сыномъ—Исусомъ Кристомъ.
Егда Исуса Криста тѣло соймутъ,

Кровь Его святую разольють,
Его погребенье за всѣхъ будетъ
И, моя мать, изъ мертвыхъ, животъ вѣчный.
Богъ вѣрнымъ даруетъ на спасенье,
Безвѣрнымъ на вѣчную муку.
А третій день отъ гроба воскреснетъ,
Самъ на небеса вознесился
Со честнѣющими херувимами,
Со славнѣющими серафимами,
Съ збранными матерями со святыми.
Что изъ мертвыхъ, матушка, усопавши,
Самъ ко тебѣ съ неба сбйду,
Самъ твою душу превпокою,
А въ царствѣ небесномъ и соборѣ,
И гдѣ святые ангелы ликъ ликуютъ,
А стрепещить небесная сила,
А съ трепе́томъ стоятъ предъ престолами,
Лица крылами ликъ воскрываетъ.
Всяво быль̀ во градѣ во Русалимѣ,
Во святой Божіей церкви за престоломъ
Погребеніе мощемъ со святыми.
Погребши къ мощамъ преклонюся,
Поклонёвшись съ матушкой попращуся:
Ты прости, прости, моя Богородица,
Ты прости, Дѣва пресвятая.
Выпишу твой ликъ на иконѣ
И поставлю твой образъ на престолѣ
Въ святой Божей церкви, во соборѣ
Передъ чудовными образами,
Передъ царскими воротами;
И туда будутъ міръ-народъ прихождать,
Службу молебны нанимать,
Земляные поклоны съуклонять,
И тебе, Мать пречистая, возвеличать,
Во вѣкъ Исуса Христа міромъ прославлять.

Ктожъ етой сонъ, стихъ Божей, перепомнитъ, онъ будеть отъ муки збавленъ предвѣчныя. Ктожъ етотъ стихъ Божей выслушаетъ, Господь Богъ грѣховъ збавляетъ, наслѣдованъ будеть царству небесному, достоинъ будеть авра́ю пресвѣтлому. А мы воспоемъ: аллилуя!

XI. «Иже нашъ Христосъ Богъ Исусе».

(Распятіе).

Единый лукавый былъ Вуда,
Запродалъ Христа Бога на распятье

И въ святое древо кипарисово.
Расплачется мать Божья Марія:
«Прелюбезный мой сынъ, Царь небесный,
Безвинную муку принимаешь,
За міръ кровь святую проливаешь!»
— Не плачь, не рыдай, Мать Божья Марія,
Ета моя мука-смерть — животъ вѣчный.
Богъ вѣрнымъ даруетъ на спасенье,
Безвѣрнымъ на муку вѣчную.
Восприму ету муку самъ за вѣру,
За всѣхъ православныхъ христіянъ.—
Слава Тебѣ, Христе, Боже нашъ!

XII. Двѣнадцать пятницъ.

Придите убо, братья, послушайте,
Что въ ангельской книги написано:
Двѣнадцать пятницъ въ году спостовать:

1-я пятница великая въ году послѣ сырной недѣли на Өедоровской недѣлѣ: Кто въ тую пятницу постовать будетъ, съ постомъ со молитвою, того человѣка отъ страшной смерти скорой постижной сохраненъ будетъ Господь, Богъ святой, помилуетъ.

2-я пятница великая въ году... противъ Благовѣщенія... того человѣка отъ нутреней болѣзни сохраненъ будетъ... [1])

3-я пятница... противъ пресвѣтлаго Воскресенія... того человѣка отъ трясучей болѣзни и припадку сохраненъ будетъ ..

4-я пятница... противъ Вознесенія... женскаго полу отъ сужденья...

5-я пятница... противъ Св. Духа-Троицы... отъ скудости, бѣдности, заливной смерти...

6-я пятница... противъ св. Ильи Пророка надѣляюща... отъ грозы и грады, огня-пожару, отъ вѣчной муки...

7-я пятница... противъ Спаса Преображенья... отъ дьявольской грези, младыхъ младенецъ отъ присыпу...

8-я пятница... противъ Успенья... отъ трясучей болѣзни, лихорадки...

9-я пятница... противъ Усѣкновенія честныя главы І. Предтечи... въ царскую службу отъ мечу-посѣчу, отъ ружейного побою...

10-я пятница... противъ Егоргія Великомуч... отъ звѣря съѣденья...

Первая на десять пятница... противъ Рождества Христова... воззритъ тую душу Мать Пресвятая Богородица...

Вторая на десять пятница... противъ «Стрѣченья»... споведаетъ тые душу самъ Исусъ Христосъ, возмутъ тую душу ангелы, подадутъ тую душу Богу въ рай.

---

[1]) Повторяется формула первой пятницы.

А кто жъ не поминеть двѣнадцать въ году пятницъ постовать, аще мужъ съ женою совокупются, будутъ просить молитву Богу дѣтищу, народится дѣтище несчастливымъ: либо катъ будетъ, либо воръ, либо разбойникъ большой, станетъ злымъ начальникомъ, худымъ дѣламъ наставникъ будетъ. А поимѣйте жа вы, братіе, въ году двѣнадцать пятницъ постовать, приидите вы, братіе, въ Божій домъ, со любовностью, съ вѣрностью, помолитесь, братіе, самому Христу, давайте, братіе, нищимъ милостину, необсужденную, необговоренную, не заклятую: заклятая, обсужденная, обговоренная милостина не въ пользу души. Слава Тебѣ, Боже нашъ, аминь.

XIII. Объ Александрѣ II.

Мы подумаемъ, друзья,
Про бѣлаго царя.
Милостивый государь,
Александръ второй царь:
Вонъ съ любовію радѣлъ,
Всѣмъ свободы дать хотѣлъ,
Подъ крыломъ усѣхъ держалъ,
И отказныхъ усѣхъ збавлялъ,
Всѣ законы исправлялъ,
Слышалъ бѣдныхъ людей стоны,
Самъ на помощь поспѣшалъ
Всѣхъ злодѣевъ съукрашалъ.
Стали злодѣи судъ судить,
Какъ бы царя истрябить,
Много козны спотребили,
Отчайныхъ подкупили
Дали имъ въ руки *горноты*.
Оны отъ Бога прокляты
Вездѣ мины подводили,
Государя истребили.
Каравулъ вездѣ стоялъ,
Государя сохранялъ;
До марту перваго числа
Господь сохранялъ царя.
Марту перваго числа
Жизнь скончалась государя.
Проявился первый вдаръ,
Государя миновалъ;
Проявился второй взривъ,
Государя споврязилъ.
Спровраженный царь упалъ,
Жалобно слово сказалъ:
«Подымитя мене, дѣти,

Знать отжился я на свѣти,
Знать скончалась жисть моя!»
За народною толпой
Не видать было, отколь
Тамъ яго горька страсть была:
Съ государя кровь лила,
Слуги яго къ государю доступали,
Подъ бялы руки подняли,
На рукахъ царя вздержали,
Слезно плакали-рыдали:
«Что ты нашъ батюшка, земной богъ!
Ты лишился своихъ ногъ!
Добро намъ усѣмъ творилъ;
За то свою кровь пролилъ!
Ты нашъ батюшка, государь-отецъ,
Несемъ тебя во дворецъ».
При дворцы уси стояли,
Слезно плакали-рыдали,
Черный травуръ надѣвали,
О покой души сказали,
Черны хвлаки опустили:
Царску смерть возвѣстили.
Какъ возвѣстили на владыкъ указъ,
Полелися слезы съ глазъ,
Какъ отбили телеграмъ—
Затменіе сонца намъ
Тамъ было свѣту и свѣтилы,
Земли было потрясенье,
По всёмъ по городу по Питеру трявога,
Государю стражды много.
Какъ намъ издумать и взгадать,
Какъ на царя руки взнять?
По всѣмъ святымъ церквамъ
По соборамъ подзвонили,
Погребеніе служили,
Прослужили шесть недѣль,
А намъ здалось-одинъ день.
Солнечныи лучи повскрылись,
Государя мы лишились.
Давайте мы, братіе, Бога молить:
Какъ сына примудрить,
Какъ сынъ пойдетъ по дѣламъ отцу,
Прозведетъ дѣло къ концу.
Слава Богу и царямъ державе, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Этотъ стихъ былъ также записанъ гр. *М. А. Голенищевой-Кутузовой* въ области войска Донского со словъ слѣпца, пѣвшаго подъ звуки лиры, и сообщенъ *Н. Кульмачомъ* въ «Русск. Стар.» въ 1900 г. VI, 651—654, съ небольшими замѣтками. Варьянты привожу изъ этой записи. 2. Усѣ про бѣлаго царя., 3—*нѣтъ*; 5—горѣлъ; 7—И отъ казни избавлялъ; 9—Онъ справлялъ усѣ законы; 12—И злодѣевъ укрощалъ; 16—Отчаянныхъ людей подкупили; 18—Они есть Богомъ прокляты. 20—А царя не истребили; 23—24—*нѣтъ*; 26—Государю смерть пришла; 29—Какъ взвился второй большой взрывъ; 31—государь; 35—39—*нѣтъ*; 40—И къ нему слуги подбѣжали; 44—Ахъ, ты; 46 и 47 *переставлены*; *дальше слѣдуютъ наши ст. 64—65 и еще два*: Какова тамъ страсть была,—Когда царская кровь лила; 54—Черный флагъ они спустили; 55—Государеву; *дальше идутъ наши стихи* 67—70; 56—Возвѣстили на Кавказъ; 58—59—Дали телеграмму затменія солнца намъ; 60—61—*нѣтъ*; *дальше* наши стихи: 71—72, 56—57; 62—Во всемъ Питерѣ тревога; 63—Стражды было; 64—Страшно сдумать и сгадать; 66—67 Усѣхъ соборовъ зазвонили; 72—Бѣлаго царя; 73—76—*нѣтъ*; *вмѣсто нихъ*: Во весь Питеръ удивился,—со всего Питера сошлися.

М. Сперанскій.

Сословно-поземельный вопросъ и раятская зависимость въ Дагестанѣ.

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Современное положеніе крестьянъ и раятъ въ Дагестанѣ.

Глава I.

Статистическія данныя о количествѣ народонаселенія и землевладѣніи въ Дагестанѣ. Селенія горцевъ. Земледѣліе, скотоводство, отхожій и кустарный промыслы. Свѣдѣнія о движеніи населенія, народномъ образованіи и проч. Сельскія общины въ Дагестанѣ. Внутренняя ихъ организація: сходъ, старшина, судъ; поземельныя права общины, передѣлы. Налоги и повинности съ жителей Дагестана.

Въ настоящее время туземное населеніе Дагестанской области равняется 552801 душѣ обоего пола (мужчинъ 279428 и женщинъ 273373) [1].

По округамъ населеніе это распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

ОКРУГА	Мужч.	Женщ.	Об. пола.
Темиръ-Ханъ-Шуринскій. . . .	38682	36147	74829
Аварскій.	18732	18498	37230
Андійскій.	23546	23447	46993
Гунибскій.	28641	29953	58594
Даргинскій.	40514	41949	82463
Казикумухскій.	26368	27297	53665
Кайтаго-Табасаранскій.	39265	35620	74885
Кюринскій.	39308	37241	76549
Самурскій.	24372	23221	47593

Живетъ все это населеніе на площади, равной 25546, 1 кв. верстамъ или 2661049 десятинамъ, такъ что на 1 жителя по различнымъ округамъ земли приходится:

---

[1]) Кавказскій Календарь за 1899 г., изд. офф., Тифл., III, стр. 21—22.

ОКРУГА	Площ. въ кв. в.	пл. въ десят.	на 1 кв. в. жит.	на 1 жит. кв. в.
Темиръ-Ханъ-Шуринскій. . .	5443,1	566989	16,2	0,062
Аварскій.	1312,6	136729	26,1	0,039
Андійскій.	2921,8	304354	16,4	0,061
Гунибскій.	3855,3	401593	15,2	0,066
Даргинскій.	1504,8	156750	53,3	0,019
Казикумухскій.	1875,2	195333	27,4	0,037
Кайтаго-Табасаранскій. . .	2526,5	263177	30,3	0,034
Кюринскій.	2857,5	297656	27,9	0,036
Самурскій.	3249,3	338468	20,7	0,049

или въ среднемъ на 1 жителя—0,045 кв. в. или 4,801 дес.

Но если мы, принявъ во вниманіе характеръ этой безплодной горной страны, исключимъ отсюда всѣ земли, неудобныя для земледѣлія, а также тѣ, которыя не орошаются водою, безъ чего здѣсь всякая растительность гибнетъ, то мы получимъ столь незначительную площадь земли, что невольно начинаешь удивляться терпѣнію и трудолюбію горца. Количество орошаемыхъ земель въ Дагестанской области, исключая Казикумухскій и Андійскій округа, гдѣ ихъ нѣтъ вовсе, выражается въ слѣдующихъ цифрахъ:

ОКРУГА	Въ десятинахъ колич. орош. земли.	Приходится на 1 дымъ	десят. на 1 душ.
Темиръ-Ханъ-Шуринскій. . .	35000	1,9	0,43
Аварскій.	3320	0,4	0,10
Андійскій.	—	—	—
Гунибскій	8750	0,6	0,14
Даргинскій.	80	0,01	0,002
Казикумухскій	—	—	—
Кайтаго-Табасаранскій. . . .	13580	0,8	0,16
Кюринскій.	13375	0,9	0,16
Самурскій.	4100	0,4	0,07

Благодаря столь незначительному количеству, горцы дорожатъ всякимъ клочкомъ обрабатываемой земли. Все, что только можно обработать, занято посѣвами, съ которыхъ жители собираютъ скудную жатву.

Этимъ же недостаткомъ земли, ея дороговизной[1]), объясняется

[1]) Какъ дорого цѣнятъ горцы землю, видно изъ „Исторіи войны" Дубровина, который въ т. I, ч. 1, приводитъ много любопытныхъ данныхъ на этотъ предметъ. Что же касается дороговизны, то обыкновенно десятина плохой земли цѣнится отъ 100 до 400 рублей.

отчасти—я говорю отчасти, такъ какъ главными мотивами были, какъ мы видѣли, интересы защиты и обороны отъ нашествій враговъ—выборъ мѣста для постройки селеній, которыя расположены или въ глубокихъ оврагахъ, или по скату горы въ видѣ амфитеатра, или на очень высокихъ возвышенностяхъ и хребтахъ горъ. Дома здѣсь построены сжато. Улицы чрезвычайно извилисты, узки, круты и часто состоятъ изъ ступенекъ, по которымъ могутъ ходить только пѣшеходы. Въ лучшихъ селеніяхъ можетъ только проѣхать арба. Поэтому грязь и нечистота составляютъ исключительную принадлежность горскихъ селеній. Дома въ селеніяхъ, вслѣдствіе недостатка лѣса, строятся изъ камня на глинѣ, а другіе просто сложены изъ камня, безъ всякой смазки, или даже изъ необожженнаго кирпича, и состоятъ обыкновенно изъ двухъ этажей: нижній—для помѣщенія скота, лошадей и хозяйственныхъ принадлежностей, а верхній—для хозяина и его семейства. Дворовъ, благодаря отсутствію земли, или нѣтъ вовсе, или крыша сосѣда служитъ дворомъ. Благодаря такой стройкѣ и отсутствію оконъ, наружный видъ селеній самый непривѣтливый—виднѣется скученная масса сѣрыхъ каменныхъ клѣтушекъ, сидящихъ одна на другой.

Что касается занятій народонаселенія, то главными являются земледѣліе, скотоводство и отхожіе промыслы.

Земледѣліемъ въ Дагестанѣ занимается большая часть его населенія, и оно, можно смѣло сказать, составляетъ любимое занятье горца, но, несмотря на это, земледѣліе, какъ таковое, находится въ самомъ плачевномъ положеніи. Земли удобной почти нѣтъ. Пріемы обработки самые примитивные. Земледѣльческія орудія первобытнаго типа. Въ гористой части области для пахоты употребляется пароволовая легкая соха [1]), а на плоскости очень грубый тяжелый плугъ, напоминающій собою малороссійскій сабанъ и требующій не менѣе 4 паръ буйволовъ или воловъ [2]).

[1]) Обзоръ о сост. Даг. обл. за 1895 г., стр. 8; Козубскій, Пам. кн., стр. 116. Анучинъ (Отчетъ о поѣздкѣ въ Дагестанъ лѣтомъ 1882 г., стр. 392) вотъ какъ описываетъ соху: это просто загнутый крючкомъ довольно длинный сукъ, болѣе толстый въ своей загнутой части, на переднемъ концѣ которой укрѣплена небольшая желѣзная лопаточка. Къ суку придѣланы сзади 2 рукоятки, соединенныя на верхнемъ концѣ перекладиной, держа которую управляютъ сохою.

[2]) Обзоръ за 1895 г., стр. 15.

Благодаря сказанному, а также крайне неблагопріятнымъ почвеннымъ, климатическимъ и техническимъ условіямъ и, кромѣ того, подвергаясь различнымъ стихійнымъ бѣдствіямъ, свойственнымъ всякой горной странѣ, земледѣліе Дагестана не окупаетъ трудовъ земледѣльца, такъ какъ хлѣба мѣстнаго урожая, несмотря на трудолюбіе и рѣдкую энергію жителей, даже въ самые урожайные годы едва хватаетъ на продовольствіе населенія въ теченіе 6 мѣсяцевъ.

Принимая за норму для пропитанія человѣка впродолженіе года—1,8 четвертей, мы можемъ увидѣть изъ нижеслѣдующей таблицы степень обезпеченности народнаго продовольствія мѣстнымъ урожаемъ [1]):

ОКРУГА	На 1 душ. приходилось чет. въ 1892 г.	1894 г.	1895 г.
Темиръ-Ханъ-Шуринскій	0,33	0,7	0,78
Аварскій	0,37	0,6	0,55
Андійскій	0,14	0,3	0,53
Гунибскій	0,73	0,4	0,52
Даргинскій	0,19	0,2	0,26
Казикумухскій	0,46	0,4	0,40
Кайтаго-Табасаранскій	1,87	3,6	2,30
Кюринскій	1,13	2,0	0,80
Самурскій	0,28	0,4	0,60
Итого	0,66	1,1	0,80

Отсюда видно, что жители Кайтаго-Табасаранскаго и Кюринскаго округовъ болѣе или менѣе обезпечены хлѣбомъ, всѣ же остальные должны его пріобрѣтать на сторонѣ покупкою или мѣною, что можно видѣть изъ „Обзоровъ о состояніи Дагестанской области,“ въ которыхъ мы находимъ: жители Темиръ-Ханъ-Шуринскаго округа купили для своего продовольствія въ 1892 г. хлѣба 28115 четв. на сумму 146477 рубл., а Аварскаго на 50500.; въ 1894 г. жители Аварскаго и Гунибскаго округовъ прикупили хлѣба, на 169367 р. и т. д. [2]).

Обращаясь къ скотоводству, мы находимъ его особенно развитымъ въ нагорномъ Дагестанѣ, гдѣ существуютъ сравнительно хорошія горныя пастбища.

Но и положеніе скотоводства не блестяще, такъ какъ невоз-

[1]) Обзоръ за 1894 г., стр. 19, Обзоръ за 1895 г., стр. 15, Ковубскій, ib. 114.
[2]) Обзоръ за 1894 г., стр. 20, Обзоръ за 1895 г., стр. 16.

можность заготовить сѣно, читаемъ мы въ обзорахъ за 1894 и 1895 года, въ нужномъ количествѣ во время суровой и продолжительной зимы заставляетъ овцеводовъ держать стада круглый годъ на подножномъ корму, для чего приходится скотъ перегонять либо въ плоскостную часть области, либо въ сосѣднія губерніи.

О доходности этого промысла можно составить приблизительное понятіе по слѣдующимъ даннымъ: въ 1892 г., по свѣдѣніямъ нѣкоторыхъ окружныхъ начальниковъ, отъ продажи разнаго скота и продуктовъ скотоводства было выручено—въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ 89788 р., Аварскомъ—33168 р.; въ 1893 г. въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ—131283 руб. Аварскомъ—29050 руб.; въ 1894 г. въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ—96681,5 р. Аварскомъ—19669 р. Гунибскомъ—130126 руб., Самурскомъ—53918 руб. [1])

Вслѣдствіе недостатка удобныхъ земель и плохихъ доходовъ отъ двухъ вышесказанныхъ занятій, жители съ давнихъ поръ должны были обратиться къ разнообразнымъ промысламъ, какими главнымъ образомъ явились отхожій и кустарный промыслы, прочіе же, какъ напр., извозъ, шелководство, рыболовство и т. д. хотя и существуютъ, но по своимъ размѣрамъ не играютъ выдающейся роли.

Отхожій промыселъ развитъ весьма широко во всей Дагестанской области вообще, а въ нагорныхъ округахъ въ особенности. „Осенью", говоритъ А. В. Комаровъ, извѣстный знатокъ Дагестана, „убравъ поля и обезпечивъ семейства на зиму, почти всѣ взрослые мужчины отправляются искать себѣ работы въ разныя мѣста... Казикумухца, напр., можно зимою встрѣтить вездѣ отъ Оренбурга до Тавриза" [2]). Знающіе ремесла переходятъ изъ города въ городъ, устраивая временныя мастерскія и сбывая свои произведенія, а незнающіе идутъ въ чернорабочіе, главнымъ образомъ въ Баку, на нефтяные промыслы. Здѣсь, вдали отъ родины, они проводятъ осень и зиму, но только наступитъ весна, всѣ спѣшатъ домой къ семействамъ.

По свѣдѣніямъ „Обзоровъ о состояніи Дагестанской области" число жителей, отправившихся на отхожій промыселъ въ 1892 г., равнялось 70366 душамъ, въ 1893 г.—74610, въ 1894 г.—72419, въ 1895 г.—44849 и т. д.

---

[1]) Обзоръ за 1894 г., стр. 21, Обзоръ за 1995 г., стр. 18, Козубскій Пам. кн., 117—119.

[2]) Комаровъ. Адаты и судопроизводсто по нимъ, стр. 42.

По отдѣльнымъ округамъ количество это[...]

ОКРУГА	Количество въ 1892 г.	въ [...]	
Темиръ-Ханъ-Шуринскій	7372	73[...]	
Аварскій	1676	2440	
Андійскій	5285	6117	
Гунибскій	1746	4767	
Даргинскій	10068	8932	
Казикумухскій	6769	7597	7[...]
Кайтаго-Табасаранскій	2755	1632	134[...]
Кюринскій	4240	3562	7856
Самурскій	6395	30000	6398

Кромѣ этихъ лицъ, изъ Гунибскаго и Самурскаго округовъ ежегодно съ осени со своимъ скотомъ до 80000 душъ населенія обоего пола перекочевываетъ въ Тифлисскую, Елизаветпольскую и Бакинскую губерніи. Вообще же число всѣхъ лицъ, ежегодно отлучающихся изъ области для обезпеченія себя съ матеріальной стороны, достигаетъ, по словамъ Обзора о состояніи области за 1895 годъ, четверти всего населенія [2]).

Что касается кустарнаго промысла, то послѣдній является для жителей Дагестана однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода.

Имъ занимаются повсемѣстно и мужчины и женщины. Всѣхъ кустарей въ 1895 году числилось 8633 человѣка, которые распредѣлялись по округамъ области такъ [3]):

Аварскій	488
Андійскій	1000
Гунибскій	1529
Даргинскій	1168
Казикумухскій	4130
Самурскій	318

Кустари-женщины занимаются выдѣлкою изъ шерсти разнообразныхъ предметовъ, начиная съ ковровъ и кончая обувью. Нѣкоторыя изъ этихъ издѣлій, напр., ковры, паласы, сукна, бурки и т. п., благодаря прекраснымъ качествамъ работы, служатъ, кромѣ удовлетворенія домашнихъ потребностей горца, также и предметами значительной торговли и внѣ области.

---

1) Обзоръ за 1894 г. стр. 22, Обзоръ за 1895 г. стр. 18—19, Козубскій ib. 119—120.

2) Обзоръ за 1895 г. стр. 19

3). Обзоръ въ 1895 г. стр. 19—20, Козубскій. Пам. кн. ib. 120—123.

…а-мужчины обрабатываютъ преимущественно металлы, …рево и кожи. Особенно славится производство изящныхъ … изъ золота, серебра съ чернью, слоновой кости, рога, …а и стали съ насѣчкой и инкрустаціями [1]).

Опредѣлить заработокъ кустарей крайне трудно въ виду того, что какъ производительность промысла, такъ и сбытъ издѣлій подвержены многимъ случайностямъ и колебаніямъ. Къ этому надо прибавить еще то обстоятельство, что значительная часть кустарныхъ издѣлій обмѣнивается на мѣстѣ или за предѣлами страны на хлѣбъ и другіе жизненные припасы. Приблизительное понятіе о заработкѣ кустарей даютъ цифры „Обзоровъ о состояніи области", изъ которыхъ мы узнаемъ, что въ 1892 г. кустарями Аварскаго округа было выручено 15528 руб., а Даргинскаго — 30000 руб., въ 1895 г. первыми — 3605 р., а вторыми — 71203 [2]).

Сказавъ нѣсколько словъ о занятіяхъ жителей Дагестана, мы въ pendant должны здѣсь замѣтить, что благодаря труднымъ мѣстнымъ и экономическимъ условіямъ, поголовной бѣдности и постояннымъ эпидемическимъ болѣзнямъ и сифилису, населеніе Дагестанской области почти не увеличивается, а остается по количеству такимъ, какъ было и раньше. Послѣднее видно изъ слѣдующей таблицы, взятой изъ „Обзоровъ о состояніи области" [3]):

Въ	1887 г.	населеніе	увеличилось	на	3316	душъ	или	на	0,6%
"	1888 "	"	"	"	1297	"	"	"	0,2%
"	1889 "	"	"	"	2227	"	"	"	0,4%
"	1890 "	"	"	"	2406	"	"	"	0,4%
"	1891 "	"	"	"	847	"	"	"	0,1%
"	1892 "	"	уменьшилось	"	12674	"	"	"	2,2%
"	1893 "	"	увеличилось	"	908	"	"	"	0,1%
"	1894 "	"	"	"	680	"	"	"	0,1%
"	1895 "	"	"	"	3815	"	"	"	0,7%
Итакъ съ 1887 по 1895 г.			"	"	2822	"	"	"	0,4%

Если къ этому мы прибавимъ круглое невѣжество (0,03% грамотныхъ) и полное отсутствіе школъ (6 школъ на полъ-мил-

---

1) Обзоръ за 1895 г. стр. 19. Козубскій ib. 122—123.
2) Обзоръ за 1895 г. стр. 20. Козубскій ib. 123.
3) Обзоры за 1888—1892, 94—95, Козубскій ib. 127—128.

ліона жителей), то мы получимъ полную картину экономическаго и моральнаго состоянія жителей этой бѣдной страны [1]).

Познакомившись въ самыхъ краткихъ чертахъ съ матеріальнымъ положеніемъ жителей Дагестана, мы заглянемъ внутрь дагестанскихъ селеній и узнаемъ, насколько возможно, ихъ административное устройство.

Послѣднее „Положеніемъ объ управленіи Дагестанской областью“ [2]) (§ 35) и выработаннымъ на основаніи его Сельскимъ уставомъ [3]) оставлено въ томъ почти видѣ, какъ было до владычества русскихъ въ Дагестанѣ.

Вслѣдствіе полнаго незнакомства русскихъ читателей съ устройствомъ сельскаго общества въ Дагестанѣ, мы позволимъ себѣ болѣе подробно остановиться на внутренней его организаціи.

Сельское общество составляется въ Дагестанѣ изъ всѣхъ имѣющихъ постоянную осѣдлость жителей одного селенія, кромѣ бековъ, ихъ семействъ и живущей у нихъ прислуги [4]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда селенія малолюдны, они соединяются по мѣстнымъ условіямъ въ одно общество или причисляются къ большему селенію, гдѣ и сосредоточивается главная сельская власть. Вслѣдствіе этого на 1180 селеній сельскихъ обществъ въ Дагестанѣ насчитывается 497, или, распредѣливъ количество тѣхъ и другихъ по округамъ, мы получимъ слѣдующую таблицу [5]):

---

[1]) Обзоръ за 1895 г. стр. 44—46. Казубскій, Пам. кн. ib. 113—115.

[2]) Акты, т. XII, ч. 2, стр. 687 и сл.

[3]) Проектъ положенія о сельскихъ обществахъ, ихъ общественномъ управленіи и повинностяхъ, государственныхъ и общественныхъ, въ Дагестанской области. Темиръ-Ханъ-Шура. 1868 г. Утвержденъ предписаніемъ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго Кавк. арміею по Кавк. горск. управл. отъ 26 апрѣля 1868 г. за № 2380.

[4]) Положеніе бекскаго сословія до сихъ поръ не опредѣлено и не регламентировано правительствомъ. Исключенные изъ сельскаго общества сельскимъ уставомъ 1868 г., они въ настоящее время, какъ и прежде, не имѣютъ никакой общей организаціи и, живя большею частью въ селеніяхъ, стоятъ въ послѣднему особнякомъ. Подчинены беки только окружному начальству. Достоинство бека пріобрѣтается въ настоящее время только рожденіемъ и, какъ таковое, не можетъ быть утрачено никоимъ образомъ, даже за преступленіе. Повинностей и сборовъ, кромѣ воинскаго налога, въ количествѣ 35 коп. съ дыма, не несутъ и, кромѣ этого и своего сравнительнаго богатства, ничѣмъ не отличаются отъ прочей массы населеній Дагестана.

[5]) Кавказскій календарь за 1899 г. Оффиц. изд. III, 22 стр. и слѣд.

ОКРУГА	Селеній всего.	Сельск. обществъ.	Число селеній, имѣющихъ домовъ до 10	25	50	100	200	болѣе.
Темиръ-Ханъ-Шуринскій. . . .	47	47	1	—	1	6	12	27
Аварскій.. . . .	81	54	—	3	25	22	20	11
Андійскій. . . .	119	62	4	17	16	38	30	14
Гунибскій. . . .	192	62	22	56	42	31	23	18
Даргинскій . . .	150	59	9	17	32	30	37	25
Казикумухскій. .	104	55	1	10	25	33	23	12
Кайтаго-Табасаранскій. . . .	192	53	11	37	60	44	24	17
Кюринскій . . .	214	66	4	39	43	86	35	7
Самурскій. . . .	80	39	2	7	11	25	22	13
	1180	497	54	186	255	315	226	144

Представляя собою первую административную единицу, сельское общество имѣетъ свое собственное управленіе, которое составляется изъ сельскаго схода, сельскаго старшины, сельскаго кадія и сельскаго суда. Кромѣ этихъ главныхъ, такъ сказать, лицъ, назначаются еще побочныя, какъ, напр., помощники старшины, если общество состоитъ не изъ одного селенія, чоуши (разсыльные), полевые сторожа, смотрители канавъ и проч.

Сельскій сходъ составляется изъ всѣхъ должностныхъ лицъ и представителей даннаго сельскаго общества, отъ каждаго дыма по одному человѣку.

Должностныя лица, по сельскому положенію 1868 г., или назначаются русскимъ начальствомъ (сельскіе старшины и ихъ помощники), или выбираются черезъ каждые три года обществомъ съ утвержденія начальства (сельскій кадій и сельскіе судьи), или безъ онаго (чоуши, полевые сторожа и проч.).

Служба по выбору общества составляетъ почетную обязанность, отъ которой, по общему правилу, нельзя отказываться безъ уважительныхъ причинъ, каковыми по сельскому уставу признаются: 1) пожилой возрастъ болѣе 60 лѣтъ, 2) болѣзнь, 3) родъ занятій, не позволяющихъ быть постоянно въ селеніяхъ, и 4) предыдущая служба по выбору [1]).

[1]) Въ до-русскій періодъ въ качествѣ репрессаліи за отказъ примѣнялось разграбленіе имущества выбраннаго лица и разрушеніе его дома.

Главная роль въ сельскомъ управленіи принадлежитъ сельскому сходу, который вѣдаетъ главныя дѣла, касающіяся цѣлаго общества, какъ, напр., выборъ должностныхъ лицъ, приговоры объ удаленіи изъ общества порочныхъ членовъ и о принятіи новыхъ, наблюденіе за правильнымъ расходомъ сельскихъ суммъ, распоряженіе общественными землями, принесеніе просьбъ, жалобъ, повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, раскладка податей и т. п.

Сельскій сходъ, по тому же уставу 1868 г., созывается сельскимъ старшиной, наибомъ (приставомъ) или другимъ начальствующимъ лицомъ, смотря по надобности, и преимущественно въ дни джумы (пятница). Первое мѣсто на немъ принадлежитъ старшинѣ, мнѣніе котораго беретъ перевѣсъ въ случаѣ равенства голосовъ, поэтому приговоръ схода, созваннаго безъ согласія старшины, какъ и приговоръ по дѣлу, не подлежащему компетенціи схода, признаются недѣйствительными.

Дѣла на сходѣ рѣшаются или единогласно, или по большинству голосовъ—абсолютному или $^2/_3$ голосовъ (удаленіе порочныхъ членовъ, передѣлы, контроль суммъ и принесеніе жалобъ и просьбъ начальству), и приговоры, кромѣ случаевъ, гдѣ для законности требуется $^2/_3$ голосовъ, не записываются, а сохраняются въ памяти общества.

Жалобы на рѣшеніе схода восходятъ, черезъ наиба, къ Начальнику округа или къ Губернатору, отъ которыхъ зависитъ окончательное рѣшеніе вопроса.

Второе мѣсто послѣ схода въ сельской общинѣ принадлежитъ сельскому старшинѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ является для общины органомъ правительственной власти. На обязанности старшины лежитъ надзоръ за сохраненіемъ порядка и спокойствія въ предѣлахъ сельской общины, почему его вѣдомству здѣсь подлежатъ всѣ лица, входящія въ составъ сельскаго общества, каковыхъ онъ за неповиновеніе его власти можетъ назначать на общественныя работы или подъ арестъ на срокъ не болѣе 2 дней, или подвергать штрафу въ размѣрѣ 1 рубля.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, какъ первый полицейскій чинъ, долженъ наблюдать за правильнымъ исполненіемъ жителями всѣхъ указаній начальства и доносить послѣднему о всѣхъ нарушеніяхъ порядка. Онъ обязанъ ловить бѣглыхъ, задерживать бродягъ, принимать мѣры въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ-то: пожары, наводненія

и проч., приводить въ исполненіе рѣшенія сельскаго и окружнаго судовъ, взыскивать штрафы, наблюдать за сходомъ и должностными лицами и проч.

Что касается сельскихъ кадіевъ (дебиры и будуны), то на нихъ возлагается, кромѣ наблюденія за чисто духовными обязанностями правовѣрныхъ, еще: 1) засѣданіе въ судѣ, 2) веденіе письмоводства и 3) надзоръ за опеками.

Судебная власть въ сельской общинѣ Дагестана сосредоточена въ рукахъ сельскаго суда, который состоитъ изъ кадія и изъ выбранныхъ на каждое трехлѣтіе сельскимъ сходомъ лицъ для отправленія обязанностей судей. Число послѣднихъ съ кадіемъ, для дѣйствительности приговора, должно быть нечетное и составлять не менѣе трехъ.

Дѣла, подлежащія компетенціи сельскаго суда, слѣдующія: 1) по гражданскимъ искамъ и спорамъ между жителями подвѣдомственной ему сельской общины на сумму не свыше 100 руб., 2) по несогласію между мужемъ и женою, родителями и дѣтьми, 3) по утвержденію опекуновъ и попечителей, избираемыхъ сельскими кадіями, 4) по наслѣдствамъ, 5) по воровствамъ, обманамъ и утайкамъ на сумму не свыше 30 рублей, если обвиняемый судится въ первый или второй разъ, и 6) по спорамъ и тяжбамъ, возникающимъ между лицами постороннихъ обществъ, если споръ или жалобы возникли во время пребыванія отвѣтчика въ районѣ сельскаго общества.

Всѣ перечисленныя дѣла рѣшаются или по адату или по шаріату, отъ чего зависитъ какъ порядокъ производства дѣлъ, такъ и самое рѣшеніе.

Начинается дѣло съ принесенія суду жалобы потерпѣвшаго, который, по общему правилу, долженъ явиться лично. Исключеніе допускается только для опекуновъ и попечителей, хотя въ дѣлахъ уголовныхъ жалоба можетъ быть принесена свидѣтелемъ - очевидцемъ или старшиною селенія.

Производство дѣлъ въ судахъ гласно и словесно.

Разборъ дѣла начинается съ преній сторонъ, во время которыхъ судъ старается привести дѣло къ маслагату (мировой сдѣлкѣ); въ случаѣ, если примиреніе не удалось, судъ постановляетъ рѣшеніе по адату или шаріату.

Если дѣло подлежитъ адатному порядку, то рѣшеніе постано-

вляется всѣмъ наличнымъ составомъ суда по большинству голосовъ, если же по свойству своему (дѣла семейнаго и наслѣдственнаго права) оно требуетъ шаріатнаго рѣшенія, то оно постановляется кадіемъ, но не иначе, какъ въ общемъ присутствіи суда.

Кромѣ наказанія по адату, сельскій судъ, въ случаѣ недостаточности адатнаго наказанія или даже совершеннаго отсутствія послѣдняго, можетъ приговорить виновнаго или къ общественнымъ работамъ до 6 дней, или денежному взысканію до 3 руб., или, наконецъ, къ аресту до 7 дней.

Состоявшееся рѣшеніе записывается въ особенную книгу, которая ведется кадіемъ, и объявляется сторонамъ. Если послѣднія остаются довольны, то приговоръ считается окончательнымъ и словесно сообщается сельскому старшинѣ для приведенія въ исполненіе, если же недовольны, то судъ недовольной сторонѣ выдаетъ копію, для представленія въ теченіе мѣсячнаго срока апелляціонной жалобы въ окружной словесный горскій судъ, который, разсмотрѣвъ дѣло по существу, можетъ согласиться съ приговоромъ сельскаго суда или постановить свое рѣшеніе.

Всѣ прочія дѣла, кромѣ подлежащихъ сельскому суду, какъ, напр., между жителями разныхъ обществъ, между жителями и беками, гражданскія свыше 100 р., третій рецидивъ, уголовныя, по убійствамъ, пораненіямъ и проч., подлежатъ вѣдомству окружныхъ судовъ, къ которымъ и восходятъ непосредственно отъ наибовъ.

Будучи судебно-административной единицей, сельское общество Дагестана вмѣстѣ съ тѣмъ является поземельной общиной, считаясь собственникомъ всѣхъ находящихся въ его пользованіи земель [1]). Послѣднее, по характеру своему, бываетъ нераздѣльное для всѣхъ жителей даннаго общества и раздѣльное для каждаго общинника въ теченіе опредѣленнаго времени. Въ первомъ, нераздѣльномъ пользованіи находятся всѣ угодія, которыми неограниченно пользуются всѣ жители данной общины, напр., пастбища, лѣсъ, рыбныя ловли и проч., во второмъ — пахотные участки и сѣнокосы. Распредѣленіе послѣднихъ совершается при помощи передѣловъ.

[1]) Частная собственность въ общинахъ Дагестана встрѣчается въ видѣ экиновъ, подъ которыми разумѣются незначительные участки земли, находящіеся въ частной собственности жителей. Происхожденіе экиновъ относится къ тому времени, когда земли было много и каждый обработанный участокъ считался собственностью того, кто его обработалъ.

Техника передѣловъ сводится къ возможно полному количественному и качественному уравненію надѣловъ. Въ Дагестанѣ послѣднее достигается тѣмъ, что участки пашни распредѣляются по группамъ на основаніи, вычисленной сложности урожаевъ за нѣсколько лѣтъ и уже согласно этому доходу дѣлятся по жребію между дымами данной сельской общины. Такъ же распредѣляются и покосныя мѣста, съ тою разницей, что сѣнокосы подвергаются передѣлу болѣе часто, чѣмъ пашни. Обыкновенный срокъ для передѣловъ пашни для всего Дагестана опредѣлить трудно, но наиболѣе часто встрѣчается десятилѣтній, а для сѣнокосовъ—ежегодный [1]).

Привыкнувъ къ общественному устройству, дагестанскіе горцы, благодаря родовому устройству быта и страшному консерватизму, до сихъ поръ свято держатся общины и не рѣшаются выйти изъ числа ея членовъ, даже тѣ, которые въ настоящее время обладаютъ значительными пріобрѣтенными землями.

Вообще, изучая сельскую общину и поземельное устройство послѣдней, мы находимъ въ ней весьма большое сходство съ русскими общинами, имѣющими почти такое же внутреннее устройство. Есть только одинъ признакъ, который рѣзко отдѣляетъ русскую общину отъ дагестанской, именно — полное отсутствіе круговой поруки, которая совершенно неизвѣстна горцамъ Дагестана.

Послѣ этого краткаго очерка административнаго и сельскаго устройства сельской общины Дагестана мы переходимъ къ описанію налоговъ и податей, вносимыхъ населеніемъ Дагестанской области въ пользу русскаго правительства. Величина тѣхъ и другихъ сильно колеблется не только по различнымъ округамъ, но даже селеніямъ общества; такое разнообразіе податей явилось слѣдствіемъ того, что населеніе облагалось податью постепенно, съ водвореніемъ русскаго владычества въ покоренныхъ частяхъ края, и оклады, съ упраздненіемъ ханскихъ управленій, соразмѣрялись съ экономическимъ благосостояніемъ края [2]).

Главной податью въ настоящее время является подымный сборъ,

---

1) Иначе совершаются передѣлы въ такъ назыв. бекскихъ селеніяхъ, гдѣ земля считается собственностью бековъ. Здѣсь распредѣляетъ землю бекскій нукеръ, который отдѣляетъ каждому жителю извѣстный участокъ, сообразуясь съ количествомъ скота и работоспособностью каждаго.

2) Обзоръ за 1892 г., стр. 48, Козубскій, Памятн. кн., 128 — 129.

собираемый съ дыма, какъ первой единицы финансоваго обложенія въ Дагестанѣ, по слѣдующимъ окладамъ: въ Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ изъ 47 селеній 4 обложены рублевымъ окладомъ, 2 селенія — $1^1/_2$-рублевымъ, 25 селеній—2-хъ-рублевымъ и 16—3-хъ-рублевымъ. Все населеніе Аварскаго, Андійскаго, Гунибскаго, Даргинскаго и Казикумухскаго округовъ обложено однообразнымъ окладомъ—въ 1 рубль съ дыма. Въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ 134 селенія обложены 2-хъ-рублевымъ окладомъ, а 58 селеній отъ подымной подати освобождены, но зато вносятъ земскій сборъ по особому усиленному окладу. Въ Кюринскомъ округѣ въ Южно-Табасаранскомъ наибствѣ взимается 2-хъ рублевый окладъ, прочія же селенія обложены неравномѣрными окладами—отъ 50 коп. до 6 р. 75 коп. съ дыма, кромѣ того, 32 селенія этого же округа подымной подати не платятъ, а вносятъ земскій сборъ по особенному усиленному окладу. Наконецъ, съ населенія Самурскаго округа подымная подать взимается въ размѣрѣ 1 р. 50 коп. съ дыма, за исключеніемъ 5 селеній, обложенныхъ 2-хъ-рублевымъ окладомъ.

Подымная подать взимается въ Дагестанѣ со всѣхъ жителей, кромѣ должностныхъ лицъ сельскаго управленія, служащихъ по военно-народному управленію, офицеровъ и ихъ семействъ, бековъ и чанокъ, всадниковъ Дагестанскаго конно-регулярнаго полка, послужившихъ 15 и болѣе лѣтъ, малолѣтнихъ, стариковъ и бѣдныхъ, число которыхъ не должно, однако, превышать 10% всего податного сословія.

Кромѣ подымнаго сбора, все населеніе платитъ еще земскій (государственный и областной) сборъ, взимаемый соотвѣтственно ихъ матеріальному благосостоянію [1]) отъ 15 коп. (Гунибскій округъ) до 3 р. 3 к. (въ Кюринскомъ окр.), и такъ называемый военный налогъ, взамѣнъ отбыванія туземцами воинской повинности, по 35 коп. съ человѣка [2]).

Рядомъ съ этими налогами въ Дагестанѣ существуютъ натуральныя повинности, изъ которыхъ главнѣйшими являются: 1) до-

---

[1]) Сводъ статистич. данныхъ, извлеченныхъ изъ посемейныхъ списковъ населенія Закавказья. Изд. закавказск. статист. комитета. Дагестанская область. Тфл. 1890 г., стр. 143, 157 и др. Обзоръ за 1892 г. стр. 48.

[2]) Обзоръ за 1895 г. стр. 28—29. Кромѣ этихъ сборовъ, землевладѣльцы несутъ поземельный налогъ, а всѣ остальные—различные косвенные налоги.

рожная повинность; о размѣрахъ ея можно судить по слѣдующимъ даннымъ, взятымъ изъ губернаторскихъ отчетовъ: въ 1892 г. было выставлено для исправленія дорогъ 968 арбъ и 106875 человѣкъ, въ 1893 г.—4283 арбы и 175445 человѣкъ, въ 1894 г.—1391 арба и 195752 человѣка и т. д. [1]); 2) подводная повинность для проходящихъ командъ и этаповъ; о размѣрахъ ея можно составить представленіе изъ того, что въ 1894 г. было выставлено жителями 277 лошадей и 7195 подводъ [2]); 3) квартирная повинность для постоя проходящихъ войскъ и 3 сотенъ Дагестанскаго конно-регулярнаго полка.

Кромѣ этихъ повинностей, жители отбываютъ цѣлый рядъ другихъ,—исполненіе которыхъ по сельскому уставу 1868 г. возложено на жителей, какъ-то: принятіе указываемыхъ начальствомъ мѣръ въ случаѣ появленія заразительныхъ болѣзней и скотскихъ падежей, содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, межъ и межевыхъ знаковъ, проточныхъ водъ и канавъ на земляхъ общества, содержаніе карауловъ, призрѣніе престарѣлыхъ и увѣчныхъ, принятіе мѣръ въ случаяхъ пожара и наводненія селъ, а также для истребленія саранчи, хищныхъ звѣрей и т. п. [3]).

Покончивъ съ описаніемъ быта, судебно-административнымъ устройствомъ и налогами, существующими для всѣхъ вообще жителей Дагестана, мы переходимъ въ слѣдующей главѣ къ изображенію сельскаго быта зависимыхъ отъ бековъ раятъ.

Глава II.

Ненормальное положеніе раятъ послѣ введенія въ дѣйствіе сельскаго устава 1868 года. Статистическія данныя о количествѣ раятъ Дагестана и ихъ племенномъ составѣ. Въ чемъ выражается современная раятская зависимость? Общій взглядъ на послѣднюю. Государственные раяты и ихъ происхожденіе. Зависимость ихъ отъ русскаго начальства.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе „Положенія о сельскихъ обывателяхъ“ въ 1868 году всѣ сельскія общины горцевъ Дагестана получили одинаковое устройство, основывавшееся, какъ мы видѣли, на началахъ самоуправленія. Существовавшая до этого времени во многихъ мѣстахъ края полицейско-административная власть бековъ

[1]) Обзоръ за 1894 г. стр. 25 и за 1895 г. стр. 27.

[2]) Обзоръ за 1894 и 1895 ib.

[3]) Положеніе о сельскихъ обывателяхъ 22—23.

перешла къ сельской общинѣ, и послѣдняя стала совершенно независимой отъ своихъ бывшихъ правителей.

Съ переходомъ власти къ сельской общинѣ беки уже окончательно освободились отъ обязанностей, лежавшихъ на нихъ съ ханскихъ временъ по управленію сельскими обывателями, и даже стали къ послѣднимъ въ обособленное положеніе.

Послѣ этого должны были бы, кажется, прекратиться и права бековъ на повинности и личный трудъ жителей, вытекавшія изъ исполненія беками своихъ обязанностей. Но здѣсь судьба сыграла злую шутку, благодаря которой беки оказались обладателями однихъ правъ безъ всякихъ обязанностей, а на долю крестьянъ-раятъ выпали одни обязанности, безъ всякихъправъ...

Какимъ образомъ совершилась эта вопіющая несправедливость— на этомъ мы здѣсь останавливаться не будемъ, такъ какъ въ предыдущей (второй) части мы достаточно уже говорили о томъ, какъ существовавшая раньше административная зависимость населенія отъ бековъ оффиціально превратилась въ поземельную и въ качествѣ таковой, несмотря на протесты жителей, до сихъ поръ фигурируетъ въ дѣлахъ сословно-поземельной коммиссіи. Здѣсь же считаемъ нужнымъ очертить современное положеніе вещей въ Дагестанѣ и изложить тѣ отношенія, въ которыхъ выражается въ настоящее время такъ называемая раятская зависимость населенія отъ бековъ.

Число всѣхъ селеній, жители которыхъ обязаны несть въ пользу бековъ тѣ или иные налоги и повинности, въ настоящее время въ Дагестанѣ простирается до 83 съ 59906 жителями обоего пола.

Распредѣленіе раятскаго населенія по округамъ и племеннымъ группамъ видно изъ слѣдующихъ таблицъ.

ОКРУГА	Всѣхъ селеній.	Раятскихъ селен.	Жителей обоего пола во всѣхъ селеніяхъ округа.	Жителей обоего пола въ раятскихъ селеніяхъ.	% отношеніе раятъ ко всѣмъ жителямъ даннаго округа.
Темиръ-Ханъ-Шуринскій.	47	15	74829	26103	34,51%
Аварскій.	81	—	37230	—	—
Андійскій	119	—	46993	—	—
Гунибскій	192	—	58594	—	—
Даргинскій.	150	—	82463	—	—

ОКРУГА	Всѣхъ селеній.	Раятск. сел,	Жител. обоего пола во всѣхъ селен. округа.	Жител. обоего пола въ раятс. селен.	% Отношеніе раятъ ко всѣмъ жител. данн. округа.
Казикумухскій	104	5	53665	2401	4,47%
Кайтаго-Табасаранскій. .	192	40	74885	21671	29, 1%
Кюринскій	214	21	76549	8218	10,73%
Самурскій	80	2	47593	1513	3,18%
Итого. . .	1180	83	552801	59906	10, 8%.

ПЛЕМЕНА	% отношеніе раятъ даннаго племени ко всѣмъ раятамъ области.	% отношеніе раятъ даннаго племени къ всего числу племени.
Даргинцы	1,36%	0,66%
Евреи	4,28	25,66
Кайтагцы	1,15	4,59
Кумыки	46,53	60,60
Кюринцы	15,3	7,16
Лаки	2.82	5,83
Агулы	1,19	10.15
Табасаранцы	5,16	17,19
Татары	15,83	72,92
Таты	6,91	100,00%

Переходя послѣ этого къ ознакомленію съ размѣрами существующихъ въ настоящее время въ Дагестанѣ податей и повинностей въ пользу бековъ, мы должны замѣтить, что при описаніи ихъ будемъ придерживаться территоріальныхъ границъ прежнихъ владѣній, а самыя подати и повинности будемъ обозрѣвать, благодаря крайнему ихъ разнообразію, по каждому селенію въ отдѣльности, давая вмѣстѣ съ тѣмъ числовыя данныя о количествѣ народонаселенія, землевладѣніи частномъ и общественномъ и о величинѣ надѣловъ земли бекской и общественной. При семъ мы считаемъ нужнымъ пояснить, что мы будемъ перечислять только тѣ подати и повинности, которыя вносятся и исполняются раятами въ пользу бековъ регулярно каждый годъ, всѣ же остальныя, носящія случайный характеръ, какъ то: сборъ съ населенія послѣ смерти членовъ бекскаго семейства, сборъ при выдачѣ замужъ дочерей раята, наслѣдованіе выморочнаго имущества и проч. мы оставляемъ въ сторонѣ, хотя они и примѣняются до сихъ поръ.

Селенія.	Число жителей въ селеніи.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣльческой, находящейся въ пользованіи раятъ въ десятинахъ.					Размѣръ податей и повинностей.
		Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣсовъ.	На одного человѣка приходится.	Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣсъ.	На одного человѣка приходится.	
Тарковское владѣніе (Т.-Х.-Шуринскій округъ [1]):												
Агачъ-аулъ	305	—	—	—	—	—	5018	5	5	—	16,31	Работаютъ на бека 2½ д.
Альбору-кентъ	503	100	300	50	—	0,92	43	39,5	30	—	0,24	" " " 2 "
Атлы-боютъ	541	650	—	—	—	1,2	—	—	—	7	0,01	" " " 2 "
Бетаулъ	691	—	—	500	100	0,86	1131,6	1298,6	1417	575,4	7	" " " 2 "
Гадаръ	3214	—	—	—	—	—	665,8	251	—	—	0,28	" " " 1 "
Гелли	2390	500	—	1250	—	0,6	963,8	10,2	—	—	0,41	¾ дымовъ этого селенія работаютъ на бековъ 1 день съ дыма, вносятъ 1% съ баранты и обязаны сопровождать бековъ во время поѣздокъ.
Казанищи Верх.	1972	—	—	130	130	0,13	1429,2	134,4	7500	—	4,53	Платятъ бекамъ 1 рубль.
Кафыръ-Кумухъ	1116	30	—	670	—	0,63	663,4	560	1000	—	1,85	" " 1 "
Капчугай	445	12,2	—	866,6	—	1,9	167,6	17,2	1026,6	17,2	2,[illegible]	Работаютъ на бека 4 дня.
Кохулай-Торкали	730	400	400	50	—	1,16	34	4	1512	—	2,18	" " " 2 "
Кумтеркале	2030	6000	—	—	—	2,96	—	—	90,6	—	0,04	" " " 4 "
Шамхалъ Янги Юртъ	695	2000	—	3000	—	7,14	—	—	—	—	—	" " " 2 "
Эрпели	2929	200	—	2000	3000	1,7	708,4	346	3049	349	1,5	" " " 4 "
Мехтула:												
Кака-Шура	3922	59	—	3909	1600	1,42	1261	14,5	—	—	0,47	Платятъ бекамъ подать 1 р.
Дургали	4620	1400	—	1800	100	0,71	1745	9	—	3	0,38	Платятъ бекамъ подать 1 р.
Самурскій округъ:												
Дубкунъ	635	—	—	60	—	0,09	120	2	—	—	0,25	Каждое изъ этихъ селеній, кромѣ подымнаго сбора, вноситъ бекамъ 75 руб. (112½ [illegible]
Ялагъ	878	—	—	600	—	0,7	100	180	—	—	0,3	

												Состоятъ изъ узденей и раятъ; какъ тѣ, такъ и другіе платятъ бекамъ нижеслѣдующую натуральную повинность: 1) уздени и раяты совмѣстно платятъ ежегодно бекамъ по 8 барановъ малыхъ и 12 большихъ, а также по 1 барашку съ каждаго стада или пастуха; 2) кромѣ того, раяты отбываютъ бекамъ, особо отъ узденей, по 9 сабъ зерна (6 п. 30 ф.) и по овцѣ съ каждаго дыма, а также по 1 улью съ каждыхъ 10 ульевъ тѣми только дымами, у которыхъ имѣются пчелы и 3) четыре дыма изъ раятъ, поочередно между собою, ежегодно вносятъ бекамъ по 4 батмана (2 пуда) масла каждый или всего въ годъ 16 батмановъ (8 пудовъ).
Бурши	539	25,2	12,7	413,6	—	0,83	—	—	—	—	—	Жители этого селенія вносятъ ежегодно бекской фамиліи Абдуллъ-Фага тамагъ — 19 дымовъ въ размѣрѣ 4 батмановъ сыра (2 пуда) и 3 батмана масла (1,5 пуда), а 45 дымовъ ежегодно вносятъ 9 барановъ.
Гоміахъ.	411	53,3	45,2	598	—	1,7	—	—	—	—	—	Нѣкоторые изъ жителей этого селенія отбывали ханамъ, а теперь отбываютъ въ казну тамагъ въ размѣрѣ 30 руб. въ годъ и, кромѣ того, платятъ Кумухцу Абдуллъ-Халику-Абдуллъ-Гамиду-оглы 35 руб.

[1]) Сводъ стат. данныхъ, ib. стр. 126—129. По свѣдѣніямъ, собраннымъ мною въ прошломъ году, въ настоящее время жители Т-Х-Шур. округа платятъ бекамъ вмѣсто натуральной денежную повинность въ размѣрѣ 1—2 руб., кромѣ, однако, сел. Гелли.

Селенія.	Общее число.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣльческой, находящейся въ пользованіи раятъ, въ десятинахъ.					Размѣръ податей и повинностей.
		Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣсовъ.	На 1 жител.	Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣсовъ.	На 1 жител.	
Хулисма	528	78	62,6	296,4	—	0,82	—	—	—	—	—	Нѣкоторые дымы (24) платятъ фамиліи Абдуллъ-Фага 14 р. 72½ коп. въ годъ. Общество отбываетъ тамагъ въ пользу фамиліи Абдуллъ-Фага по 1 быку и 60 руб.
Чаравалю	213	12	11,7	106	—	0,63	—	—	—	—	—	
Кайтагъ:												
Берекей	850	964,3	80,8	30	5,4	1,2[1])	—	—	—	—	—	Раяты этого селенія платятъ владѣльцу натуральную повинность, какъ-то: распахиваютъ и убираютъ съ бекскихъ полей хлѣба и платятъ съ каждой пары рабочаго скота по 10 сабъ (7½ пуд.) пшеницы, по 10 сабъ ячменя (6 п. 10 ф.), а неимѣющіе скота или 1 штуку — четвертую часть вышеозначеннаго размѣра зерна.
Велякентъ	975	388,1	220,8	—	—	0,51[2])	—	—	—	—	—	Раяты отбываютъ опредѣленное число рабочихъ дней для посѣва, распашки и уборки полей и хлѣбовъ и платятъ даякъ: пшеницею, ячменемъ и чалтыкомъ отъ 1 до 5-ти сабъ, сообразно своему благосостоянію.
Уллу-Терекеме	152	38,	27,4	—	—	0,4[3])	—	—	—	—	—	
Деличобанъ	487	—	—	—	—	—[4])	191,2	147,3	—	—	0,	Раяты этихъ селеній производятъ распашку и уборку полей и за каждую пару рабочаго скота платятъ по 10 сабъ пшеницы, 10 сабъ ячме-
Падаръ	289	—	—	—	—	—[5])	188,1	80,6	—	—	0,03	

						?)	$350,_{10}$	$94,_{16}$	55	—	$0,_{02}$	Раяты отбываютъ своему беку аробную повинность, производятъ распашку и уборку бекскихъ посѣвовъ и платятъ съ каждой пары скота по 10 сабъ пшеницы, 10 сабъ ячменя, а неимѣющіе скота или только 1 штуку, вносятъ лишь $^1/_4$ вышеуказаннаго размѣра зерна.
Карабаглы	132	—	—	—	—	—	$143,_{2}$	33	—	—	$1,_{3}$	Раяты отбываютъ бекамъ натуральныя повинности въ видѣ распашки и уборки полей бека и за каждую голову рабочаго скота вносятъ 10 сабъ пшеницы, 5 сабъ ячменя и $^1/_2$ чалы саману, а неимѣющіе скота—субаи—отбываютъ поочередно у бека домашнія работы и платятъ ему $2^1/_2$ сабы ячменя.
Татляръ	342	—	—	—	—	—[7]	$122,_{2}$	54	—	—	$0,_{51}$	
Селикъ.	71	—	—	—	—	—[8]	$128,_{7}$	—	—	—	$1,_{8}$	
Ханъ-Мамедъ-Кала . . .	167	—	—	—	—	—[9]	$104,_{2}$	13	$26,_{5}$	—	$0,_{85}$	
Каякентъ	2050	—	—	—	—	—[10]	$312,_{5}$	$10,_{5}$	20	10	$0,_{17}$	Раяты отбываютъ натуральную повинность по 10 сабъ пшеницы и по 5 сабъ ячменя и, кромѣ того, обязаны убирать хлѣбъ бековъ съ полей.
Маджалисъ.	1422	$351,_{8}$	127,	—	—	$0,_{34}$[11]	—	--	—	—	—	Маджалисскіе евреи платятъ кайтагскимъ бекамъ, сверхъ госуд. земскаго сбора, съ дыма по 3 рубля, нату-

Жители слѣдующихъ селеній, кромѣ вышеуказанныхъ земель, пользуются еще землями, арендованными у частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій, въ слѣдующихъ размѣрахъ:

	Пах.	Пок.	Пастб.	Лѣс.
1) Берекей.	1100	803	—	10
2) Великентъ	400	—	—	200
3) Уллу-Терекеме. . . .	70	30	100	4
4) Деличобанъ . . .	80	—	50	10
5) Падаръ	80	—	—	—
6) Джемикентъ	300	—	—	—
7) Татляръ.	100	—	—	—
8) Селикъ	200	—	—	200
9) Ханъ-Мамедъ-Кала. .	100	44,7	—	40
10) Каякентъ	350	50	—	50
11) Маджалисъ	—	—	20	300

Селенія.	Общее число жителей обоего пола.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣльческой, находящейся въ пользованіи раятъ въ десятинахъ.					Размѣръ податей и повинностей
		Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	
												рою 1 кожу сафьяна, 1/2 пуда табаку и на одну пару поршней бычачьей кожи.
Туманляръ	222	—	—	—	—	—1)	156,1	20,4	3,2	—	0,8	Жители этихъ селеній, какъ раяты, отбываютъ своему беку аробную повинность и обязаны исполнять по требованію владѣльца полевыя и домашнія работы.
Чумлы	689	—	—	—	—	—	302	21,2	—	140	0,7	
Янгикентъ	1612	—	—	—	—	—2)	383,3	47,7	—	—	0,26	Жители, какъ раяты, вносятъ своимъ бекамъ съ каждаго двора: еврейское населеніе по 3 руб. деньгами, по 1 сафьяну и 1/2 пуда табаку, а мусульманское населеніе отбываетъ аробную повинность и исполняетъ, по требованію бековъ, и домашнія работы.
Сѣверная Табасарань:												
Фиргиль	175	—	—	—	—	—3)	203,7	16,6	—	—	1,20	Жители, какъ раяты, отбываютъ по существующему обычаю натуральныя повинности, какъ-то: даякъ пшеницею 2 сабы и ячменемъ 3 сабы.
Аракъ	322	—	—	—	—	—4)	212,4	57,9	—	—	1,84	Общество этого селенія отбываетъ своему беку натуральныя повинности—именно: даякъ пшеницею и ячменемъ по 2 сабы.
Рушуль	316	—	—	—	—	—5)	232,[illegible]	50,[illegible]	6	100	1,23	Жители, какъ раяты, отбываютъ своему владѣльцу [illegible]

[illegible]	[illegible]	—	—	—	—	—7)	108,[illegible]	[illegible] 22,1	—	—	[illegible] 0,84	[illegible], какъ раяты, отбываютъ по существующему обычаю натуральныя повинности, какъ-то: даякъ пшеницею и ячменемъ отъ 1 до 2 сабъ, въ зависимости отъ рабочаго скота; число рабочихъ дней въ лѣтнюю пору 5 и доставка дровъ 2 арбы.
Цуртиль	194	—	—	—	—	—8)	117	72,5	—	—	0,97	Отбываютъ по обычаю слѣдующія натуральныя повинности съ дыма: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ по 2 сабы, 2) рабочихъ дней лѣтомъ 7, 3) доставка дровъ 3 арбы.
Сухтухъ	261	—	—	—	—	—9)	108,6	22,1	—	—	0,5	Жители, какъ раяты, отбываютъ натуральныя повинности беку, а именно: 1) даякъ пшеницею 2 сабы, 2) число рабочихъ дней въ лѣтнюю пору 6, 3) поставка арбъ для перевозки бекскаго сѣна и зерна—2 арбы и 4) доставка дровъ—2 арбы.
Хучни	515	—	—	—	—	—10)	255,1	75,2	—	—	0,04	Жители, какъ раяты, отбываютъ своему беку натуральную повинность, какъ-то: 1) даякъ чалтыкомъ съ количества, заработаннаго на сторонѣ—1 сабу, 2) число рабочихъ дней лѣтомъ - 5, 3) для перевозки сѣна 1 арба и 4) доставка дровъ—3 арбы.

Кромѣ того, жители арендуютъ у частныхъ лицъ и бековъ, а также казны и обществъ землю, въ слѣдующ. размѣрѣ:

	Пах.	Пок.	Пастб.	Лѣс.
1) Туманляръ.	—	—	40	100
2) Янгикентъ	200	—	400	800
3) Фиргиль	0,6	0,7	20	20
4) Аракъ.	18	—	50	86
5) Рушуль.	—	0,9	11,1	18
6) Куркакъ	100,5	—	100	200
7) Вартатиль	10	1	200	320
8) Цуртиль	11,5	3,5	100	300
9) Сухтухъ	—	—	60	106
10) Хучни	2	10	80	160

Селенія.	Жителей общее число.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣльческой, находящейся въ пользованіи раятъ, въ десятинахъ.					Размѣръ податей и повинностей.
		Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	
Джугдиль	271	—	—	—	—	—1)	165	49	—	—	0,8	Жители, какъ раяты, отбываютъ натуральныя повинности: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ по 2 сабы, 2) работа на бека лѣтомъ—6 дней, 3) доставка аробъ для перевозки сѣна и зерна 2 арбы и 4) поставка дровъ—2 арбы.
Вичрикъ	122	—	—	—	—	—2)	82	35	—	—	0,96	Жители несутъ беку натуральную повинность: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ по 2 сабы, 2) работаютъ на бека въ лѣтнюю пору 9 дней и 3) доставляютъ дровъ 4 арбы.
Екрахъ	141	101,12	13,18	—	—	0,81 3)	—	—	—	—	—	Жители, какъ раяты, отбываютъ натуральныя повинности: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ по 2 сабы, 2) работа на бека въ лѣтнюю пору 6 дней и 3) доставка 5 аробъ дровъ.
Татиль	181	136,19	36	—	—	0,96 4)	—	—	—	—	—	
Зиль	315	—	—	—	—	—5)	218,11	56,12	—	—	0,8	Жители отбываютъ, по обычаю, бекамъ натуральныя повинности, какъ-то: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ по 2 сабы, 2) работа на бека лѣтомъ 6 дней; 3) доставка зерна на мельницу въ двѣ очереди, 4) доставка дровъ 5 аробъ.
Мурадъ-али-кентъ	51	—	—	—	—	—6)	70,11	14,18	6	100	3,63	Жители ихъ, какъ раяты, отбываютъ по обычаю: 1) даякъ пшеницею 2 сабы и [illegible]
Ушнюгъ	187	—	—	—	—	—7)	150,59	48,50	—	—	1,04	

											отбываютъ въ пользу бека: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ отъ 2 сабъ до 2 капановъ (1¼ п.—6 пуд.) въ зависимости отъ количества рабочаго скота, 2) работа на бека въ лѣтнюю пору—4 дня, 3) доставка дровъ 4 арбы и 4) для перевозки сѣна—1 арба.
Дарвагъ.	968	—	—	—	—	—9)	551,7	146,3	—	—	0,7	Жители селенія отбываютъ по обычаю слѣдующія повинности: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ отъ 1 до 2 сабъ, въ зависимости отъ числа рабочаго скота, 2) работа на бека лѣтомъ 5 дней, 3) доставка бекскаго сѣна, а также зерна на мельницу—3 очереди, 4) доставка въ Дербентѣ дровъ для бека—3 арбы.
Аркитъ.	404	—	—	—	—	—10)	332,1	61,6	—	—	0,97	Жители, состоя раятами, отбываютъ беку: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ по 2 сабы, 2) работаютъ лѣтомъ на бека—6 дней, 3) доставляютъ дровъ 4 арбы и 4) для перевозки сѣна и зерна 3 арбы.
Рукель.	1203	—	—	—	—	—11)	377,2	190	—	—	0,47	Жители, какъ раяты, отбываютъ беку натуральныя повинности—мусульмане: 1)

Кромѣ означенныхъ земель, жители арендуютъ у частныхъ лицъ, разныхъ общ. и казны. слѣд. количество земли:

	Пах.	Пок.	Пастб.	Лѣс.		Пах.	Пок.	Пастб.	Лѣс.
1) Джугдиль	12	—	70	100	7) Ушнюгъ	10	2	30	300
2) Вичрикъ.	—	—	100	505	8) Кемахъ	—	—	500	900
3) Екрахъ	7,0	1,20	50,0	300	9) Дарвагъ	10	—	800	1500
4) Татиль	41	2	—	154	10) Аркитъ	7	1,5	80	180
5) Зиль.	9,1	5,9	300	60	11) Рукель	30	—	300	1500
6) Мурадъ-али-кентъ .	—	—	5	11,4					

Селенія.	Общее число жителей обоего пола.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣльческой, находящейся въ пользованіи раятъ, въ десятинахъ.					Размѣръ податей и повинностей.
		Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	
Гемейды.	834	—	—	—	—	—[1]	385,2	153,1	—	—	0,65	даякъ пшеницею и ячменемъ отъ 2 сабъ до 2 капановъ, въ зависимости отъ количества рабочаго скота, 2) рабочихъ дней лѣтомъ—8; 3) для доставки дровъ—4 арбы и 4) доставка бекскаго сѣна 2 арбы, а евреи—раяты платятъ 1 рубль деньгами, и даютъ бекамъ 1 пудъ табаку, 1 сафьяновую кожу, и кожи на 1 пару поршней.
Бильгади	245	—	—	—	—	—[2]	99,1	26,3	—	—	0,51	Раяты мусульмане этого селенія отбываютъ беку слѣдующія натуральныя повинности: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ отъ 4 сабъ до 2 капановъ, въ зависимости отъ количества скота, 2) работаютъ на бека лѣтомъ—9 дней, 3) выставляютъ для перевозки бекскаго сѣна и зерна 2 арбы и 4) доставляютъ дровъ 4 арбы; евреи—раяты вносятъ по 1 руб. деньгами и, кромѣ того, табакомъ 1 пудъ, сафьяномъ 1 кожу и на пару поршней бычачьей кожи.
Задіанъ.	532	—	—	—	—	—[3]	264,2	116,2	—	—	0,71	Жители, какъ раяты, отбываютъ бекамъ натуральныя повинности, какъ то: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ отъ 4 сабъ до 2 капановъ, [illegible]

[illegible]	781	—	—	—	—	—[4])	609,11	260,12	—	—	1,11	4 арбы. Жители, какъ раяты, отбываютъ бекамъ натуральныя повинности, какъ-то: 1) даякъ пшеницею и ячменемъ отъ 1 до 2 капановъ, 2) число рабочихъ дней въ лѣтнюю пору - 15; 3) для доставки дровъ требуется 5 арбъ и 4) перевозки сѣна и зерна 2 арбы.
Марага	1812	—	—	—	—	—[5])	1434,9	283,1	—	—	0,99	Жители, какъ раяты, несутъ въ пользу бековъ: 1) даякъ пшеницею отъ 1 до 2 капановъ, въ зависимости отъ количества рабочаго скота; 2) чалтыкомъ—сорочинскимъ пшеномъ - отъ 1 сабы до 2 капановъ; 3) число рабочихъ дней въ лѣтнюю пору 7; 4) доставка дровъ 4 арбы и 5) перевозка сѣна и зерна 2 арбы.
Мугатырь	953	—	—	—	—	—[6])	602,7	114,4	—	—	0,75	Жители-мусульмане, какъ раяты, отбываютъ своему беку по обычаю: 1) даякъ пшеницею - 2 капана, 2) чалтыкомъ 1 сабу, 3) число рабочихъ дней на бека лѣтомъ 11, 4) доставка дровъ 5 арбъ и 5) перевозка бекскаго сѣна и зерна 4 арбы. Евреи-раяты платятъ деньгами по 1 руб. съ дыма и несутъ натуральныя повинности—табакомъ 1 пудъ, 1 кожа сафьяна и бы-

Кромѣ того жители арендуютъ у частныхъ лицъ и обществъ земли:

	Пах.	Пок.	Пастб.	Лѣс
1) Гемейды	7,3	—	500	—
2) Бильгади	1	—	600	220
3) Задіанъ	300	—	600	—
5) Митаги	1,8	0,8	—	—
6) Марага	13	—	8000	8000

4) Сел. Мугатырь арендуетъ землю у частныхъ лицъ въ количествѣ 4,4 десятинъ пахатной земли.

Селенія.	Общее число жителей обоего пола	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣльческой, находящейся въ пользованіи раятъ въ десятинахъ.					Размѣръ податей и повинностей.
		Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	
												чачьей кожи на 1 пару поршней.
Южная Табасарань, Кюринск. округъ [1]):												
Дашлукентъ	105	—	—	25	25	0,47	79,2	—	—	—	0,75	Жители этихъ деревень, какъ раяты, платятъ бекамъ 1) душалыкъ по 1 сабу пшеницею и 1 сабу ячменя въ годъ съ каждаго дыма, 2) пошлину съ покупателей по 10 коп. съ копана (3 пуда) за орѣхи; 3) рабочихъ дней въ лѣтнюю пору—14, 4) для перевозки сѣна и зерна 4 арбы, 5) доставка дровъ и хворосту—2 арбы, 6) 1% со стадъ барановъ; 7) постой лицъ, пріѣзжающихъ къ бекамъ; 8) евреи-жители сел. Карчагъ несутъ тѣ же повинности, но работаютъ однимъ днемъ болѣе т.-е. 15 дней въ лѣтнюю пору.
Хюлюгъ	127	—	—	—	—	—	104	—	500	—	4,27	
Чихтигъ	99	—	—	25	15	0,44	65,9	—	—	—	0,[illegible]7	
Карчагъ	761	—	—	350	250	0,[illegible]8	413,4	—	—	—	0,54	
Зизикъ	494	—	—	125	37,5	0,39	253,2	—	—	—	0,51	
Экендилъ	181	—	—	100	—	0,5[illegible]	200,7	—	—	—	1,11	
Куркентъ	896	75	—	175	—	0,27	492	—	—	—	0,5[illegible]	
Нютюгъ	671	—	—	175	50	0,12	302,2	—	—	—	0,55	
Чилихаръ	353	—	—	150	25	0,5	204,2	—	—	—	0,56	
Кюра [2]) (Кюрин. окр.):												
Барбаркентъ	16	—	—	2,5	28	1,19	16,12	—	—	—	1,10	Жители этихъ селеній, какъ раяты, отбываютъ своимъ бекамъ: 1) душалыкъ 1 руба (1½ п.) пшеницы и 1
Бюльбюль	472	75	—	—	1,7	0,16	138,12	—	—	—	0,33	
Газаркентъ	84	—	—	—	65	0,18	58	—	—	—	0,17	

												4) доставка дровъ 1 арба съ дыма, 5) доставка коровьяго масла $1\frac{1}{2}$ фунта, кто имѣетъ корову, 6) 1% со стада барановъ, 7) доставка меду $\frac{3}{4}$ фунта, кто имѣетъ пчелъ, 8) обработка для бека чалтыка за слѣдующую плату: съ бела ($\frac{2}{3}$ десятины) 2 руб. деньгами, 1 барана и 1 рубу пшеницы—цѣлому селенію.
Аликентъ	6[illegible]3	—	—	50	$33_{,2}$	$0_{,33}$	$257_{,[illegible]}$	—	—	—	$0_{,41}$	Жители, какъ раяты, платятъ бекамъ по обычаю: 1) дигеръ по 1 рубѣ пшеницы и 1 рубѣ ячменя. Если кто сѣетъ на низменности—даетъ 3 рубы посѣяннаго; 2) работа на бека лѣтомъ—9 дней, 3) доставка хлѣба по 1 арбѣ съ дыма, 4) доставка дровъ 1 арба, 5) 1% съ сотни барановъ, 6) кто имѣетъ скотъ, даетъ 1 истилъ ($\frac{3}{4}$ ф.) масла, 7) кто имѣетъ пчелъ платитъ съ улья 1 истилъ, ($\frac{3}{4}$ ф.) меду, 8) обязательный посѣвъ для бека 2 белъ чалтыку съ платой селенію за белъ 1 барана, 1 рубу пшеницы и 2 руб. деньгами.
Целягюнъ	587	—	—	100	125	$0_{,38}$	$333_{,2}$	—	—	—	$0_{,56}$	Жители этихъ селеній, какъ раяты: 1) работаютъ на бека въ лѣтнюю пору—9 дней, 2) даютъ на хармомъ (гумно) - 1 лошадь съ дыма, 3) для перевозки зерна 1 арбу, 4) доставка дровъ 1 арба,
Койсунъ	588	225	—	75	50	$0_{,6}$	$245_{,2}$	—	—	—	$0_{,47}$	
Магерамкентъ	312	50	—	—	$87_{,5}$	$0_{,44}$	324	—	—	—	$1_{,04}$	

[1]) Свѣдѣнія о повинностяхъ въ Южной Табасарани собраны мною лично на мѣстѣ въ 1897 г.
[2]) Свѣдѣнія о повинностяхъ Кюринскаго округа собраны мною на мѣстѣ въ 1896—1897 гг.

Селенія.	Общее число жителей обоего пола.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли владѣльческой, находящейся въ пользованіи раятъ въ десятинахъ.					Размѣръ податей и повинностей.
		Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	
Зограбкентъ	452	75	—	30	100,5	0,45	475,2	—	—	—	1,05	5) 1% съ сотни барановъ, 6) кто имѣетъ скотъ, даетъ 1 истилъ масла, 7) дагьекъ, который вносится въ этихъ селеніяхъ деньгами: — 4 р. 50 коп. съ дыма, пшеницею на 4 рубля и ячменемъ на 2 р. 25 коп. съ сел. Целягюнъ; деньгами 3 руб., пшеницею на 3 руб. и ячменемъ 1 р. 50 к. съ дыма — въ сел. Койсупъ, и 4½ руба пшеницы и 4½ руба ячменя съ каждой пары рабочаго скота въ сел. Магерамкентъ. Жители этихъ селеній, какъ раяты, платятъ бекамъ: 1) дагьекъ по 1 рубу пшеницы, 1 рубу ячменя и съ того, кто сѣетъ на низменности — 3 рубы посѣяннаго, 2) рабочихъ дней въ лѣтнюю пору — 9, 3) для перевозки зерна 1 арбу, 4) доставка дровъ 1 арба, 5) 1% съ сотни барановъ, 6) у кого есть корова, 2 истила (1½ ф.) масла, 7) у кого есть пчелы — съ улья 1 истилъ меду, 8) обязательная обработка для бека 2 белъ чалтыку съ платой селенію за белъ — 2 р. деньгами, 1 рубъ пшеницы [illegible]
Бубкентъ	305	100	—	1,7	101	0,67	167	—	—	—	0,54	
Хутунъ	203	75	—	2,5	78,2	0,76	172,2	—	—	—	0,84	
Испикъ	485	—	—	—	200	0,41	334	—	—	—	0,7	
Махмудкентъ	413	150	—	22,5	45	0,52	272,2	—	—	—	0,66	

Координируя все сказанное въ этой главѣ о податяхъ и повинностяхъ, отбываемыхъ въ настоящее время раятами Дагестана, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Наибольшее число раятъ выпадаетъ на долю прикаспійской части Дагестана и, главнымъ образомъ, южной ея части, гдѣ наиболѣе долго дѣйствовали туземныя управленія, поддерживаемыя русскою властью, при полномъ невмѣшательствѣ послѣдней во внутреннія дѣла владѣній.

2) По племенному составу наибольшее количество раятъ приходится на мирныя, трудолюбивыя племена, каковы, напр., татары, таты, табасаранцы, евреи и проч.

3) Подати и повинности, отбываемыя раятами, во всемъ почти Дагестанѣ носятъ натуральный характеръ и заключаются: первыя—въ произведеніяхъ земли (пшеница, чалтыкъ, ячмень и пр.) и продуктахъ скотоводства, пчеловодства и проч., а вторыя—въ работѣ личной, отъ 2 до 15 и болѣе дней, и доставкѣ лошадей, арбъ и проч.

4) Подати, вносимыя бекамъ, везде въ Дагестанѣ болѣе или менѣе опредѣленны, но того нельзя сказать о повинностяхъ, которыя во многихъ мѣстахъ носятъ неопредѣленный характеръ, не будучи выражены извѣстнымъ количествомъ дней, какъ, напр., во всемъ Терекемейскомъ участкѣ Нижняго Кайтага, гдѣ раятамъ предписывается прямо—уборка и обработка полей бека.

5) Подати и повинности исполняются раятами въ однихъ мѣстахъ Дагестана вмѣсто государственнаго подымнаго сбора, но съ увеличеніемъ взамѣнъ того земскаго (Кайтагъ, Табасаранъ), въ другихъ вмѣсто послѣдняго (Тарковское владѣніе, Мехтула) а въ третьихъ, наконецъ, рядомъ съ тѣмъ и другимъ.

6) Размѣры податей и повинностей, вносимыхъ въ пользу бековъ, не одинаковы и, при переложеніи на деньги, по нашему вычисленію, колеблются между 3 и 33 рублями.

7) Размѣры податей и повинностей, завися отъ различныхъ причинъ, какъ-то: характера населенія, удаленности деревни отъ русскаго населеннаго пункта, силы и могущества бека и т. п., какъ это видно изъ сравненія величины податей и повинностей и количества земли на 1 человѣка, не зависятъ отъ величины надѣловъ бекской земли.

8) Являясь отголоскомъ прежнихъ налоговъ и ханскихъ по-

винностей, подати и повинности взимаются беками съ раятъ не за пользованіе землею ихъ, а просто за принадлежность къ данному сельскому обществу, что подтверждается фактомъ платежа повинностей жителями сел. Екрахъ, Татиль и другими, гдѣ въ пользованіи сельчанъ нѣтъ бекской земли, а также обязательствомъ платить бекамъ извѣстное количество съ посѣяннаго на чужой землѣ (напр., селенія Кюры) или заработаннаго на сторонѣ (сел. Хучни въ Табасарани и нѣкоторыя селенія Кайтага).

Изъ сказаннаго видно, что для раятъ Дагестана великая реформа 1861 г. не принесла ничего новаго. Все здѣсь осталось попрежнему, не исключая даже права продажи раятъ. Отчуждая землю, на которой живутъ раяты, бекъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, продаетъ и права на сборъ податей и личный трудъ сидящихъ на ней раятъ. Для пріобрѣтенія земли и владѣнія раятами въ настоящее время нѣтъ даже надобности принадлежать къ бекскому сословію: достаточно однѣхъ денегъ,—почему даже самъ раятъ можетъ сдѣлаться господиномъ своихъ бывшихъ собратій.

Покончивъ съ описаніемъ быта владѣльческихъ раятъ, мы переходимъ теперь къ другому, не менѣе интересному предмету, именно—къ изображенію раятскихъ отношеній между русскимъ правительствомъ и раятами, поселенными на земляхъ, признанныхъ казенными.

Своимъ происхожденіемъ отношенія эти обязаны тому, что русская власть, упраздняя прежнія туземныя административныя единицы, исходила не изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ, а именно: уничтожая болѣе крупныя туземныя единицы, какъ, напр., ханства, она придерживалась по отношенію къ нимъ принципа государственнаго суверенитета, между тѣмъ какъ въ своихъ отношеніяхъ къ мелкимъ, какъ, напр., владѣнія бековъ и т п. (напр., владѣніе Заалъ-бека), она держалась частно-правового взгляда. Благодаря этому разногласію, въ первомъ случаѣ русская власть, считая территорію ханства верховной собственностью государства, признавала землю частною собственностью тѣхъ обществъ крестьянъ, которыя пользовались ею споконъ вѣковъ, и регулировала только взаимныя отношенія между государствомъ и жителями, вытекавшія изъ обязанностей подданства;—во второмъ же случаѣ, упраздняя владѣніе бека, надѣленнаго ханомъ административною властью надъ тою или другою деревнею, она считала землю, ко-

торой владѣли жители, за частную собственность бека и сообразно съ этимъ дѣйствовала.

Того же частно-правового взгляда русская власть держалась и по отношенію къ ханскимъ, такъ сказать, доменамъ, разсматривая ихъ за частую собственность хана, что было совершенно неправильно.

Немудрено, что при такой несистематичности и невыдержанности взгляда русская власть постоянно ошибалась то въ ту, то въ другую сторону и, уповая на то, что все со временемъ выяснится, признавала собственностью казны тѣ земли, которыя никогда не принадлежали ни ханамъ, ни бекамъ.

Какъ произвольно поступала русская власть,—это можно видѣть, во-первыхъ, изъ исторіи Улусскаго магала, а во-вторыхъ— изъ одного примѣра, бывшаго у насъ на глазахъ въ 1889 г.

Улусскій магалъ споконъ вѣковъ входилъ въ составъ Дербентскаго ханства и подчинялся правителямъ послѣдняго. Въ началѣ XIX ст., за измѣну Шихъ-алихана, Дербентское ханство было уничтожено, послѣ чего Улусскій магалъ поступилъ въ русское управленіе. Послѣднее продолжалось до 1806 г., когда Улусскій магалъ, или, вѣрнѣе, доходы съ него были отданы Мехти-Шамхалу Тарковскому въ вознагражденіе услугъ, имъ лично оказанныхъ. Послѣ смерти Мехти онъ отобранъ правительствомъ не былъ (почему—это мы видѣли раньше), и на этомъ основаніи попалъ въ число родовыхъ земель Шамхаловъ. Послѣ прекращенія прямой линіи Тарковскаго дома Улусскій магалъ, въ 1883 г., поступилъ снова въ распоряженіе русскаго правительства. Отсюда ясно, что русская власть должна бы имѣть на землю Улусскаго магала право только верховной собственности, какое принадлежало Дербентскимъ правителямъ, но на дѣлѣ вышло не то,—и Улусскій магалъ сталъ собственностью казны, а жители, владѣвшіе съ незапамятныхъ временъ его землями, какъ общественною собственностью, стали, если можно такъ выразиться, государственными раятами.

Второй примѣръ таковъ.

Рѣшившись привести въ извѣстность земли, принадлежавшія послѣднему Кюринскому хану на ханскихъ правахъ — надо замѣтить, что таковыхъ земель въ Кюринскомъ ханствѣ не могло существовать уже потому, что самое ханство возникло только въ 1812 году — Министерство государственныхъ имуществъ въ 1889 году признало своею собственностью, несмотря на всѣ про-

тесты жителей, лѣсную дачу подъ именемъ Илликъ, споконъ вѣковъ принадлежавшую жителямъ деревень Келе, Чиликъ, Цицигъ, Икра и Штулъ [1]).

[1]) Чтобъ познакомить читателя болѣе подробно, какъ совершилась эта любопытная передача чужой земли въ руки Министерства Госуд. имуществъ, мы считаемъ нужнымъ привести передаточный актъ, совершенно случайно попавшій въ наши руки: „Іюня 25 дня 1889 г. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 14 іюня 1888 г. и инструкціи Его Сіятельства Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ отъ 8 января 1889 г., препровожденной при предписаніи Военнаго губернатора Дагестанской области отъ 9 марта 1889 г. за № 3124, мы, нижеподписавшіеся, помощникъ начальника Кюринскаго округа, N N, и лѣсной ревизоръ управленія государственными имуществами Бакинской губерніи и Дагестанской области, NN, прибыли въ мѣстность подъ названіемъ „Маканъ - Тамъ", при чемъ первый изъ нихъ передалъ, а второй принялъ казенную лѣсную дачу подъ тѣмъ же названіемъ (она же Илликъ), расположенную въ Кутуръ-Кюринскомъ наибствѣ Кюринскаго округа, Дагестанской области, за неимѣніемъ плана, въ слѣдующихъ границахъ: съ юга и запада пастбищная гора „Яраръ-Дагъ", съ сѣвера рѣчка Кумарвацъ, въ которую впадаютъ Сентеръ-вацъ и Маканъ-вацъ и которая, по сліяніи съ послѣдними двумя, получаетъ наименованіе Маканъ-вацъ. Сѣверная граница по этой рѣчкѣ доходитъ до моста, называемаго Муса-Керпи и находящагося у сел. Рухунъ. Съ востока граница начинается у названнаго моста (Муса-Керпи) и проходитъ по прямой линіи до бугра, подъ названіемъ Михмуданъ-Никинъ-Кунтъ, гдѣ поставленъ курганъ; отсюда граница идетъ по прямой линіи до начала хребта, называемаго Аивенъ-Ягунъ-Сыртъ, гдѣ также поставленъ курганъ, отъ котораго она проходитъ по этому хребту вплоть до слѣдующаго кургана, поставленнаго на возвышенности, находящейся подъ лѣсистымъ ущеліемъ, подъ названіемъ Хазара-Камъ; отъ послѣдняго кургана восточная граница тянется хребтомъ, огибающимъ какъ названное, такъ и остальныя ущелія, до соединенія съ пастбищною горою Ярагъ-дагъ. Лѣсные участки, составляющіе эту дачу, расположены главнымъ образомъ, въ слѣдующихъ ущеліяхъ: Гартула-Камъ, Ирганъ-Камъ, Пелеръ-Камъ, Дарквади-Камъ, Хулинъ-Камъ, Цикуни-Камъ, Яранъ-Камъ, Ухвортилъ-Камъ, Маканъ-Камъ, Хазари-Камъ, Шахнамазъ-вкаенъ-Камъ, Кунакъ-Камъ, Тонхъ-Камъ и Лама-Камъ. Въ поименованныхъ ущеліяхъ лѣсонасажденія находятся большею частью въ хорошемъ состояніи, такъ что мѣстами встрѣчается строевой лѣсъ крупныхъ размѣровъ, но, по мѣрѣ приближенія къ селеніямъ, состояніе дачи замѣтно ухудшается: строевой лѣсъ замѣняется дровянымъ или же кустарнымъ, и кромѣ того встрѣчается въ большемъ количествѣ порубка прежнихъ временъ. Въ дачѣ произрастаютъ слѣдующія породы: букъ, дубъ, грабъ, береза, липа, ясень и много другихъ, въ возрастѣ 30—50—60—80—100 лѣтъ, но преобладаютъ букъ и дубъ, занимающіе приблизительно 1/6 всей лѣсной площади и встрѣчаются мѣстами чистымъ насажденіемъ. Въ границахъ этой дачи расположено множество полянъ, образовавшихся отъ расчистокъ лѣса и занятыхъ пахотою и сѣнокосами, принадлежащими жителямъ разныхъ деревень и преиму-

Такой способъ дѣйствія привелъ къ тому, что большія пространства земли, всегда бывшія въ общественномъ владѣніи поселянъ Дагестана, перешли въ собственность казны, а жители, на нихъ живущіе, изъ вольныхъ узденей, подданныхъ хана, стали раятами казны.

Такихъ селеній, жители которыхъ состоятъ въ раятскихъ отношеніяхъ къ казнѣ, въ настоящее время въ Дагестанѣ имѣется 25 съ 13610 жителями об. пола.

По округамъ они распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Округа.	Число селеній.	Число жителей
Казикумухскій	9	7531
Кайтаго-Табасаранскій	8	4000
Кюринскій	9	2079

Одни изъ этихъ селеній рядомъ съ государственнымъ подымнымъ или усиленнымъ земскимъ сборами несутъ, въ качествѣ раятскихъ, особую денежную повинность, другія—платятъ натуральными произведеніями, наконецъ третьи—помимо вышеназваннаго, еще и работой.

Что касается самихъ сборовъ и повинностей, исполняемыхъ жителями, то они по своему характеру весьма разнообразны и потому могутъ быть перечислены только по каждому селенію въ отдѣльности.

щественно слѣдующихъ селеній, расположенныхъ въ самой дачѣ, а именно: Келе, Чиликъ, и Цицигъ; эти поляны въ общей сложности занимаютъ приблизительно $1/_5$ общей лѣсной площади. Кромѣ того на этихъ поляхъ произрастаетъ большое количество фруктовыхъ деревьевъ (въ томъ числѣ и грецкій орѣхъ), принадлежащихъ жителямъ названныхъ трехъ селеній, которые вмѣстѣ съ тѣмъ заявили, что они всегда пользовались изъ этой дачи разными лѣсными матеріалами безплатно. Независимо отъ этого вышепоименованныя три общества добавили—Келинское: лѣсные участки—Яранъ-Ягъ и Кукулука-Ягъ—ихъ собственные, изъ нихъ послѣдній участокъ находится въ совмѣстномъ пользованіи съ обществомъ сел. Чиликъ; Чиликское общество: лѣсные участки Куланъ-Рукалъ-Ланди (онъ же Веграль-Ланди), Велико-Ягъ и Доркуцъ-Ягъ—ихъ собственные, изъ которыхъ послѣдніе два находятся въ совмѣстномъ пользованіи сел. Цицигъ и Чиликъ, и общество селенія Цицигъ: лѣсные участки Сарта-Багюке, Ягатыри-Яна, Салмана-Викинъ-Кекъ и Чехіе составляютъ ихъ собственность. На лѣсъ, произрастающій въ ущеліяхъ: Хазари-Камъ и Шахмамазъ-Викинъ-Камъ общество селенія Икра Кюринскаго округа заявило споръ о правѣ собственности. Равнымъ образомъ и жители селенія Штулъ того же округа заявили такой же споръ на лѣсъ, произрастающій въ ущеліяхъ: Кувакъ-Камъ, Шгиль-Камъ и Лама-Камъ.

Селенія.	Общее число жителей обоего пола.	Земли общественной въ десятинахъ.					Земли казенной, находящейся во владѣніи жителей, въ десятинахъ.					Размѣръ податей и повинностей.
		Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	
Казикумухское 1):												
Вачи	827	94	89,5	92,4	2,5	0,34	—	—	—	—	—	Нѣкоторые изъ жителей села Вачи получили отъ хановъ земельный надѣлъ, за что отбывали имъ тамагъ, всего 64 р. Аренда эта, съ переходомъ ханскихъ земель въ казну, вносится ими ежегодно въ казну, въ государственный доходъ.
Гоміахъ	411	53,3	45,2	598	—	1,6	—	—	—	—	—	Жители сел Гоміахъ, за полученіемъ отъ хановъ земельнаго надѣла, отбывали сперва ханамъ, а теперь, съ переходомъ ханскихъ земель въ казну—въ государственный доходъ тамагъ въ 30 р.
Сумбатъ	731	99	41	367	3	0,7	—	—	—	—	—	Нѣкоторые изъ жителей этихъ селеній получили отъ хановъ земельный надѣлъ и платили имъ тамагъ. Съ переходомъ ханскихъ земель въ казну, жители вносятъ тамагъ въ государственный доходъ: сел. Сумбатъ 68 р., Сухи 4 руб., Хурхи 76 руб., Цища—38 руб. и Хосрекъ 100 руб.
Сухи	308	35	18	476	—	1,7	—	—	—	—	—	
Хурхи	678	118,5	136,3	266	—	0,77	—	—	—	—	—	
Цища	564	87,5	63	168,6	—	0,56	—	—	—	—	—	
Хосрекъ	1733	173	120	1817	1	1,22	—	—	—	—	—	

Тухчаръ	293	26,5	20	236,5	—	0,97	—	—	—	—	—	Нѣкоторые изъ жителей сел. Тухчаръ за полученный отъ хановъ земельный надѣлъ отбывали сначала имъ, а теперь, съ переходомъ ханскихъ земель въ казну, въ госуд. доходъ отбываютъ тамагъ черезъ годъ по 42 и 57 руб. Въ 1898 г. ими было внесено 57 руб.
Нижній Кайтагъ:												
Великентъ.	975	388,1	220,8	—	—	0,62 [2])	—	—	—	—	—	Жители этого селенія, какъ раяты, платятъ казнѣ натуральными произведеніями земли, а именно: пшеницы 548 сабъ, ячменя 548 сабъ и чалтыку 50 сабъ.
Уллу-Терекеме	152	38,9	27,4	—	—	0,43 [3])	—	—	—	—	—	Жители, какъ раяты, платятъ казнѣ натурою съ произрастаній земли, а именно: пшеницы 141 сабу, ячменя 141 сабу и сорочинской крупы—20 сабъ.
Берекей.	850	964,3	80,8	30	5,4	1,3 [4])	—	—	—	—	—	Жители, какъ раяты, платятъ казнѣ натуральными произведеніями, именно: пшеницею 646 сабъ, ячменемъ 646 сабъ и чалтыкомъ 40 сабъ.

[1]) Дагестанская область. Сводъ статистич. данныхъ, извлеченныхъ изъ посемейныхъ списковъ населенія Закавказья. Изд. Закавказс. стат. комитета, стр. 157 и 159.

Кромѣ того, жители Кайтага и Табасарани арендуютъ у частныхъ лицъ и обществъ земли.

	Пах.	Пок.	Пастб.	Лѣс.
[1]) Великентъ.	400	—	—	200
[2]) Уллу-Терекеме.	70	30	100	4
[3]) Берекей.	1100	803,3	—	10

Селенія.	Общее число жителей обоего пола.	Земли общественной въ десятинахъ					Земли казенной, находящейся во владѣніи жителей, въ десятинахъ.					Размѣръ податей и повинностей.
		Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	Пахатной.	Покосной.	Пастбищъ.	Лѣса.	На 1 жител.	
Сѣверная Табасарань:												
Ереси.	750	462,1	119,3	—	—	0,9[4])	—		—	—	—	Селенія эти взяты въ казну отъ Заалъ бека и обложены, кромѣ усилен. земскаго, еще особымъ сборомъ за произведенія земли: Ереси—162 р., Нитюгъ 49 р., Хили енджикъ 51 руб. въ годъ.
Нитюгъ.	372	184	15,7	—	—	0,7[5])	—		—	—	—	
Хилипенджикъ.	180	138,8	27,6	—	—	0,9[6])	—		—	—	—	
Цнакъ.	470	294,5	53,1	—	—	0,74[7])	—		—	—	—	Селенія эти обложены, кромѣ усиленнаго земскаго сбора, еще особымъ сборомъ за произведенія земли: Цнакъ—90 р. и Меджа—43 р. за годъ.
Меджа.	261	111,9	14	—	—	0,47[8])	—		—	—	—	
Улусскій магалъ:												
Джалганъ.	272	—	—	—	—	—	202,4		250	50	1,9	Жители с. Джалганъ, какъ раяты, вносятъ казнѣ, какъ раньше Шамхалу: 1) $1/_{10}$ урожая всякаго хлѣба и 2) 60 руб. съ цѣлой деревни, вмѣсто исполненія натуральныхъ повинностей.
Азадъ оглы.	42	—		—	—	—	261,[illegible]		—	375	15,10	Жители этихъ деревень, какъ раяты, вносятъ казнѣ, [illegible]
[illegible]	145	—	—	[illegible]	—	—	757,[illegible]		—	—	5,24	
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	1993,[illegible]		[illegible]	500	3,[illegible]	
							640,[illegible]		[illegible]	50	[illegible]	

[illegible] которое малое количество земли запахиваетъ раять — отъ 1 капана пшеницы и 1 капана ячменя до 5 капановъ пшеницы и 5 капан. ячменя, 3) за освобожденіе отъ посѣва чалтыка въ пользу владѣльца по $1^1/_2$ руб. съ дыма, 4) вмѣсто уборки полей владѣльца, нынѣ казны, и вмѣсто дачи подводъ для перевозки хлѣба—по $1^1/_2$ руб. съ дыма, 5) безплатное отбываніе обязанностей—пукеровъ всадниковъ при русскомъ приставѣ, въ количествѣ 30 человѣкъ въ мѣсяцъ, и караульщиковъ при немъ же изъ жителей, не имѣющихъ скота,—2 человѣка въ недѣлю [1]).

	Пах.	Пок.	Пастб.	Лѣс.
1) Ерси	73,8	5,5	1500	1500
2) Нитюгъ	15	0,1	800	400
3) Хилипенджикъ	1,5	0,4	800	400
4) Цпакъ	10	1,3	10	150
5) Меджа	10	—	80	290

6) Собираемый зерновой хлѣбъ, въ качествѣ подати, поступаетъ въ распоряженіе начальства Кюринскаго округа и продается послѣднимъ съ публичнаго торга въ пользу казны, какъ напр., въ 1895 г. весь хлѣбъ былъ оцѣненъ въ 371 р. 75 к.

7) Приведенными въ этой таблицѣ пастбищами и лѣсомъ жители не пользуются съ переходомъ послѣднихъ въ Министерство государственныхъ имуществъ.

Изъ приведеннаго обозрѣнія сборовъ и повинностей, исполняемыхъ въ пользу казны раятами Дагестанской области, видно, что ни по количеству (отъ 2—30 р.), ни по качеству они ничѣмъ не отличаются отъ частно-владѣльческихъ поборовъ, о которыхъ сказано раньше. Какъ тѣ, такъ и другія одинаково несовременны, несправедливы и ложатся тяжелымъ бременемъ на подлежащее имъ населеніе.

Но особенно тяжело положеніе казенныхъ раятъ Улусскаго магала. Экономическое состояніе послѣднихъ, судя по оффиціальнымъ даннымъ, ухудшается съ каждымъ годомъ, причиною чего являются,—какъ свидѣтельствуютъ единогласно тѣ же данныя,—непосильныя подати и повинности, частая доставка подводъ для надобностей русскаго правительства и особенно притѣсненія со стороны лѣсного вѣдомства, которое, получивъ въ свое распоряженіе земли Улусскаго магала, превратило ихъ въ оброчные платежи и не позволяетъ пользоваться жителямъ принадлежащими имъ споконъ вѣковъ пастбищами и лѣсами. Послѣднее сдѣлало жизнь раятъ Улусскаго магала нестерпимой, и жители съ добрымъ чувствомъ вспоминаютъ времена Дербентскихъ хановъ и Шамхановъ Тарковскихъ, когда царствовалъ полный произволъ въ администраціи, но за то можно было свободно жить и пользоваться угодьями.

Глава III.

Попытка разрѣшенія раятскаго вопроса.

Представленный нами очеркъ раятской зависимости и тягостнаго быта крестьянъ въ Дагестанѣ показываетъ всю ненормальность положенія раятъ. Раятскій вопросъ требуетъ немедленнаго рѣшенія и долженъ быть поставленъ какъ можно болѣе рѣшительно. Невозможно въ угоду одному сословію бековъ приносить интересы всѣхъ остальныхъ... Раньше или позже—реформа должна быть произведена: и для владѣльцевъ, и для раятъ было бы лучше, если бы она была произведена въ настоящее время... Какъ тѣ, такъ и другіе въ настоящее время одинаково стоятъ за уничтоженіе раятской зависимости. Постоянные раздоры и споры надоѣли тѣмъ и другимъ. Мѣстная администрація и Народный Дагестанскій Судъ завалены дѣлами и своею властью ни-

чего не могутъ подѣлать. Всѣ ихъ мѣры палліативны и, распространяясь на единичные случаи, не предупреждаютъ возникновенія новыхъ недоразумѣній. Очевидно, что юстиція и администрація не могутъ развязать этого гордіева узла. Сила, которая его можетъ разрубить—законодательная власть. И сдѣлать это (про государственныхъ раятъ мы не говоримъ: это недоразумѣніе, объяснимое легко административной спячкой) вовсе не такъ трудно.

Намъ кажется, что общій вопросъ о прекращеніи ненормальныхъ отношеній раятъ къ владѣльцамъ распадается на два болѣе частныхъ вопроса: 1) на вопросъ о нормированіи поземельныхъ отношеній населенія къ владѣльцамъ и 2) вопросъ о разнаго рода сборахъ, собираемыхъ владѣльцами въ свою пользу.

Первый вопросъ не представляетъ особенныхъ затрудненій, такъ какъ даже по позднѣйшимъ оффиціальнымъ даннымъ [1]) земля, за которую владѣльцы получаютъ сборы и повинности, признается собственностью казны. Въ виду этого, по нашему крайнему разумѣнію, правительство для опредѣленія поземельныхъ отношеній должно прежде всего провѣрить документы, на основаніи которыхъ беки заявляютъ права собственности на земли раятъ. Только тѣ земли, на которыя будутъ существовать данныя русскаго правительства или подлинные фирманы персидскихъ шаховъ, должны быть признаны русскимъ правительствомъ собственностью бековъ, всѣ же остальныя должны разсматриваться какъ общественная собственность живущаго на нихъ раятскаго населенія.

Но и относительно первыхъ вопросъ этимъ не можетъ быть исчерпанъ. Отношенія жителей къ этимъ землямъ должны быть выяснены. По нашему мнѣнію, это можетъ быть сдѣлано двумя способами: или посредствомъ изданія закона о вѣчной арендѣ, или путемъ выкупа раятскихъ земель этой категоріи въ собственность раятъ. Первый изъ этихъ способовъ не искореняетъ совершенно зла; вѣчная рента, какъ особый видъ неполной собственности,

---

[1]) Акты, т. XII ч. 1 стр. 667. Въ „запискѣ о поземельныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и поселянъ, на ихъ землѣ живущихъ, въ разныхъ частяхъ Закавказскаго края. I. О поземельныхъ отношеніяхъ хановъ, бековъ, меликовъ, агаларовъ и поселянъ, живущихъ въ Тифлисской и Бакинской губерніяхъ и южномъ Дагестанѣ“ читаемъ: „ханы и беки составляютъ высшее сословіе, но земля признается собственностью казны, хотя они получаютъ доходы съ нея за исполненіе полицейскихъ обязанностей“.

чужда нашему законодательству и въ экономическомъ отношеніи представила бы такія же невыгоды, какъ и настоящая раятская зависимость. Никакой билль, вродѣ Ирландскаго, не рѣшитъ удовлетворительно вопроса. Единственный, такимъ образомъ, выходъ, котораго можно желать—это выкупъ, при матеріальномъ содѣйствіи правительства, раятскихъ участковъ земель названной категоріи посредствомъ капитализаціи поземельной ренты.

Что касается второго вопроса, т. е. разнообразныхъ сборовъ, взимаемыхъ съ населенія беками, то этотъ вопросъ, послѣ того какъ будутъ нормированы поземельныя отношенія, и окажется, что беки не имѣютъ никакихъ правъ на землю жителей, рѣшается самъ собою.

Не являясь поземельной рентой, всѣ сборы и повинности населенія въ пользу бековъ, значитъ,—ничто иное, какъ налоги, оставшіеся отъ прежняго времени, и, какъ таковые, должны быть безусловно уничтожены, и притомъ безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, право взимать налоги составляетъ прерогативу государственной власти. Если въ бывшихъ ханствахъ эта regalia majora была предоставлена въ пользу частныхъ лицъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы подобный же порядокъ вещей сохранялся и при русскомъ владычествѣ. Русская власть несетъ здѣсь всѣ обязанности государственной власти—должны же ей принадлежать и всѣ ея права. Въ виду этого всякіе сборы и повинности жителей Дагестана въ пользу владѣльцевъ на почвѣ бывшей административной зависимости населенія должны быть уничтожены, повторяемъ мы, и безъ всякаго вознагражденія. Владѣльцы-беки должны довольствоваться уже тѣмъ, что они и такъ въ теченіе многихъ лѣтъ получали громадные доходы совершенно неправильно.

П. Гидуляновъ.

Свадебные обычаи и обряды и брачное право у новыхъ[1]) армянъ Шаруро-Даралагезскаго уѣзда Эриванской губерніи.

Изъ всѣхъ отдѣловъ обычнаго права армянъ наиболѣе интереснымъ для этнографа и историка—юриста является несомнѣнно семейное право. Въ самомъ дѣлѣ, нормы положительнаго права менѣе всего коснулись семейныхъ отношеній народа, вслѣдствіе чего эти отношенія сохранили почти всецѣло свою дѣвственную форму, доставляя, такимъ образомъ, богатый, нетронутый матеріалъ для изученія древняго быта, обычаевъ, нравовъ и юридическихъ отношеній народа. Семейное право является интереснымъ еще и потому, что въ немъ скрещиваются почти всѣ отдѣлы обычнаго права, что является слѣдствіемъ родового быта у древнихъ армянъ, о чемъ напоминаютъ существующія и донынѣ „большія семьи.“

Вотъ это и побудило меня заняться собираніемъ матеріаловъ по семейному праву закавказскихъ армянъ вообще и въ частности пока брачными обычаями, гдѣ, наряду съ массой обрядовъ, мы сталкиваемся съ разбросанными повсюду обрывками наслѣдственнаго, обязательственнаго и даже вещнаго права.

Обычное право армянъ—это сфера почти еще непочатая, и это сдѣлается намъ вполнѣ понятнымъ, если обратимся къ исторіи разселенія армянъ по Закавказью. Разновременныя массовыя переселенія армянъ изъ Персіи, Турціи, въ силу историческихъ условій, изъ одной армянской провинціи въ другую создали массу отдѣльныхъ типовъ—группъ армянъ. Каждая изъ этихъ группъ, находясь

[1]) Новыми армянами называются жители тѣхъ деревень, которыя были основаны армянами, переселившимися въ Россію во время русско-персидской войны, въ 1828 году. Многое изъ свадебныхъ обычаевъ ими было перенято у коренныхъ жителей (старые армяне), на обычаи которыхъ, въ свою очередь, повліяли новопришельцы.

въ различные періоды подъ различными вліяніями, усвоила, на ряду съ существующими общими обычаями армянъ, и обычаи господствующаго племени. Такимъ образомъ, огульное изученіе обычнаго права армянъ Закавказья, оцѣнка его по одному масштабу можетъ привести къ печальнымъ результатамъ. До сихъ поръ если и собирались матеріалы по обычному праву—изученія не было,—то только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группъ, и то не въ этнографическомъ, а почти исключительно въ географическомъ отношеніи.

По моему крайнему разумѣнію, дѣло изученія обычнаго права надо вести слѣдующимъ образомъ: 1) надо разсматривать каждую группу отдѣльно въ этнографическомъ отношеніи; 2) надо собрать матеріалъ по какому нибудь одному отдѣлу права во всѣхъ группахъ и затѣмъ только, по сопоставленіи, дѣлать выводы. Словомъ, изученіе должно быть историко-сравнительное. Итакъ, теперь дѣятельность нашихъ этнографовъ и юристовъ должна ограничиваться исключительно собираніемъ матеріаловъ, и прозорливость ихъ должна проявляться не въ выводахъ и обобщеніяхъ, а въ умѣніи подмѣчать настоящія черты обычнаго права, что необходимо для цѣлесообразнаго собиранія пригоднаго матеріала. Намъ пока необходимъ только архивъ матеріаловъ по обычному праву армянъ.

Съ этой точки зрѣнія и смотрю я на матеріалъ, который сейчасъ изложу. Воздерживаясь отъ сопоставленій и выводовъ, я привожу все въ такомъ видѣ, въ какомъ или видѣлъ лично самъ, или мнѣ разсказывали. Считаю нужнымъ прибавить, что матеріалъ собранъ и записанъ на мѣстѣ въ деревняхъ Шаруро-Даралагезскаго уѣзда Эриванской губерніи.

Въ брачномъ правѣ существуютъ условія, соблюденіе которыхъ необходимо для дѣйствительности брака. Они касаются: 1) *возраста*, съ котораго наступаетъ половая зрѣлость (pubertas), 2) обоюднаго *согласія брачущихся* (consensus facit nuptias), 3) *согласія родителей и сговора* (sponsalia), 4) отсутствія близкаго *родства* (до извѣстной степени cognatio и affinitas), 5) выполненія извѣстныхъ *обрядовъ при обрученіи* и 6) при *совершеніи брака*. Вотъ эти элементы брачнаго союза и буду имѣть я въ виду при дальнѣйшемъ изложеніи.

Собираясь женить сына, достигшаго половой зрѣлости, родители съ весны уже начинаютъ дѣлать приготовленія къ свадьбѣ, которая обыкновенно происходитъ зимою: покупаютъ, если не имѣется дома,

убойный скотъ, сажаютъ капусту, осенью не продаютъ винограда, а дѣлаютъ изъ него вино и изюмъ.

Бракъ совершается по достиженіи брачущимися такого возраста, когда они способны къ брачной жизни. По мнѣнію крестьянъ, мужчина достигаетъ половой зрѣлости 15-ти лѣтъ, а женщина 12-ти [1]. Этого правила однако не всегда придерживаются, и мы встрѣчаемъ браки между 13—14 л. мужчиной и 11—13 л. женщиной. Случается также, хотя и рѣдко, что маленькаго мальчика женятъ на взрослой дѣвицѣ, или мужчина уже въ лѣтахъ женится на дѣвочкѣ лѣтъ 12—15-ти.

Когда всѣ приготовленія сдѣланы, родители начинаютъ выбирать невѣсту, не спрашивая согласія жениха, нерѣдко и противъ его воли, несмотря на то, что армянская церковь не признаетъ въ бракѣ власти родителей и считаетъ необходимымъ согласіе брачущихся. Въ церковныхъ канонахъ прямо ставится требованіе спросить согласія жениха и невѣсты какъ при обрученіи, такъ и при вѣнчаніи. При выборѣ невѣсты родители жениха останавливаются на той или другой дѣвушкѣ или вслѣдствіе того, что еще при рожденіи жениха или невѣсты (иногда даже до рожденія) родителями одной стороны было дано родителямъ другой стороны *клятвенное обѣщаніе* породниться съ ними, „башикертма", или вслѣдствіе того, что женихъ и невѣста уже любятъ другъ друга, или же потому, что родители въ пьяномъ видѣ дали другъ другу слово. Но чаще всего родители жениха, выбирая невѣсту, руководствуются болѣе практическими соображеніями: отецъ старается найти въ своей или въ сосѣдней деревнѣ такую дѣвицу, родители которой или богаты или вліятельны, что въ жизни крестьянъ имѣетъ большое значеніе. Такіе родственники называются по-татарски „помощь", „подмога". Мать же жениха ищетъ дѣвицы умной, благонравной, трудолюбивой, словомъ такой, которая взяла бы на себя часть заботъ по домашнему хозяйству. Когда родители жениха уже выбрали дѣвушку, окольнымъ путемъ узнаютъ настроеніе ея родителей, и если оно оказывается благопріятнымъ, начинаются приготовленія къ обрученію. Опредѣленнаго промежутка между обру-

---

[1] Русское положительное законодательство устанавливаетъ для жителей Кавказскаго края: для жениха—15 л., а невѣсты—13 л. Этой статьей въ настоящее время руководствуется армянская церковь. (2 ст., ч. I, т. X св. законовъ).

ченіемъ и свадьбой не установлено. Случается, что обрученіе совершается за нѣсколько лѣтъ до вѣнчанія, а свадьба черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вѣнчанія. Чаще же обрученіе совершаютъ весною, за нѣсколько мѣсяцевъ до брака, который совершается одновременно со свадьбой зимою. Процедура обрученія довольно сложна; она состоитъ изъ нѣсколькихъ обрядовъ, которые я и приведу въ послѣдовательномъ порядкѣ. На первомъ мѣстѣ стоитъ

„Рѣзаніе хлѣба".

(„Хац крел"—„һац ктрел").

Въ день „рѣзанія хлѣба" или отдачи „задатка" („beh"), утромъ даютъ знать семьѣ невѣсты, что вечеромъ придутъ туда „рѣзать хлѣбъ". Семья невѣсты дѣлаетъ приготовленія къ пріему гостей, и вотъ вечеромъ родители жениха, пригласивъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ близкихъ родственниковъ и взявъ съ собою кувшинъ вина, отправляются въ домъ невѣсты. Женихъ остается у себя дома. За ужиномъ отецъ жениха дѣлаетъ предложеніе и, по полученіи согласія отъ отца невѣсты, беретъ 1—2 хлѣба—лошъ [1]), сворачиваетъ въ трубочку, даетъ одинъ конецъ держать отцу невѣсты, за другой берется самъ и разрѣзаетъ ножомъ пополамъ. Свою часть отецъ жениха дѣлитъ на мелкіе кусочки и раздаетъ съ нимъ пришедшимъ гостямъ. Эти послѣдніе прячутъ полученное въ платки и, по возвращеніи домой, раздаютъ своимъ роднымъ и сосѣдямъ. При этомъ, если получившій холостъ, говорятъ: „того же желаемъ и тебѣ: дай Богъ, чтобы рѣзали и твой хлѣбъ", если же онъ женатъ, говорятъ: „того же желаемъ и твоимъ дѣтямъ, и твоимъ холостымъ" и т. д. По совершеніи обряда „рѣзанья хлѣба" вызываютъ невѣсту, и мать жениха (или замѣняющая ее женщина) даритъ ей серебряное кольцо или серебряный кредитный рубль, послѣ чего невѣста цѣлуетъ ея руку, а та ее въ лицо. Затѣмъ невѣста обходитъ по порядку всѣхъ гостей и кланяется имъ, при чемъ каждый изъ нихъ даритъ ей 10—20 коп. На этомъ обрядъ и кончается, и гости расходятся. Теперь ужъ отецъ невѣсты ни въ коемъ случаѣ не позволитъ жениху встрѣчаться и разговаривать съ невѣстой, хотя бываютъ и исключенія. За этимъ обрядомъ слѣдуетъ обрядъ „колотьбы сахару" („ганд

[1]) Лошъ или лавашъ—туземный, пшеничный хлѣбъ, очень тонкій и мягкій

корел"—„шакар котрел"), который и есть собственно обрученіе („ншандрек").

„Колотьба сахару".

(„Ганд корел"—„шакар котрел").

Утромъ отецъ жениха посылаетъ въ домъ невѣсты кувшинъ— два вина, бутылки двѣ водки и фунтовъ 18 — 20 мяса. Къ обѣду же онъ приглашаетъ къ себѣ священника, мелика [1]), родственниковъ, какъ находящихся въ его деревнѣ, такъ и изъ другихъ, и сельскихъ ишхановъ [2]). Бываетъ иногда и зурна. Распорядительная часть принадлежитъ мелику. Когда гости въ сборѣ, меликъ приказываетъ накрыть на столъ. Когда накрываютъ скатерть, говорятъ: „Да будетъ благодать Божья" (т. е. да благословитъ Богъ это обрученье.) Одинъ изъ близкихъ семьѣ жениха людей, держа въ одной рукѣ бутылку съ водкой, а въ другой тарелку съ двумя рюмками, подчуетъ гостей водкой, при чемъ священнику подается первому, затѣмъ мелику и т. д. Когда всѣ выпили водки, садятся за столъ, и подается бозбашъ [3]). Меликъ обращается къ священнику и проситъ благословить трапезу. Послѣ обычныхъ молитвъ священникъ говоритъ поздравительную фразу, и всѣ хоромъ повторяютъ то же самое и начинаютъ ѣсть. Тѣмъ же порядкомъ, какъ и водка, подается вино [4]). Священникъ, взявъ стаканъ, говоритъ: „Да благословитъ Богъ, да будетъ Его благодать и благословенье на это дѣло, да ниспадетъ на нихъ (жениха и невѣсту) благословенье отецъ Авраама, да состарятся они вмѣстѣ"— и выпиваетъ вино. Нѣчто въ этомъ родѣ говоритъ и каждый изъ гостей, при чемъ, передъ тѣмъ какъ начать, обращается къ священнику, если даже онъ не слышитъ, со словами: „благослови, отецъ!" По окончаніи обѣда начинаетъ играть зурна, и всѣ направляются въ домъ невѣсты. Впереди процессіи идутъ зурначи [5]), за ними нѣсколько парней несутъ на головѣ *хонча*. Это — туземные мѣдные подносы, наполненные изюмомъ, орѣшками, фиса-

[1]) Меликъ—помощникъ сельскаго старшины.

[2]) Ишханъ-собственно князь; такъ называются у армянъ крестьяне, пользующіеся уваженіемъ и вліяніемъ въ деревнѣ.

[3]) Туземный жирный супъ.

[4]) Разносящіе водку и вино называются „саги" (персидск. слово) или „матрвакъ" (армянское сл.), что означаетъ „виночерпій".

[5]) Зурначи—играющіе на зурнѣ музыканты.

томъ, самой простой карамелью, и накрытые платками. На одной изъ *хонча* несутъ маленькую голову сахару, приблизительно въ 7 фунтовъ, съ надѣтымъ на нее монистомъ изъ серебряныхъ (рѣдко изъ золотыхъ) монетъ, серебряный поясъ и шелковый платокъ. Эта *хонча* предназначается для невѣсты.

Когда приходятъ въ домъ невѣсты, *хонча* относятъ въ отведенное для женщинъ отдѣленье, а мужчины входятъ въ саклю, гдѣ на разостланныхъ на полу коврахъ сидятъ приглашенные отцомъ невѣсты гости. Тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ домѣ жениха, одинъ подчуетъ гостей водкой, а другой виномъ, послѣ чего накрывается на столъ, и всѣ садятся кушать. Послѣ ѣды приносятъ всѣ *хонча* и показываютъ присутствующимъ, а *хонча*, на которой находится сахаръ, ставятъ предъ священникомъ, который, благословивъ, кладетъ на нее „маштоцъ“ (требникъ), и желающіе подходятъ, цѣлуютъ его и кладутъ мелкую монету для священника. Подарки невѣсты переходятъ изъ рукъ въ руки и, по разсмотрѣніи всѣми, передаются отцу невѣсты, который и вручаетъ ихъ дочери. Оставшуюся на подносѣ головку сахару ставятъ предъ ктиторомъ, чтобы онъ раскололъ ее. Ктиторъ начинаетъ притворяться, что онъ не въ состояніи этого сдѣлать, такъ какъ-де—„ножъ слишкомъ малъ, нѣтъ молотка, ножъ можетъ зазубриться“ и т. д. Когда же получаетъ отъ отца жениха одинъ рубль, начинаетъ колоть сахаръ. Отдѣливъ съ остраго конца довольно большой кусокъ, онъ разбиваетъ остальное на мелкіе куски и, насыпавъ на блюдечко горсть изюму, кладетъ сверху одинъ или два куска сахару. Кто-нибудь беретъ это блюдечко и подноситъ его священнику, который беретъ находящійся на блюдечкѣ изюмъ и сахаръ. Блюдечко снова наполняется, и такимъ образомъ обходятъ всѣхъ гостей, когда же очередь доходитъ до мелика, сверху изюма кладутъ большой кусокъ сахару, отдѣленный вначалѣ ктиторомъ. По окончаніи этой церемоніи меликъ обращается къ гостямъ и говоритъ: „друзья, слушайте: у насъ существуетъ обычай, обыкновенье, порядокъ, по которому мы здѣсь должны дать нашей невѣстѣ „ирес теснала—ерес тесанк [1]). Пусть пожалуетъ, кто сколько хочетъ. Ну, не затягивайте, ночь уже на исходѣ,

[1]) Деньги, которыя даются невѣстѣ гостями, пришедшими со стороны жениха, и родителями послѣдняго за то, что она позволяетъ имъ посмотрѣть ее. „Ерес тесны“ буквально значитъ „видѣть лицо“.

кончайте!“ Всѣ гости, пришедшіе съ родителями жениха, не исключая и этихъ послѣднихъ, по-очереди подходятъ къ одному изъ присутствующихъ и даютъ ему деньги. Этотъ послѣдній, получая деньги, обыкновенно одинъ рубль, кладетъ ихъ на подносъ, находящійся передъ священникомъ. Тутъ же сидитъ и отецъ жениха. Бросая деньги на подносъ, собирающій каждый разъ говоритъ: „молодецъ такой-то: далъ нашей невѣстѣ „ерестесналь“ одинъ рубль. Да продлитъ ему Господь жизнь!“.

Присутствующіе повторяютъ: „дай Богъ ему здоровья“, а меликъ приказываетъ: „дать тому стаканъ вина“. Среди мужчинъ собирается такимъ образомъ 10—50 рублей. Въ женскомъ отдѣленіи происходитъ то же самое; тутъ собираютъ 1 — 5 р. Деньги эти остаются у отца невѣсты до свадьбы [1]). Когда деньги собраны, всѣмъ гостямъ даютъ по стакану вина, послѣ чего зурна начинаетъ играть „паша-кеошти“ „маршъ жениха“, и гости понимаютъ, что имъ пора расходиться. И вотъ всѣ, и мужчины, и женщины, и дѣти высыпаютъ на улицу. Зурна начинаетъ играть плясовую, и эта смѣшанная толпа, приплясывая, направляется къ дому жениха, гдѣ или расходится немедленно, или же остается веселиться еще нѣкоторое время.

„Отрѣзать—скроить“.

(„ксим—бичим“).

Недѣли за двѣ до свадьбы отецъ жениха посылаетъ въ домъ невѣсты водки, вина, мяса, а вечеромъ отправляется туда и самъ съ родственниками и близкими знакомыми. Отецъ невѣсты тоже приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ. Когда гости въ сборѣ, къ нимъ выходитъ невѣста и по-очереди кланяется всѣмъ; при этомъ каждый изъ присутствующихъ платитъ ей отъ 20 коп. до 1 рубля, и она уходитъ. Затѣмъ садятся ужинать, послѣ чего отецъ жениха обращается къ отцу невѣсты со слѣдующими словами: „хнами“ [2]), мы пришли сюда совѣщаться съ тобой, чтобы послѣ между нами не было никакихъ недоразумѣній, не было недовольства; скажи прямо, при всѣхъ этихъ людяхъ, какъ о томъ, какіе у тебя будутъ расходы, такъ и о томъ, сколько нужно твоей дочери платья, чтобы мы могли купить и прислать тебѣ“. Отецъ невѣсты сначала

[1]) На этомъ подробнѣе остановлюсь въ концѣ.

[2]) Сватъ, свойственникъ.

какъ бы не хочетъ ничего требовать, говоря: „эхъ, хоть ничего не давай. Какіе могутъ быть счеты между друзьями. Лишь бы ты былъ здоровъ, и безъ этого обойдемся". Но отецъ жениха начинаетъ настаивать: „милый хнами, вѣдь знаешь, что „закрытый торгъ уничтожаетъ дружбу" [1]), вѣдь у насъ существуетъ такой обычай, долженъ же ты сказать, чтобы мы знали, что намъ дѣлать". Наконецъ, послѣ неоднакратныхъ отказовъ, онъ говоритъ: „съ самаго же начала я потребую 15 рублей, „судбаһаси" [2]), пять кувшиновъ вина, два пуда водки, два пуда хорошаго, жирнаго мяса или одного трехгодовалаго барана, 10 фунтовъ масла, 1 пудъ рису, что же касается платья невѣсты, это ужъ самъ знаешь, это твой товаръ, въ твой же домъ вернется". Въ это время мать невѣсты, которая съ нетерпѣніемъ ждала рѣшенія мужа относительно одежды, сердито поднимается съ мѣста, подходитъ къ мужу и, толкнувъ его въ бокъ, говоритъ: „какое вамъ дѣло до одежды, свое кончили и достаточно, а одежда—это наше дѣло". Мужъ не менѣе сердито отталкиваетъ ее. На этомъ и кончается споръ между мужемъ и женой, послѣ чего гости опредѣляютъ размѣръ требуемаго отцомъ невѣсты, при чемъ обыкновенно присуждается нѣсколько меньше, чѣмъ требовалъ вначалѣ отецъ невѣсты. Этотъ послѣдній свое недовольство выражаетъ слѣдующими обращенными къ отцу жениха словами: „придешь хорошо (т. е. принесешь много), и я хорошо угощу твоихъ гостей, а придешь съ недочетомъ (т. е. принесешь мало), то пусть ужъ совѣсть твоя будетъ тебѣ судьей". Теперь остается еще открытымъ вопросъ о нарядахъ невѣсты. Тутъ ужъ приглашается ея мать, несмотря на то, что мужъ такъ грубо отвергъ ея вмѣшательство. Она требуетъ, чтобы платье было непремѣнно шелковое, пальто бархатное, изъ хорошаго бархата, а не такого сквернаго, какой былъ на невѣстѣ такого-то или такого-то. Шелковой матеріи нужно 15 аршинъ, бархату 7 аршинъ, на подкладку такой-то матеріи столько-то, 1 шелковый платокъ „левpanди" [3]), непремѣнно красный, одинъ платокъ „кялаяѓи" [4]), пару башмаковъ и разной мелочи. Опять

[1]) Татарская пословица.

[2]) „Судбаһаси" (татарск.) или „катнаши" (армянск.) значитъ „цѣна молока", т. е. того молока, которымъ кормила невѣсту мать.

[3]) Большіе шелковые платки, изготовляемые въ Персіи.

[4]) Такой же платокъ, только дешевле, для обыденнаго употребленія

начинаются споры между договаривающимися сторонами и опять они улаживаются вмѣшательствомъ гостей. На слѣдующій день одинъ или двое со стороны невѣсты съ отцомъ жениха отправляются за покупкой указанныхъ вещей, при чемъ часто образчикъ матеріи дается матерью невѣсты.

„Кройка одежды".

(„халав цевеци").

Когда все куплено, сторона жениха приглашаетъ всѣхъ родныхъ и близко знакомыхъ женщинъ, кладетъ на подносъ, наполненый сушеными фруктами, матеріи, и отправляются въ домъ невѣсты, гдѣ уже находятся женщины, приглашенныя этой стороной. Вызываютъ невѣсту, которая опять кланяется всѣмъ, и гости дарятъ ей по 20-ти коп., послѣ чего матерія передается закройщицѣ. Эта послѣдняя, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ движеній ножницами, начинаетъ увѣрять, что ножницы очень тупы, и надо ихъ чѣмъ нибудь отточить. Тутъ ей даютъ 20 коп., ножницы сраз[illegible] дѣлаются острѣе, и съ обычной поздравительной фра[illegible]ницы и ступаетъ къ кройкѣ, по окончаніи котор[illegible] сосѣдки принимаются за шитье.

„Вѣнча[illegible] и свадьба".

(„Псак-[illegible]рнис" — „псак-hарсаник").

Обрядъ вѣнчанія[illegible] и свадьба обыкновенно происходятъ одновременно, но б[illegible] ваютъ и исключенія. Такъ, вѣнчаніе совершается иногда задол[illegible]ваютъ и исключенія... даже за нѣсколько лѣтъ до свадьбы [1]); бываетъ и такъ, ч[illegible]о, даже за нѣсколько лѣтъ до свадьбы; невѣста переходитъ в[illegible]то послѣ Пасхи устраиваютъ свадьбу, невѣста переходитъ въ домъ жениха, а вѣнчаніе совершается послѣ Вознесенія. Это [illegible] домъ жениха, а вѣнчаніе совершается послѣ Вознесенія. по [illegible]бываетъ, когда обрядъ вѣнчанія не можетъ быть совершенъ по [illegible]случаю праздниковъ.

[illegible]Приступая къ приготовленіямъ для свадьбы, первымъ дѣломъ пекутъ „свадебный хлѣбъ". При этомъ приглашаются близкіе парни и дѣвицы и съ пѣснями и плясками просѣиваютъ муку, мѣсятъ тѣсто и пекутъ хлѣбъ.

Въ среду вечеромъ отецъ жениха, который теперь называется „hарсанкатер", т. е. „хозяинъ свадьбы", приглашаетъ къ себѣ нѣсколько друзей, съ которыми вмѣстѣ выбираетъ двухъ „азап",

---

[1]) Такой случай былъ въ 1896 г., въ селѣ Улья—Норашенъ, Шар.-Дар. уѣзда.

т. е. молодыхъ, холостыхъ людей, на которыхъ съ этихъ поръ лежитъ обязанность всячески помогать „hарсанкатер'у": они собираютъ въ деревнѣ посуду, приносятъ воду, зовутъ гостей и т. д. Тутъ же выбираютъ и „марнапет'а" (что значитъ „кравчій"), которому поручается хлѣбъ, вино, водка, мясо и пр. Все это запирается въ отдѣльномъ помѣщеніи, ключъ отъ котораго съ этого дня долженъ находиться у „марнапет'а".

Въ четвергъ „hарсанкатер" даетъ двумъ изъ своихъ родственниковъ по „хурджину" [1]), наполненному маленькими головками сахару, $1/2$—1 фунта въ каждой, и нѣсколько головокъ по 7-и ф., и посылаетъ ихъ въ сосѣднія деревни приглашать родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Посланные, обходя этихъ послѣднихъ, передаютъ имъ приглашеніе, при чемъ вездѣ оставляютъ по головкѣ сахару, наиболѣе же близкимъ и почетнымъ родственникамъ преподносятся большія головы. За этими же послѣдними, если они живутъ далеко, „hарсанкатер", въ знакъ особаго уваженія, за нѣсколько дней посылаетъ верховыхъ лошадей. Въ этотъ же день „азапы" начинаютъ свою дѣятельность по собиранію посуды, мебели, а „марнапет" по приведенію въ порядокъ своего буфета. И „азапы", и „марнапет" остаются ночевать у „hарсанкатер'а", при чемъ „марнапет" ночуетъ въ „маранѣ", т. е. въ помѣщеніи, гдѣ сложены подвѣдомственные ему предметы. „Маран" иначе называется „казна царя" [2]).

Въ пятницу утромъ, еще до разсвѣта, „азапы" обходятъ всю деревню и всюду повторяютъ одну и ту же фразу: „сегодня свадьба такого-то, пожалуйте водку пить". На дворѣ ставится низенькій столикъ, на немъ тарелка съ двумя рюмками и сушеными фруктами и два хлѣба. У стола стоитъ одинъ изъ родственниковъ „hарсанкатер'а", съ бутылкой водки въ рукахъ. Приглашенные подходятъ, выпиваютъ рюмку водки, закусываютъ и уходятъ, послѣ чего приходитъ „тантки" [3]) и начинаетъ варить „лоби чашъ" [4]).

---

[1]) Хурджин—переметная сума.

[2]) Надо замѣтить, что во все продолженіе свадьбы женихъ называется thagavor—„царь", а невѣста - thaguhi—„царица".

[3]) „Тантки" — искаженное „тантикинъ"—хозяйка, которая завѣдуетъ во время свадьбы кухней. Въ каждой деревнѣ бываетъ 1—2 „тантки".

[4]) „Лоби чашъ"—пюре изъ красныхъ фасолей. Пятница—постный день, потому готовятъ только постное.

Въ полдень зовутъ „зурначи“ и танцуютъ нѣкоторое время, послѣ чего „hарсанкатер“, взявъ бутылку водки и 7-и фунтовую голову сахару, вмѣстѣ съ зурной отправляется приглашать „кавор'а“ [1]). Тѣмъ же порядкомъ приглашаются и священникъ, и меликъ; послѣ чего одинъ изъ „азаповъ“ беретъ кувшинъ вина и стаканъ и съ зурной начинаетъ ходить по домамъ. Войдя въ домъ, онъ подноситъ всѣмъ находящимся тамъ, по-очереди, по стакану вина, по чему тѣ узнаютъ, что ихъ приглашаютъ на свадьбу. Когда народъ начинаетъ собираться, одинъ „саги“, стоя у дверей дома, съ бутылкой водки въ одной рукѣ и тарелкой съ сушеными фруктами [2]) и рюмками въ другой, потчуетъ всѣхъ входящихъ водкой. Пьющіе пьютъ, непьющіе же произносятъ обычную поздравительную фразу, проходятъ и садятся на отведенныя имъ мѣста. Внутри дома другой „саги“ угощаетъ виномъ, при чемъ тутъ уже и сами гости просятъ, говоря: „послушай, дай же намъ вина: въ горлѣ совсѣмъ пересохло“. Когда всѣ собрались, меликъ велитъ накрыть на столъ. Надо замѣтить, что самые близкіе родственники „hарсанкатер'а“ не садятся вмѣстѣ съ прочими за столъ, а прислуживаютъ. Они называются „воти врайп мард“, что означаетъ— „стоящіе на ногахъ люди“, т. е. прислуживающіе. Гости усаживаются слѣдующимъ образомъ: одинъ рядъ садится у стѣны, другой напротивъ, оставляя между собой и первымъ рядомъ разстояніе приблизительно въ 1 аршинъ. Это незанятое пространство между сидящими vis-a-vis двумя рядами называется у армянъ „майлис“, что есть ничто иное, какъ искаженное персидское слово „мäджлисъ“, означающее засѣданіе, собраніе. Люди, „стоящіе на ногахъ“, разстилаютъ скатерть на „майлисѣ“, при чемъ говорятъ поздравительную фразу. Затѣмъ приносятъ хлѣбъ, посуду и кушанья. Когда подано кушанье, меликъ проситъ священника благословить трапезу. Послѣднюю молитву священникъ кончаетъ, и за нимъ всѣ повторяютъ послѣднія слова. За обѣдомъ „саги“ начинаютъ потчивать гостей виномъ. Первый стаканъ подается священнику. Онъ беретъ стаканъ и начинаетъ „махтоґутюн“ — бла-

1) „Кавор“— исковерканное „кникаhайр“, значитъ „крестный отецъ“. Такъ называется „посаженный отецъ“, т. к. онъ же обыкновенно крестить дѣтей тѣхъ, на свадьбѣ которыхъ онъ былъ посаженнымъ отцомъ. О его роли будетъ сказано на мѣстѣ.

2) Сушеные, фрукты называются тутъ „мазъ“—татарское слово, означающее приправа, закуска.

гопожеланія: „Да будетъ благословенье Божье, поздравляю. Да состарятся они (женихъ и невѣста) вмѣстѣ, да будетъ на нихъ благословенье отца Авраама. Дай Богъ имъ и сыновей и дочерей. Да возрадуются всѣ доброжелатели. За здоровье thagovo'ra и thaguhi". Нѣкоторые изъ гостей, слѣдуя примѣру священника, поднимаютъ стаканы и, спросивъ благословенья священника, говорятъ „рѣчи", при чемъ почти цѣликомъ повторяютъ сказанное священникомъ, послѣ чего всѣ повторяютъ „аменъ". Выпившій передаетъ стаканъ сосѣду, и „саї́и" наливаетъ этому послѣднему вина. Священникъ обыкновенно играетъ роль „тамада" [1]), но рѣдко кто обращаетъ вниманье на предлагаемые имъ тосты: каждый пьетъ за то, что ему нравится. По окончаніи обѣда оставшійся хлѣбъ заворачивается въ скатерть и кладется передъ священникомъ, который, прочитавъ молитву послѣ принятія пищи, кончаетъ словами поздравленія, которыя повторяются хоромъ всѣми присутствующими. Послѣ этого „саї́и" подносятъ всѣмъ еще по стакану вина, и зурна начинаетъ играть „паша кеошти" (см. выше). Гости расходятся, и садятся обѣдать „прислуживавшіе".

Въ это время зурна начинаетъ играть на дворѣ. Собираются молодыя женщины и дѣвицы и начинаютъ плясать. Выводятъ быка, предназначеннаго для свадебнаго обѣда. Нѣсколько парней связываютъ его ноги веревками и сваливаютъ на землю.

Затѣмъ призываютъ „тагавор'а", который карманнымъ ножемъ дѣлаетъ надрѣзъ на шеѣ животнаго такъ, чтобы ножъ обагрился кровью; вырвавъ изъ хвоста быка нѣсколько волосъ, онъ наматываетъ ихъ на лезвіе и, закрывъ ножъ, кладетъ его въ карманъ; ножъ остается въ такомъ видѣ въ карманѣ до конца свадьбы [2]). Затѣмъ мясникъ закалываетъ быка, и пока сдираютъ съ него кожу и потрошатъ, парни и дѣвицы непрестанно пляшутъ. „Азапы", отвѣсивъ обѣщанное отцу невѣсты количество мяса и отмѣривъ вина водки, рису, масла, съ зурначи и парнями и дѣвушками

[1]) „Тамада" на Кавказѣ выбирается во время торжественныхъ обѣдовъ и кутежей. Его обязанность предлагать тосты и заставлять всѣхъ пить. Онъ иначе называется „долубаши". Это — своего рода предсѣдатель. Всѣ, желая говорить, просятъ у него слова. Ср. греческ. „συμποσίαρχος".

[2]) Обычай этотъ называется — „thlism" (арабск. слово ср. „талисманъ") и означаетъ заговоръ. Тутъ — символъ мужской половой силы (см. В. Акимовъ, Свадебные обычаи ахалкалакскихъ армянъ. Этногр. Обозр. за 1889 г. № 1, стр. 77—92).

отправляются въ домъ невѣсты; тамъ они не снимаютъ ноши до тѣхъ поръ, пока не получатъ отъ отца невѣсты по 20—30 коп., послѣ чего съ зурной и плясками возвращаются въ домъ жениха.

Получивъ названныя вещи, отецъ невѣсты приглашаетъ родныхъ и знакомыхъ женщинъ, которыя начинаютъ дѣлать приготовленія къ „вѣнчальному обѣду“ [1]).

Вернувшись домой, азаны и зурначи отправляются приглашать наиболѣе почетныхъ лицъ въ деревнѣ. По звуку зурны остальные сосѣди догадываются сами, что уже время идти на свадьбу. Пока зурна ходитъ по деревнѣ, оставшіеся дома парни и дѣвицы собираются и начинаютъ танцовать „ялли“ [2]) подъ пѣнье. При этомъ во главѣ съ платкомъ въ рукѣ становится парень, который умѣетъ хорошо пѣть. Онъ поетъ solo одинъ куплетъ, за нимъ повторяютъ тоже самое всѣ танцующіе. Пѣсни поются по большей части на татарскомъ, а иногда и на курдскомъ языкѣ. Привожу для примѣра одну изъ такихъ пѣсенъ на татарскомъязыкѣ.

1) Дам уста дыр дамымыз.

Припѣвъ. Ал-папах оглан банда гяль, банда гяль,

2) Гоша дыр харманымыз.

3) Санъ ордан чых, мäн бурдан

4) Чатдасын душманымыз.

Надо замѣтить, что каждая строфа состоитъ изъ четырехъ строкъ, при чемъ первыя двѣ строки по смыслу не связаны съ послѣдними. Онѣ присоединяются для риѳмы съ послѣдними двумя, въ которыхъ и заключается весь смыслъ. Каждая строфа носитъ характеръ отдѣльныхъ куплетовъ,и отдѣльныя строфы не имѣютъ внутренней связи, такъ что перемѣщенье или даже выпускъ строфъ не служитъ ущербомъ для пониманія содержанія пѣсни [3]).

Русскій переводъ.

1) Наши дома смежны. Парень въ красной шапкѣ, приди къ плотинѣ, приди къ плотинѣ. Я пошла по воду, приди и ты, приди и ты.

2) Смежны и наши гумна. Парень въ красной шапкѣ и пр.

3) Ты выйди съ одной стороны, я съ другой, парень и пр.

---

[1]) Такъ называется обѣдъ, устраиваемый отцомъ невѣсты въ день вѣнчанья.

[2]) „Ялли“—круговой танецъ.

[3]) См. изслѣдованіе Хазароса Агаянъ, журн. „Тарази“ 1890 г. № 1.

4) Пусть треснетъ нашъ врагъ, парень и пр.

Такимъ образомъ, весь смыслъ пьесы состоитъ въ томъ, что дѣвица (или парень) предлагаетъ своему возлюбленному устроить свиданье (или, покрайней мѣрѣ, встрѣчу) на зло недоброжелателямъ.

Пѣніе продолжается до возвращенья зурны, послѣ чего пляска происходитъ подъ зурну. Посреди круга, составленнаго кольцомъ пляшущихъ, разстилаютъ коверъ, ставятъ кувшинъ вина, и не танцующіе или уставшіе садятся и попиваютъ. Одинъ саги съ бутылкой и стаканомъ въ рукахъ обходитъ пляшущихъ и угощаетъ ихъ виномъ. По окончаніи „ялли", который продолжается 3—4 часа, приблизительно до 11—12 ч. ночи, начинаютъ собираться къ невѣстѣ, чтобы заставить ее поплясать и чтобы выкрасить ея руки хиной. „Санамеръ" (такъ называется жена „кавора") разводитъ хину въ винѣ и предварительно предлагаетъ находящимся въ домѣ жениха мужчинамъ и женщинамъ. Желающіе, даютъ выкрасить руки, за что каждый платитъ ей 5—20 коп. Покончивъ съ этимъ, молодыя женщины, дѣвушки и парни, съ зурной и плясками, отправляются къ невѣстѣ. Тутъ начинаютъ танцовать по-одиночкѣ, сначала парни, потомъ дѣвушки, наконецъ выступаетъ невѣста и начинаетъ очень медленный танецъ, во время котораго зурначи вдругъ перестаетъ играть. „Эй, зурначи, что-жъ ты замолчалъ? Дуй же",—обращаются со всѣхъ сторонъ къ нему. „Зурна испортилась, нельзя больше играть", отвѣчаетъ зурначи и только тогда начинаетъ играть, когда получаетъ 20 коп. Во время пляски невѣсты разстилаютъ на полу платокъ, и гости жениха кладутъ на него отъ 20 к. до 1 р. каждый „ерестеналэ" По окончаніи пляски деньги сосчитываютъ и, завязавъ въ платкѣ, отдаютъ невѣстѣ, которая и уходитъ.

Затѣмъ „санамеръ" идетъ къ невѣстѣ и, получивъ отъ нея 20 коп., краситъ ея руки хиной. То же самое она дѣлаетъ и со всѣми тѣми, которые платятъ ей 10—20 к., послѣ чего съ зурной и плясками возвращается въ домъ жениха.

Въ субботу, съ ранняго утра, въ домѣ невѣсты начинаютъ готовить „вѣнчальный обѣдъ", въ домѣ же жениха зурначи поднимаются на крышу и начинаютъ играть „sbari" (персидск. сл. значитъ „утренняя мелодія"), приглашая этимъ сосѣдей пить водку. Въ 8—9 часовъ всѣ отправляются съ музыкой и плясками къ невѣстѣ, чтобы одѣть ее и повести подъ вѣнецъ. Тутъ парни

остаются на дворѣ и пляшутъ, а женщины входятъ къ невѣстѣ и начинаютъ одѣвать ее. Надѣваютъ на нее новое платье (только не то, которое купилъ отецъ жениха), а голову покрываютъ большимъ шелковымъ платкомъ, который спускается до пояса. Затѣмъ приходитъ женихъ и, поцѣловавъ руку тестю и тещѣ, отправляется въ церковь. Невѣстѣ насыпаютъ въ башмаки проса, а въ карманъ кладутъ запертый замокъ безъ ключа [1]), послѣ чего она подходитъ и цѣлуетъ руку отцу и матери. Двѣ дѣвушки, взявъ ее за руку, медленнымъ шагомъ ведутъ ее въ церковь, при чемъ впереди съ музыкой и плясками идутъ родные и знакомые жениха.

При выходѣ изъ церкви пономарь загораживаетъ дверь молодымъ и пропускаетъ ихъ, получивъ 20 — 30 коп. Процессія съ плясками направляется къ дому невѣсты, при чемъ женихъ ведетъ молодую невѣсту, держа ее за руку; за другую руку держатъ дѣвушки, рядомъ съ женихомъ идетъ „каворъ". Всю дорогу стрѣляютъ изъ ружей и револьверовъ и кричатъ ура. Парни то и дѣло подносятъ стаканъ вина ко рту „такавора", послѣ чего кричатъ: „такаворъ выпилъ, ура!" и всѣ подхватываютъ „ура". Въ дверяхъ каворъ обнажаетъ шашку и держитъ клинокъ и ножны крестообразно надъ головами молодыхъ [2]). Затѣмъ садятся завтракать. Послѣ завтрака всѣ расходятся, невѣста остается у своихъ, а женихъ съ друзьями отправляется къ себѣ. Часа въ два гости приглашаются вышеописаннымъ способомъ на обѣдъ къ жениху. За обѣдомъ провозглашаются тосты, при чемъ они вертятся главнымъ образомъ вокругъ молодыхъ, которыхъ называютъ „два друга" или „такавор и такуи". Послѣ обѣда передъ священникомъ ставятъ подносъ, рядомъ съ священникомъ садится отецъ невѣсты, и начинается такъ называемый „канчъ", что означаетъ „зовъ". Обычай этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Кто нибудь изъ публики, обладающій даромъ слова, становится рядомъ съ священникомъ и громогласно заявляетъ: „Общество, слушай! Вотъ уже

---

[1]) У армянскихъ крестьянъ существуетъ повѣрье, что если во время вѣнчанья кто-л. изъ недруговъ запретъ замокъ или сдѣлаетъ на ниткѣ семь узловъ, то молодые супруги будутъ „заперты, связаны", т. е. будутъ лишены возможности совокупленія. Запертый замокъ въ карманѣ невѣсты и просо служатъ, такъ сказать, противоядіемъ отъ подобныхъ козней. Козни враговъ разсыпятся, молъ, такъ, какъ просо, когда невѣста будетъ снимать башмаки.

[2]) Какъ нѣкоторые объясняютъ, это дѣлается для того, чтобы нечистая сила не могла испортить молодыхъ.

нѣсколько дней мы разносимъ казну „такавора", уничтожаемъ, грабимъ,—вѣдь надо же пополнить ее. Больше всѣхъ досталось такавору отъ родныхъ и друзей, вотъ потому пусть они выступятъ первыми. Ну, не медлите! Эй, ты (обращается къ кому-нибудь изъ публики) положилъ десять рублей въ карманъ и думаетъ этимъ вывернуться,—нѣтъ, пожалуй 25 р.". Прежде всѣхъ даютъ деньги самые близкіе родственники, затѣмъ каворъ, наконецъ остальные. Жертвуютъ отъ 10 р. до 50 коп., въ нисходящимъ относительно количества жертвуемыхъ денегъ порядкѣ. Получая деньги, дѣлающій „канчъ" выкрикиваетъ имя давшаго и говоритъ: „молодецъ такой-то, пусть удостоитъ его Богъ этой же радости, пожертвовалъ нашему „такавору" десять рублей кредитными билетами". Деньги вручаются священнику, который кладетъ ихъ на подносъ. По окончаніи „канча" священникъ сосчитываетъ деньги, объявляетъ дѣлающему „канчъ" о количествѣ собраннаго и вручаетъ деньги отцу жениха. Глашатай же громогласно произноситъ: „Да здравствуетъ общество, да удостоитъ Богъ всѣхъ холостыхъ того же. Пожертвовано нашему„ такавору" столько то". Обыкновенно собирается отъ 100 до 500 р., смотря по состоянію и общественному положенію жениха. Жертвуютъ всѣ безъ исключенія: и священникъ, и меликъ, и даже глашатай. Почти весь расходъ, произведенный женихомъ на свадьбу, покрывается подобными денежными взносами. По окончаніи „канча" зурна играетъ „паша кеочти", и публика расходится. Остаются священникъ, парни и дѣвицы.

На подносѣ приносятъ одежду невѣсты, шашку, кинжалъ и большой, красный шелковый платокъ и ставятъ передъ священникомъ. Этотъ послѣдній обнажаетъ шашку и кинжалъ, кладетъ ихъ на одежду и затѣмъ благословляетъ ее, послѣ чего кинжалъ отдаетъ жениху, который надѣваетъ его на себя, шашку „кавору", а платокъ беретъ дѣвица, которая отдаетъ священнику коп. 20—50, закручиваетъ его жгутомъ, накидываетъ на шею жениха, а концы крестообразно прикрѣпляетъ на груди. Правую же руку жениха выше локтя подвязываютъ зеленымъ платкомъ, который остается до конца свадьбы. По окончаніи этой церемоніи, зурна начинаетъ играть на дворѣ, а парни и дѣвицы пляшутъ. По звуку зурны публика узнаетъ, что уже время отправляться за невѣстой. Приготовивъ „хончу" (см. выше) съ одеждой невѣсты, даютъ одному изъ парней, который, держа ее на головѣ и приплясывая, идетъ

съ зурной впереди, а за ними женихъ, каворъ и всѣ остальные. Парни и дѣвицы всю дорогу пляшутъ. Хончу относятъ въ домъ, а публика остается на дворѣ, гдѣ продолжаются пляски. Жениха сажаютъ на табуретку посреди двора, а если тепло — на крышѣ. Приходитъ цирульникъ и стрижетъ ему голову; затѣмъ смачиваетъ лицо виномъ и, намыливъ, начинаетъ брить. Сбривъ одну половину, онъ перестаетъ, говоря, что бритва притупилась. Присутствующіе кладутъ на зеркало цирульника, которое держитъ въ рукахъ женихъ, отъ 1 до 10 коп., и цирульникъ оканчиваетъ свое дѣло. Внутри же дома въ это время одѣваютъ невѣсту. Когда она уже одѣта, приглашаютъ отца жениха, чтобы онъ надѣлъ на нее поясъ. Взявъ за концы пояса, онъ произноситъ: „дай Богъ тебѣ здоровья, счастья, мальчиковъ и дѣвочекъ", и надѣваетъ на нее поясъ. Въ это время начинаютъ играть „харсъ ханелу", т. е. „на выводъ невѣсты" изъ отцовскаго дома. Это медленная, грустная мелодія. Невѣста сначала цѣлуетъ край домашняго очага („тониръ"), затѣмъ руку отца и матери, эти же послѣдніе цѣлуютъ ее въ лицо, и тутъ начинается громкій плачъ. Хотя многіе изъ присутствующихъ смѣются надъ этимъ, но картина получается поистинѣ трогательная. Женихъ беретъ невѣсту за руку, и они, окруженные „каворомъ" и дѣвицами, направляются къ дому жениха. За ними шествуетъ публика, при чемъ всю дорогу стрѣляютъ изъ ружей и револьверовъ. Братъ невѣсты старается тутъ поцѣловать сестру жениха. Иногда изъ-за этого возникаютъ ссоры и даже драки. Часто невѣсту изъ дома отца привозятъ къ жениху верхомъ на лошади, и это считается особымъ шикомъ.

Мать невѣсты приготовляетъ „хончу" изъ разныхъ печеній, фруктовъ и вареной курицы. Курицу варятъ цѣликомъ, не снявъ головы и ножекъ, во внутрь кладутъ яйцо и сухихъ фруктовъ, на шею надѣваютъ ожерелье изъ изюма и сажаютъ на тарелку, высоко поднявъ голову. Тарелку съ курицей, съ остальными принадлежностями „хончи" помѣщаютъ на подносѣ, покрываютъ платкомъ и несутъ впереди процессіи. Хонча эта называется „цаґ". По дорогѣ у многихъ домовъ процессію останавливаютъ и дарятъ что-нибудь невѣстѣ или угощаютъ публику виномъ. Одинъ изъ парней схватываетъ съ головы отца жениха шапку и бѣжитъ къ его дому, остальные парни стараются отнять ее у него, такъ какъ кто принесетъ эту шапку въ домъ жениха, получитъ въ награду пла-

токъ. Когда процессія приходитъ въ домъ жениха, навстрѣчу ей выходятъ мать послѣдняго съ близкими родственниками, приплясывая подходитъ къ жениху и невѣстѣ и цѣлуютъ ихъ. На порогѣ ставятъ двѣ глиняныя миски, которыя женихъ и невѣста при входѣ разбиваютъ ногой. Какъ объясняетъ г. Акимовъ въ своей статьѣ въ „Этног. Обозр.“, женихъ этимъ какъ бы „освобождается отъ грѣховъ безпутной холостой жизни“. Но чѣмъ же объяснить то, что разбить тарелку должна и невѣста, непорочность которой не должна подлежать ни малѣйшему сомнѣнью? Какъ мнѣ это объясняли сами крестьяне, этимъ, если перевести буквально, „лопается зло“, т. е. оно уничтожается.

Невѣстѣ предлагаютъ войти въ особое отдѣленіе и сѣсть тамъ на подушку. Но невѣста не входитъ, давая этимъ понять, что ей надо заплатить „входную плату“. Отецъ или мать жениха говоритъ ей: „невѣстка, милая, тебѣ же принадлежитъ весь нашъ домъ, ну возьми хоть нашего такого-то [1]) буйвола“.

Если невѣста не предупреждена, соглашается и входитъ, въ противномъ же случаѣ она отказывается и входитъ только послѣ того, какъ ей заплатятъ золотую монету или серебряный рубль. Подушка, на которую должна сѣсть невѣста, занята мальчикомъ, которому приходится заплатить коп. 20—40, чтобы онъ всталъ. Подойдя къ подушкѣ, невѣста отказывается сѣсть. Слѣдуетъ то же обѣщаніе отца жениха, тотъ же отказъ, та же серебряная или золотая монета. Сѣвъ на подушку, невѣста достаетъ мѣшочекъ съ сурьмой и костяную палочку, и дѣвушки подводятъ ей глаза. Въ этотъ вечеръ всѣ родственники и близкія знакомыя присылаютъ „хончи“. Затѣмъ собираются гости, и начинаются пѣсни, музыка и пляски. Въ круговомъ танцѣ „ялли“ принимаетъ участіе и невѣста, передъ которой пляшутъ дѣвушки съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Послѣ „ялли“ публика расходится, и остается только молодежь. Парни въ этотъ вечеръ должны разбить „цаґ“ Они съ „такаворомъ“ и „каворомъ“ садятся ужинать, послѣ чего имъ подаютъ „хончу“ съ курицей, приготовленную матерью невѣсты. Выбирается „хазнадар“ (кассиръ), который и предлагаетъ взять „цаґ“ съ торга. Торгъ начинается съ рубля и доходитъ до 5-ти рублей. Предложившій платитъ кассиру означенную сумму, беретъ

[1]) Каждое животное въ деревнѣ имѣетъ кличку.

курицу, произноситъ поздравительную фразу, отрываетъ ножку курицы, заворачиваетъ въ хлѣбъ и кладетъ въ карманъ, другую ножку отдаетъ „такавору", остальное дѣлитъ на мелкіе кусочки, кладетъ на тарелку и предлагаетъ всѣмъ по-очереди. Кому попадетъ дужка, обязанъ угостить „такавора" со всей его свитой. Раздавъ мясо, разбившій „цаѓ", съ тарелкой въ рукѣ, обходитъ всѣхъ и собираетъ деньги. Каждый платитъ 15—25 коп. Собирается въ среднемъ до 5 рублей, которые, вмѣстѣ съ прежними 5 рублями, хранятся у кассира. Послѣ раздачи „цаѓа" всѣ расходятся.

Въ воскресеніе утромъ „азапы" вышеописаннымъ способомъ приглашаютъ гостей на завтракъ, послѣ чего кассиръ „азаповъ", предлагая всѣмъ кусочки куринаго мяса, собираетъ деньги въ пользу „азаповъ". Послѣ завтрака начинаются игры. Парни рядятся, выбираютъ такавора своимъ судьей и начинаютъ приносить ему жалобы. Жалуются, напр., на то, что такой-то вотъ ужъ нѣсколько дней грабитъ безнаказанно казну „такавора". Такаворъ приказываетъ привести его и послѣ непродолжительнаго суда велитъ привязать его къ столбу и бить до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ „20 тумановъ" [1]) штрафа. Приказаніе немедленно исполняется, и виновнаго отпускаютъ только по полученіи съ него 20 коп. Деньги, полученныя такимъ образомъ, поручаются „кассиру" и идутъ въ пользу „азаповъ". Въ этотъ же день родственницы невѣсты привозятъ ей сундукъ съ ея приданымъ, при чемъ каждая изъ нихъ даритъ невѣстѣ что-нибудь съ своей стороны; ихъ тутъ угощаютъ обѣдомъ. Послѣ обѣда начинаются пляски подъ зурну.

Всѣ вещи изъ сундука вынимаются и выставляются на показъ. Кромѣ вещей невѣсты тутъ бываютъ подарки, сдѣланные рукой невѣсты всѣмъ членамъ семьи жениха: носки, платки и пр. Вечеромъ устраивается чай съ ужиномъ, на который приглашается священникъ: онъ долженъ „развязать вѣнецъ", „снять нарот" [2]). Молодые становятся на колѣни передъ священникомъ, „кавор" же держитъ надъ ихъ головами крестообразно обнаженную шашку съ ножнами. Прочитавъ подобающія молитвы, священникъ развя-

---

[1]) „Туман"—10 рублей.

[2]) „Нарот" есть нитки изъ зеленаго и краснаго шелка, которыя священникъ во время вѣнчанья надѣваетъ на шею и руки жениха и невѣсты и концы закрѣпляетъ воскомъ, придавливая крестомъ. Пока „нарот" не снятъ, новобрачные не имѣютъ права всходить на брачное ложе.

зываетъ „нарот", находящійся на рукахъ и шеяхъ молодыхъ, послѣ чего только они могутъ взойти на брачное ложе.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько словъ о тѣхъ юридическихъ обычаяхъ, которые связаны съ бракомъ. О возрастѣ брачущихся мною сказано уже выше, скажу о степеняхъ родства между брачущимися, о разводѣ и о приданомъ невѣсты.

Въ вопросѣ о степеняхъ родства армянская церковь руководствуется постановленіями древнихъ церковныхъ соборовъ и, главнымъ образомъ, указаніями требника и „Канонагирка", т. е. „книги каноновъ". Что-же касается взгляда народа на этотъ предметъ, то надо замѣтить, что онъ вообще не терпитъ браковъ между родственниками, считая ихъ грѣхомъ. Порицаются даже браки между „кавором" и дѣтьми супруговъ, у которыхъ онъ былъ „кавором". Однако нерѣдко мы сталкиваемся съ отступленіями отъ общепринятыхъ правилъ и встрѣчаемъ браки между родственниками.

Что касается развода, то народъ не только не одобряетъ, но даже не признаетъ его, и мужъ скорѣе убьетъ виновную жену, чѣмъ согласится просьбой о разводѣ сдѣлаться „притчей во языцѣхъ". Кромѣ того, во многихъ мѣстахъ разводовъ не случается не потому, что нѣтъ къ этому поводовъ, а вслѣдствіе отсутствія у народа убѣжденія въ возможности развода. Въ вопросѣ о разводѣ церковь руководствуется, на ряду съ существующими законами, церковными канонами.

Приданое. Въ строгомъ смыслѣ слова приданаго у народа не существуетъ, никогда отецъ не даетъ за дочерью ни денегъ, ни имѣній. Родители, соотвѣтственно со своимъ матеріальнымъ положеніемъ и выкупной платой, даютъ ей платья и вещи, которыя дѣвица съ малолѣтства носила на себѣ, или заготовляла сама для себя или для подарка семьѣ жениха, и сундукъ для этихъ вещей. Все это, вмѣстѣ съ деньгами и предметами, которые она получила до и во время свадьбы („касим-бичим", „ерестеснелэ" и пр.), составляютъ ея полную собственность. Вещи, полученныя отъ жениха и его родителей, называются „арнегин", что значитъ „цѣна крови", т. е. возмездіе за лишеніе дѣвственности [1]).

Липаритъ Назарьянцъ.

[1]) См. Зелинскій, С. Народно-юридическіе обычаи у армянъ закавказскаго края.

СМѢСЬ.

Нѣкоторые обряды, примѣты и повѣрья крестьянъ Еремѣйцевской волости Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи.

I.

Во время родовъ считается нужнымъ засвѣтить лампаду передъ иконой, иначе ребенокъ будетъ постоянно хворать; про больного ребенка часто спрашиваютъ: «вѣрно у васъ родился младенецъ безъ огня?». При трудныхъ родахъ зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи, занавѣшиваютъ окна, чтобы никто не сглазилъ, просятъ священника отворить царскія врата и т. д.

Послѣ родовъ кто-нибудь изъ старшихъ въ семьѣ топитъ баню, и туда отправляются роженица съ ребенкомъ и повитуха. Въ баню онѣ идутъ задворками, во избѣжаніе сглаза. Да и раньше повитуху тоже ведутъ къ роженицѣ задворками, а то если увидятъ бабку, идущую на роды, роды будутъ трудные. Въ банѣ повитуха моетъ роженицу и ребенка, растираетъ ей животъ деревяннымъ масломъ, моется сама, а потомъ происходитъ *размываніе*. Родильница и бабка садятся на полокъ или на лавку, лицомъ другъ къ другу и протянувъ ноги. Родильница беретъ непочатый кусокъ мыла и кладетъ между ногами, бабка его поднимаетъ и намыливаетъ имъ кисти рукъ у родильницы, или всю руку по локоть, иногда при этомъ она дѣлаетъ какіе то наговоры. Потомъ родильница намыливаетъ руки повитухѣ, и все это повторяется до трехъ разъ. Далѣе обѣ женщины поливаютъ другъ другу по три раза руки, и этимъ все кончается. Мыло, употреблявшееся при этомъ, поступаетъ въ пользу бабки. Многія бабки говорятъ, что онѣ ни за что не пойдутъ въ повитухи къ другой роженицѣ, пока не размоются съ первой. Размываніе дѣлается съ тою цѣлью, чтобы кто-либо не сдѣлалъ зла бабкѣ или родильницѣ, а если зло и сдѣлано, то при размываніи оно смывается. Мѣстное населеніе считаетъ этотъ обрядъ очень стариннымъ и указываетъ при этомъ на икону, изображающую Рождество Пресвятой Богородицы, гдѣ, между прочимъ, изображено лицо, льющее на руки воду изъ кувшина.

Для того, чтобы отбить жениха у чужой невѣсты, *обираютъ* его ***слѣдъ*** въ то время, когда онъ идетъ на смотрѣнье, или въ какой-нибудь другой моментъ, т. е. срываютъ траву, по которой онъ ступаетъ, или со-

бираютъ землю. Слѣдъ этотъ бросаютъ въ печь или въ навозъ на дворѣ въ надеждѣ, что парню теперь уже пути не будетъ и что онъ не достигнетъ, чего желалъ. Дѣвушка для того, чтобы приворожить къ себѣ какого нибудь парня такъ, чтобы онъ никогда не оставлялъ и не забывалъ ея, старается незамѣтно напоить его своею менструаціонною кровью.

При сватовствѣ сваха, или по-мѣстному «ходатиха», отправляясь въ первый разъ съ женихомъ смотрѣть на невѣсту, должна помочиться у нея на порогѣ, чтобы дѣло было сдѣлано. Въ день сговора у невѣсты утромъ топятъ баню, и невѣста отправляется туда съ подругами. Любопытно, что именно къ этому моменту пріурочивается благословеніе отцомъ дочери, причемъ послѣдняя обращается къ нему съ такимъ причетомъ:

«Ты благослови-ко меня, кормилецъ тятенька,
«Во послѣдніи, во остальніи,
«Во чужую, дальную сторонушку,
«Ко чужому отцу съ матерію».

Отецъ и мать благословляютъ невѣсту иконою, но въ ноги она имъ не кланяется. Отецъ провожаетъ съ иконой дочь въ сѣни и съ иконой же встрѣчаетъ ее на крыльцѣ по возвращеніи изъ бани, иначе она не войдетъ въ избу.

По окончаніи сговорки, когда гости уже разъѣхались и остались только подруги да близкіе родные, невѣста, передъ заплетаніемъ косы, подноситъ свою алую ленту отцу, матери, женатому[1]) брату, крестному отцу, дядѣ, теткѣ и вообще всѣмъ близкимъ родственникамъ. Голова у невѣсты при этомъ покрыта платкомъ, нахлобученнымъ на лобъ, и, поднося ленту на тарелкѣ, дѣвушка причитаетъ:

«Ты кормилецъ, ты мой тятенька,
«Ты прими-ко отъ меня во послѣдніи, во остальніи,
«Изъ русы косы алу ленточку.
«Нагуляться-то я не нагулялася,
«А растеряться-то я растерялася:
«Потеряла я свою дѣвичью красоту».

Отецъ обнимаетъ дочь, беретъ ленту и, подержавъ ее немного въ рукахъ, кладетъ обратно на тарелку вмѣстѣ съ нѣсколькими серебряными монетами, поступающими въ пользу невѣсты.

Гостинцы, которые приноситъ женихъ невѣстѣ, приходя къ ней въ «побывашки», она не должна ѣсть сама до свадьбы, иначе мужъ впослѣдствіи не будетъ любить ее. Поэтому невѣста обыкновенно раздаетъ гостинцы подругамъ.

Ночь наканунѣ свадьбы невѣста не должна спать; утромъ она будитъ ночевавшихъ у нея подругъ такимъ причетомъ:

---

[1]) Изложеніе г. Костоловскаго не отличается точностью, и потому трудно судить, случайно ли онъ упомянулъ именно про *женатаго* брата, или же холостые братья и на самомъ дѣлѣ не принимаютъ участія въ данномъ обрядѣ.

«Вы подруженьки голубушки,
«Спалась-ли вамъ темная ноченька?
«Коротались-ли часы-то долгіе
«На радости-ли и на весельицѣ?
«Вы меня-то сбываете
«И просторъ себѣ наживаете.
«Ужъ вы сбыть-то меня сбудете,
«А по вѣкъ не забудете.
«Вы забудете,—вспомянете,
«Вспомянете и не воротите.
«А мнѣ-то-ли младешенькой

«Не спалася ночька темная
«И не лежались часы то долгіе.
Всю я ноченьку я проходила,
Всѣ я думушки я передумала.
На зарѣ-то я пріуснула,
На восходѣ краснаго солнышка;
Нехорошій сонъ пригрезился:
Будто я, младешенька, заблудилася,
Въ холодной росѣ обмочилася.
Обмочилася я во чужихъ людяхъ,
Обмочилася я въ горючихъ слезахъ.

До вѣнчанія какъ сами женихъ и невѣста, такъ и ихъ родители соблюдаютъ строгій постъ. Къ вѣнцу жениха обуваетъ дѣвочка-подростокъ, а невѣсту—мальчикъ; дѣти должны быть изъ зажиточныхъ семей [1]), а не сироты. Жениху кладутъ въ правый сапогъ ласточкино гнѣздо, въ лѣвый—серебряныхъ денегъ; то же, кажется, дѣлаютъ и съ невѣстой. Молодые, отправляясь въ церковь, захватываютъ съ собой секретно змѣиную чешую, найденную въ лѣсу и засушенную; она должна предохранять отъ всякой порчи. По пріѣздѣ молодыхъ изъ церкви, въ нѣкоторыхъ деревняхъ ихъ ведутъ въ избу не черезъ крыльцо, выходящее на улицу, а черезъ дворъ, чтобы они жили богато. Когда новобрачныхъ отведутъ спать, молодая раздѣвается сперва сама, разуваетъ мужа, беретъ себѣ положенныя въ сапогъ деньги и затѣмъ кланяется мужу въ ноги и проситъ у него позволенія лечь съ нимъ въ постель; онъ ей разрѣшаетъ это словами: «ну, ложись къ стѣнѣ». До дня «отводинъ» молодые, отправляясь спать, каждый разъ кланяются въ ноги отцу съ матерью.

Особый видъ порчи, которую напускаютъ на молодыхъ — *нестоиха*, или неспособность молодого къ супружескому сожительству. Женихъ не можетъ найти у невѣсты дѣтородныхъ частей, а вмѣсто того ему кажется, что онъ ощупываетъ бутылку или вѣникъ. Лѣчатъ нестоиху знахари, «отчерпалки» и другія лица, а для предупрежденія ея молодые привязываютъ къ кресту «пчелиное маточное мѣсто изъ улья».

II.

Выгонъ скота на поле на лѣтнее пастбище всегда пріурочивается къ Егорьеву дню, т.-е. въ 23 апрѣля. Утромъ въ этотъ день хозяйка варитъ яйцо, затѣмъ кто нибудь беретъ свареное яйцо и катаетъ имъ по хребту каждой скотинѣ, начиная съ лошади и кончая овцой. Катаютъ отъ головы къ хвосту и потомъ самое яйцо пускаютъ по навозу. Смыслъ обряда тотъ, чтобы скотъ отгулялся лѣтомъ такъ же кругло, какъ яйцо, и лошади, кромѣ того, бѣгали такъ же быстро, какъ быстро

[1]) Г. Костоловскій, нѣсколько разъ упоминающій про этотъ обрядъ, пріурочиваетъ его то къ Рыбинскому у., то къ Мышкинскому.

покатилось яйцо по навозу. Яйцо въ заключеніе съѣдается тѣмъ, кто продѣлывалъ данную церемонію, а для прочихъ членовъ семьи варятся другія яйца.

Если у кого корова убѣгаетъ на прежнее мѣсто, откуда она куплена, то, чтобы отучить ее отъ этого, хозяйка обмываетъ квашню, въ которой творится хлѣбъ, и этою водою поитъ корову; прежняя же хозяйка должна прогонять ее отъ себя помеломъ; послѣ этого корова уже не будетъ больше убѣгать. Пѣтуху въ подобныхъ случаяхъ обмываютъ водою ноги и поятъ его этою же водою. Купивъ лошадь или корову и выведя ихъ изъ прежней деревни, вырываютъ съ корнемъ первый попавшійся кустикъ, стегаютъ имъ животное и затѣмъ бросаютъ назадъ по дорогѣ. Этотъ обрядъ тоже имѣетъ назначеніе отучить новокупленную скотину отъ возвращенія на прежнее мѣсто.

Ведя корову продавать на ярмарку, останавливаются на самомъ перекресткѣ, доятъ корову и затѣмъ полученнымъ молокомъ обмываютъ ей копыта и дѣлаютъ крестъ на крестцѣ. Дѣлаютъ это въ виду того, что на ярмаркѣ бываетъ всякій народъ, и корову могутъ сглазить, а теперь крестъ на крестцѣ предохраняетъ ее отъ этого.

Когда купятъ корову, а скотъ уже выгнанъ въ поле, многіе хозяева берутъ кусокъ хлѣба, даютъ его обнюхать всѣмъ коровамъ въ стадѣ, а затѣмъ скармливаютъ его своей коровѣ. Послѣ этого корова будетъ хорошо доиться все лѣто, и настой сметаны на молокѣ будетъ больше обыкновеннаго, такъ сказать, перейдетъ отъ коровъ, обнюхивавшихъ хлѣбъ. Другое средство увеличить «снёмокъ» сметаны въ крынкахъ,— ставить ихъ, когда онѣ пусты, непокрытыми, а то хозяинъ, или домовой не любятъ покрытыхъ крынокъ.

Чтобы кобыла не жеребилась, хозяинъ запрягаетъ ее въ косулю ранней весной, когда только что сошелъ снѣгъ, и скотъ еще не выгнанъ въ поле, выѣзжаетъ на свою полосу, останавливается тамъ и обсѣваетъ лошадь кругомъ, начиная съ морды, овсомъ. Если продѣлать это съ лошадью, которая уже жереба, она непремѣнно скинетъ; обыкновенно же это дѣлается надъ порожними лошадьми. Другое средство съ этой цѣлью состоитъ въ томъ, что относятъ борону на гумно или на огородъ и тамъ внутри ея сѣютъ овесъ. Овесъ этотъ еще зеленымъ скармливаютъ кобылѣ, и до тѣхъ поръ борону нельзя принять съ мѣста. Сверхъ того кобылъ кормятъ солодомъ, ольховыми орѣшками и красной мѣдью, которую соскабливаютъ съ стариннаго пятака и даютъ въ хлѣбѣ. Всѣ эти средства противъ того, чтобы лошадь ожеребилась, примѣняются только ранней весной, пока кобыла еще не гуляла въ полѣ съ жеребцами, а нето она «принесетъ борону», т.-е., какъ говорятъ крестьяне, сборонитъ все брюхо, разъ она уже жереба.

При переходѣ въ новый домъ, первымъ во дворъ пускается пѣтухъ, а въ избу кошка. Безъ пѣтуха на дворѣ и скотъ вестись не будетъ, а если и будутъ дойныя коровы, то молоко и масло отъ нихъ получится безвкуснымъ, совершенно «пустымъ». Кошка же первой встрѣтитъ своего хозяина на томъ свѣтѣ.

Съ другой стороны, при переходѣ въ новый домъ сыплютъ во дворѣ прямо на землю овса или льняного сѣмени, застилаютъ его соломой и потомъ уже ставятъ ясли. Подъ ясли кладутъ ломоть черного хлѣба съ солью и ставятъ стаканъ водки; при этомъ произносятъ слова: «Хозяинъ, батюшка, приходи ко мнѣ въ гости хлѣба-соли кушать и мою скотинушку вѣжить». Вино черезъ ночь должно быть выпито, а хлѣбъ съѣденъ домовымъ. Если послѣдній любитъ скотину и заплетаетъ у лошадей гриву, ему осенью въ благодарность ставятъ еще вина подъ ясли.

Изъ полевыхъ обрядовъ наиболѣе интереса представляетъ *пережинъ поля*, къ сожалѣнію, описанный г. Бестоловскимъ довольно неясно. Происходитъ онъ въ ночь наканунѣ 24 или 26 іюня и совершается надъ озимой рожью. «Лицо, занимающееся пережиномъ, въ 12 ч. ночи должно пережать три поля сосѣднихъ деревень. Для этого пережинчикъ становится у крайняго овина деревни и начинаетъ «пережинать» поле, тонко ведя серпомъ полосу выжина, т.-е. идетъ и подсѣкаетъ рожь. Путь при этомъ держитъ наискось, начиная съ крайняго овина, и выходитъ на край овина другой деревни. Пережиномъ занимаются большею частію тѣ люди, которые слывутъ въ народѣ колдунами, знахарями и т. п.; будто бы, колдунъ или знахарь ничего не можетъ сдѣлать, если онъ не пережнетъ три поля у своихъ сосѣдей. Еще этотъ обычай дѣлается для того, чтобы у сосѣда было меньше ржи, а у того, который пережиналъ поле, болѣе, такъ какъ вся пережатая рожь перейдетъ къ пережинчику. Вмѣсто пережинчиковъ сторожащіе крестьяне видятъ иногда большого звѣря или человѣка съ огненными глазами, но въ общемъ за пережинчиками опасаются слѣдить, такъ какъ они могутъ сдѣлать очень много зла. Мельникъ всегда узнаетъ рожь пережинчика, такъ какъ у нея зерно съ кончика обкусано или обломано. Данный обычай пользуется очень широкимъ распространеніемъ, и рѣдкое поле остается не пережатымъ.

Такъ какъ предполагается, что къ пережинчику перейдетъ весь хлѣбъ, сжатый въ первый день, то, во избѣжаніе этого, въ каждой деревнѣ нѣсколько дворовъ наканунѣ условленнаго дня для начала жнитвы выходятъ въ поле и тамъ на дальней полосѣ сжинаютъ по 3 снопа. День, когда начинаютъ жать, называется «зажиномъ», а послѣдній день жнитва «дожиномъ». Въ дожинъ угощаются виномъ, чаемъ и кренделями, поздравляютъ другъ друга съ окончаніемъ работы, а послѣдній снопъ несутъ въ избу, ставятъ въ передкемъ углу на прилавошникъ и сохраняютъ до Покрова. Тогда его раздаютъ понемногу всей скотинѣ, что называется «закармливаніе скота съ осени».

Когда дожинаютъ яровое поле, то оставляютъ небольшую полоску несжатой. Съ нея особо сжинаютъ одинъ снопъ, причемъ жница все время приговариваетъ: «два поля дожавши, третье запахавши, отдай да положь». Сжатый овесъ кладется грудками, а послѣдняя кучка колосьевъ прямо вырывается изъ земли и кидается за спину со словами: «жниво, мое жниво, я тебя жала, силу теряла, вотъ тебѣ жнивье, а мнѣ отдай мою силу». Послѣ этого жницы кувыркаются внизъ головой по полю, выражая этимъ радость по случаю окончанія полевыхъ работъ. Сжатыя

грудки овса пересчитываются и при этомъ приговаривается «четъ» и «нечетъ»; если на послѣднюю грудку придется нечетъ, это означаетъ, что кто нибудь въ семьѣ умретъ или выйдетъ замужъ.

Послѣдній день молотьбы называетъ «замолотки» и его тоже празднуютъ угощеніемъ, какъ и дожинъ.

По матеріаламъ **И. В. Костоловскаго.**

Толки народа объ урожаѣ, войнѣ и чумѣ.

— Правда ли, что скоро явится антихристъ, что наступаютъ послѣднія времена?—Съ такимъ вопросомъ обратилась ко мнѣ въ началѣ марта н. г. одна изъ знакомыхъ крестьянокъ.—Это кто вамъ сказалъ?—спросилъ я.—Это говорилъ солдатъ. Онъ читалъ въ газетахъ, что одинъ ученый написалъ объ этомъ даже книжку. А развѣ въ вашей газетѣ не было о видѣніи?

— Ничего не было. О какомъ видѣніи вы говорите?—Да о пѣтухахъ, о томъ, что въ настоящемъ году уродитъ хлѣбъ, а ѣсть его будетъ некому.—Разскажите.

—Въ одной изъ слободъ Курской губерніи, въ полночь, сторожа стали замѣчать въ церкви огонь. Взглянули въ окно,—видятъ, свѣчи въ ставникахъ предъ алтаремъ горятъ, царскія врата растворены, и изъ алтаря выходятъ одинъ за другимъ три пѣтуха: бѣлый, красный и черный; вышли и стали кричать. Прокричалъ три раза бѣлый пѣтухъ, за нимъ красный и, наконецъ, черный. Прокричали и ушли въ алтарь, вмѣстѣ съ тѣмъ свѣчи потухли, и въ церкви стало темно. Испуганные этимъ видѣніемъ сторожа побѣжали къ священнику и разсказали ему о видѣнномъ. На другой день явленіе повторилось. Такъ какъ ни священникъ и никто изъ прихожанъ не рѣшался остаться на ночь въ церкви, то обратились въ ближайшій монастырь къ схимнику, который и остался провести ночь въ церкви. Вотъ этому то схимнику, когда пропѣвшіе пѣтухи скрылись въ алтарѣ, вышедшій оттуда старикъ (самъ Богъ), объяснилъ значеніе видѣнія, а именно: бѣлый пѣтухъ означаетъ хорошій урожай хлѣбовъ, красный—кровопролитную войну съ китаемъ,—придутъ китайцы, жителей повырѣжутъ, города и селенія пожгутъ. А тѣ изъ русскихъ, которые успѣютъ спастись отъ китайцевъ, помрутъ отъ чумы—это возвѣщаетъ черный пѣтухъ».

П. Ивановъ.

Изъ народныхъ суевѣрій, примѣтъ и обычаевъ Еремѣйцевской волости, Рыбинскаго уѣзда.

Метеніе избы. Народъ нашей мѣстности ни за что не станетъ мести полъ въ избѣ послѣ заката солнца, хотя бы было много сору, такъ какъ вѣритъ, будто послѣ заката солнца замести можно счастье или прибыль дома.

Печь. Наши крестьяне съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ относятся къ своей печкѣ въ домѣ. На печкѣ они отдыхаютъ, грѣются, лѣчатся; старики, собираясь умирать, лѣзутъ на печь и ожидаютъ тамъ конца своей земной жизни. «Задорожка» и та имѣетъ значеніе въ обыденной жизни. «Задорожка» это планка, прибитая къ печкѣ съ боковой наружной стороны, однимъ концомъ вдѣланная въ стѣну, а другимъ—къ столбу, на которомъ утверждаются полати. Задорожка служитъ для того, чтобы удобнѣе было взлѣзть на печку или не упасть съ печки. Чтобы не бояться покойниковъ, за задорожку держатся и, подержавшись, плюютъ на верхъ печки. Весьма многіе для этого открываютъ еще заслонъ отъ устья печки, въ открытую печь поглядятъ недолго и плюнутъ.

Христосовальное яйцо, какъ средство отъ пожара. Первое пасхальное христосовальное яйцо многіе хранятъ на случай пожара. Если поднялся пожаръ, то тѣ, у кого есть такое яйцо, прибѣгаютъ съ нимъ и бросаютъ въ огонь. Вѣрятъ, что отъ этого перво-христосовальнаго яйца пламень утухаетъ. Обычай распространенный.

Закладка дома. При закладкѣ дома на углы бревенъ перваго ряда кладутъ нѣсколько кусочковъ церковнаго ладану и серебряныя монеты: ладанъ—чтобы домовой не шутилъ, а монеты—чтобы богато жить.

Пріобрѣтеніе кошки. Кошка и та въ глазахъ народа служитъ необходимымъ сотрудникомъ человѣческой семьи. Чтобы завести хорошую кошку, поступаютъ такъ: прежде всего уговорятъ кого-ниб. продать кошку, но плата за кошку идетъ самая малая, а именно одно куриное яйцо. Даромъ ее никто не возьметъ: иначе кошка, говорятъ, не будетъ вестись. Когда принесутъ кошку въ домъ въ первый разъ, то поставятъ ее на печной столбъ, который всегда строится рядомъ съ дымовой трубой въ избѣ.

Если переселяются въ новый домъ, то въ него первая впускается кошка,—это для того, чтобы не умеръ человѣкъ, если бы онъ первымъ вошелъ въ домъ, чтобы, вмѣсто человѣка, первая умерла кошка.

Кошку никто не станетъ убивать, такъ какъ вѣрятъ, что и на томъ свѣтѣ она первая встрѣтитъ хозяина.

Разводъ куръ. Для развода куръ, особенно хорошей породы, крестьянинъ никогда не дастъ сосѣду яицъ для высиживанія цыплятъ. Иначе, какъ говорятъ, переведутся всѣ куры. Для развода покупаютъ насѣдку, такъ называемую у насъ «клуху» и сажаютъ ее. О «переводѣ» выражаются, напр., такъ: «Нуукосе, я дала Оксиньѣ яицъ подъ клуху, а она у меня и отвела».

Несеніе яицъ. У крестьянъ куры часто несутъ яйца по чужимъ дворамъ. Такимъ курамъ, чтобы онѣ неслись у себя, остригаютъ въ хвостѣ нѣсколько перьевъ и перья кладутъ въ ея гнѣздѣ.

Племенная овца. Нашъ крестьянинъ никогда не станетъ покупать себѣ овцу «на племя» у сосѣда, но непремѣнно купитъ ее у мясника изъ-подъ ножа, т.-е. такую, которую мясникъ долженъ былъ зарѣзать. Крестьянинъ при этомъ заранѣе проситъ мясника пріискать овцу получше, за что платитъ ему дороже копеекъ на 50 и болѣе. При всемъ этомъ сдѣлка сохраняется въ глубокомъ секретѣ какъ со стороны мясника, такъ и со стороны покупателя. Если владѣлецъ овцы узнаетъ, что мясникъ овцу покупаетъ для кого-ниб. на племя, то ни за что не продастъ: продавши ее, онъ продастъ весь «водъ» своихъ овецъ.

Если у какого-нибудь хозяина не ведутся овцы, то прибѣгаютъ еще къ другому средству, а именно, покупаютъ у мясника овцу на такъ называемые «овсяныя деньги», т.-е. на деньги, вырученныя отъ продажи овса послѣдняго урожая.

Кромѣ того, существуетъ общая примѣта при покупкѣ скота: незамѣтно для хозяина-продавца покупатель старается, уводя вновь-пріобрѣтенную скотину со двора, прихватить небольшую часть навоза, вѣря, что вмѣстѣ съ навозомъ онъ уноситъ весь «водъ» скота у хозяина-продавца.

О приплодѣ у лошадей. Если у крестьянина лошадка «берёжа» (жерёба) и ему надо узнать, что̀ принесетъ она—жеребчика или кобылку, то замѣчаютъ: если во вторую половину беременности она опускаетъ брюхо книзу, то принесетъ жеребчика, а если подымаетъ брюхо кверху, то—кобылку. Когда лошадь «вымнуетъ» и если будетъ больше правая сторона вымени, то принесетъ жеребчика, а если лѣвая, то—кобылку.

Приводъ скотины-новокупки. При покупкѣ скота держатся слѣдующаго обычая.

Когда корову подведутъ къ дому новаго хозяина, то послѣдній долженъ встрѣтить новокупку изъ открытаго окна своей избы хлѣбомъ съ солью и скормить его новокупкѣ. Послѣдняя называется еще «новолитка» отъ обычая «пить новые литки». Далѣе: когда новокупленную скотину вводятъ во дворъ, то хозяинъ долженъ у подворотни постлать свой поясъ, который самъ всегда носитъ. Кладется еще и замо̀къ, которымъ запирается домъ. Новокупка должна черезъ замокъ (или черезъ желѣзо) и поясъ перешагнуть. Замку, и вообще желѣзу, придаютъ волшебную силу: скотину, перешагнувшую черезъ нихъ, никто не уведетъ со двора.

Сломаный коровій рогъ. Если у кого-либо корова сломаетъ рогъ, то непремѣнно надо рогъ найти и опустить въ свой колодецъ. Это связано съ повѣрьемъ, будто бы отъ сломаннаго рога убавляется удой скота.

Повѣрья въ разныхъ шишко̀въ. Шишко или шишокъ есть нечистая сила. Если заблудился кто въ лѣсу, ушелъ надолго изъ дому, то говорятъ: «Ну, запропастился, вѣрно его шишо̀къ увелъ». Лѣсовой шишокъ, говорятъ, принимаетъ на себя видъ сосѣда, товарища, подруги, знакомаго, является въ этомъ видѣ къ человѣку въ лѣсу и заводитъ его.

Чтобы избавиться отъ шишка, если онъ завелъ кого въ лѣсъ, дѣлаютъ слѣдующее: выворачиваютъ шубу, которая надѣта на заблудившагося человѣка, еще выворачиваютъ голицу, т.-е. рукавицу,—въ такомъ одѣяніи выходятъ будто бы изъ заклятаго мѣста. Случается, что заблудится цѣлая партія въ лѣсу, тогда всѣ должны выворачивать верхнія одѣянія, а бабы выворачиваютъ платья наизнанку. Здѣсь же читаютъ и молитвы, какія кто знаетъ. Тѣ мѣста, на которыя заводитъ шишко, называютъ: «нечисто мѣсто». Есть также и свои названія каждому: «Чортово болото», «Кобылья лужа», «Нечистый бочагъ» и т. п.

Близъ г. Углича говорятъ, что лѣсовой, когда станетъ въ лѣсу уходить отъ человѣка, то станетъ расти и выростетъ съ большую сосну; здѣсь и догадываются, что это доковой.

Подобно лѣсовому шишку народъ представляетъ себѣ и шишка водяного. Его роль замѣтна больше всего въ селеніяхъ, расположенныхъ по рѣкамъ. Многіе представляютъ его себѣ въ видѣ длинноволосой женщины, которая моется въ большихъ бочагахъ. Многіе, когда ѣдутъ вѣнчаться, опоясываютъ себя по голому тѣлу неводомъ, чтобы избавиться отъ шишка водяного. Если вытащатъ утопленника, покрытаго синяками, то это значитъ, какъ думаютъ здѣсь, что водяной шишко утопилъ человѣка. Пищей водяного считаютъ рыбу «налимъ».

Въ банѣ тоже есть свой шишокъ, котораго зовутъ «банный шишко». Онъ будто бы живетъ въ банѣ подъ полкомъ,—и баня у народа считается нечистой; въ ней даже и святыхъ иконъ не вѣшаютъ.

Есть шишокъ и въ домѣ. Его называютъ еще хозяиномъ домовымъ; онъ живетъ во дворѣ подъ яслями. Во дворѣ онъ даетъ кормъ скоту или гладитъ скотъ. Онъ всегда имѣетъ человѣческій видъ хозяина дома, б. ч. уже умершаго, или старшаго въ семьѣ: дѣда, бабушки и т. д. Если кто увидитъ домового хозяина въ образѣ уже умершаго члена семьи, то это—къ благополучію; если же онъ представится въ видѣ живущаго члена семьи, то это признакъ неблагопріятный: человѣкъ, въ образѣ котораго явился домовой, умретъ въ этомъ году. Самое явленіе это, говорятъ, съ того уже свѣта. Хорошее дѣйствіе въ домѣ приписывается желѣзу. Не говоря уже о подковѣ у дверей, весьма многіе вообще имѣютъ при себѣ желѣзо, какъ противодѣйствіе худому.

Дорога домового. Дорога домового, по понятію народа, существуетъ во всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ ни находился: въ избѣ, въ амбарѣ, въ банѣ и т. д. Въ избѣ, напр., никто не ляжетъ на пути въ дверяхъ, какъ бы ни тѣсно было въ избѣ; не ляжетъ и посреди избы, суевѣрно опасаясь загородить дорогу домовому, хозяину, который по ночамъ осматриваетъ хозяйство. Вѣрятъ, что домовой можетъ напустить хворь на человѣка, который ляжетъ ему на пути. «Нуко, кормилица», говорила одна крестьянка другой: «ономня я ночевала у свахи да и легла на дорогѣ, а домовой ночью хворь несъ да на мнѣ и оставилъ,—вотъ все и хвораю». Спать ложатся всегда головами къ передней стѣнѣ, гдѣ иконы, никогда никто не станетъ ложиться къ переднему углу ногами. Говорятъ, что только покойниковъ ставятъ ногами впередъ и то въ церкви. «Въ

избѣ умершихъ кладутъ къ переднему углу, къ образамъ головами; выносятъ ногами впередъ.

Синяки „Намноя“. «Намноемъ» зовется у насъ нечистая сила, которая приходитъ къ человѣку, когда тотъ спитъ. Намной дѣлаетъ человѣку во время его сна синяки на тѣлѣ; если синяки эти будутъ болѣть, то значитъ—къ худу; если—нѣтъ, то все пройдетъ благополучно. Въ Угличскомъ уѣздѣ говорятъ прямо: «ночью меня домовой (а не намной) исщипалъ».

Наваливаніе „стѣни.“ Подъ «стѣнію» народъ разумѣетъ нечистую силу и ея боится. Когда человѣкъ спитъ и на него навалится стѣнь, станетъ давить спящаго, то послѣдній долженъ непремѣнно спросить у стѣни: «къ добру или къ худу?»—Стѣнь будто бы дастъ отвѣтъ человѣку: «къ добру» или «къ худу».

Вѣтеръ-крышешникъ. Вѣтеръ, вихорь, особенно весною, поднимется съ такою силою, что срываетъ все по пути, даже крыши зданій: амбаровъ, избъ и т. д. Крышъ много изъ соломы. Этотъ вѣтеръ называется «вѣтеръ-крышешникъ». Вѣрятъ, что въ этомъ вихрѣ переносится нечистая сила съ мѣста на мѣсто; поэтому всѣ крестятся во время вихря, а нечистаго въ немъ зовутъ еще «дѣдушка безрукой»; «дѣдушка безрукой пошелъ, говорятъ, ломать крыши».

Предвѣстники весны. Когда наканунѣ весны снѣгъ еще лежитъ и не показались проталины, но уже прилетятъ жаворонки и запоютъ сверху, то это самый вѣрный признакъ, что скоро откроется весна; на третьи сутки будетъ водополь.

Весенній ледоходъ. Жители береговыхъ приволжскихъ деревень утверждаютъ, будто ледъ на Волгѣ всегда проходитъ въ концѣ того времени, когда долгота дня равна 14 часамъ, а долгота ночи 10 часамъ, а также при наступленіи 15-го часа долготы дня. Счетъ часовъ ведутъ по псалтыри, гдѣ подъ седьмымъ числомъ мѣсяца апрѣля говорится, что «день имать часовъ 14, а ночь 10».

Жители береговыхъ селеній говорятъ также: «ледъ не пойдетъ, если на рѣкѣ не утонетъ весною 12 человѣкъ». Повѣріе это далеко протянулось вдоль Волги: около Калязина, Углича, Мышкина, Мологи, Рыбинска и Ярославля.

Сюда же относится и народная поговорка: «Родивонъ—ледоломъ, а Антипа—водополъ».

Весенняя примѣта о грибахъ. Когда стаетъ на поляхъ снѣгъ и въ западинкахъ, гдѣ лежалъ снѣгъ, образуется плѣсень, то это признаютъ за вѣрный признакъ большого урожая грибовъ лѣтомъ.

Примѣта о первомъ громѣ. Заквакиваніе лягушекъ весною признается за вѣрный признакъ, что уже былъ весною громъ, хотя бы его и не слыхалъ никто: безъ грома онѣ, говорятъ, не заквакиваютъ весною.

О хорошей погодѣ. Стелющіяся по землѣ тенета (паутина), говорятъ, вѣрный признакъ къ хорошей погодѣ, къ теплой и продолжительной.

Ив. Костоловскій.

Къ литературѣ „Сна Богородицы".

Ив. Вас. Костоловскимъ изъ Рыбинскаго уѣзда присланъ въ Этнографическій Отдѣлъ рукописный «Сонъ Богородицы»; при этомъ г. Костоловскій указываетъ, что съ этимъ «Сномъ» въ ихъ мѣстности всѣ вѣнчаются, всѣ въ него вѣруютъ, читаютъ его у постели умирающихъ.

Критика и библіографія.

Къ столѣтнему юбилею присоединенія Грузіи къ Россіи. (*Библіографическая замѣтка*).

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ 1801-мъ году, Грузія была присоединена къ Россіи. Трудно себѣ представить жизнь болѣе печальную и болѣе богатую кровавыми событіями, чѣмъ жизнь небольшой горсти грузинскаго народа, на долю котораго всегда выпадали первые, наиболѣе сильные удары дикихъ, суровыхъ племенъ Азіи, не признававшихъ въ борьбѣ съ противникомъ никакихъ границъ своей жестокости; трудно себѣ представить условія историческаго развитія болѣе неблагопріятныя, чѣмъ тѣ условія, въ какія была поставлена Грузія: она нѣсколько разъ теряла свою политическую свободу и всю жизнь боролась за вѣру; цѣлые годы у ней часто уходили на то, чтобы возстановить свои развалины и изъ груды пепла снова создать на тѣхъ же мѣстахъ города и деревни,— и всетаки въ этихъ трудахъ и условіяхъ жизни она до послѣднихъ дней не утратила своего національнаго типа, не лишилась своей культурной своеобразности. Въ настоящее время Грузія продолжаетъ свое развитіе въ томъ же направленіи, въ какомъ она шла и сто лѣтъ тому назадъ. Мѣняются только воздѣйствующіе культурные факторы, рамки же ихъ воздѣйствія, основы, такъ сказать, культурнаго развитія народа, осложняясь по мѣрѣ общаго хода развитія въ качественномъ отношеніи, сообразно съ силой и характеромъ воздѣйствующаго фактора, и теперь остаются тѣми же. Грузія при византійскомъ вліяніи и Грузія при совершенно иномъ по своему характеру западно-европейскомъ вліяніи, черезъ посредство Россіи, въ основахъ своего развитія остается все же Грузіей, прикрывая свою физіономію различною вуалью, то византійскаго, то западноевропейскаго издѣлія. Воздѣйствующій въ извѣстный моментъ историческаго развитія народа культурный факторъ оставляетъ на немъ свой осадокъ, а идущій ему на смѣну другой дѣятель, такъ или иначе воспринявъ въ себя то, что было сдѣлано его предшественникомъ, къ прежней суммѣ прибавляетъ и кое-что свое новое. Такимъ образомъ, осложняясь въ качественномъ отношеніи, основа развитія народа—его физическій и нравственный типъ, созданный условіями историческаго развитія въ данной

мѣстности,—превращается въ культурно-историческій типъ, который составляется изъ основы развитія народа плюсъ извѣстная надъ нею надстройка, созданная временемъ исторической жизни народа. Раскрыть процессъ взаимодѣйствія различныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ культурнаго типа въ связи съ общимъ ходомъ событій исторической жизни народа—вотъ интереснѣйшая задача, рѣшеніе которой представляется историку Грузіи. Въ исторіи Грузіи намѣченные нами элементы развитія выступаютъ, кажется, особенно рѣзко, опредѣленно и законченно, и это обстоятельство еще болѣе увеличиваетъ ея интересъ для читателя.

Какъ о Грузіи, такъ о ея исторіи, о народѣ грузинскомъ русское общество имѣетъ очень мало свѣдѣній. Преинтереснѣйшая исторія политическаго и общественнаго развитія Грузіи—это, какъ мы сказали, упорная борьба ея за свою политическую и религіозную свободу съ народами сосѣдней Азіи, богатѣйшіе памятники древней письменности и искусства, современная литература и языкъ — все это въ большинствѣ случаевъ остается почти неизвѣстнымъ для русскаго читателя, не говоря уже о томъ, что мы, русскіе читатели, почти ничего не знаемъ даже о такомъ изслѣдователѣ исторіи и языка Грузіи, какъ, напр., нашъ академикъ Марій Броссе, приглашенный въ Россію изъ Парижа въ 1837 г. и въ теченіе болѣе сорока лѣтъ поработавшій надъ изданіемъ, комментированіемъ и переводами грузинскихъ историко-географическихъ и литературныхъ памятниковъ.

Чѣмъ объяснить такое невниманіе? Дальностью ли разстоянія, отсутствіемъ ли свѣдущихъ лицъ, недостаткомъ ли энергіи и исторической любознательности въ туземномъ населеніи, которое, казалось, всячески должно было бы содѣйствовать наиболѣе широкому распространенію въ русскомъ обществѣ знаній о своей родинѣ?

Съ 1900 года при Московскомъ университетѣ открыта каѳедра грузинскаго языка. Раньше у насъ такая уже существовала на факультетѣ восточныхъ языковъ въ С.-Петербургскомъ унив. и въ Москвѣ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ. Вмѣстѣ съ открытіемъ новаго курса грузинологіи въ Московскомъ университетѣ, можно надѣяться, значительно расширятся и наши свѣдѣнія по исторіи Грузіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ откроется возможность и болѣе широкому кругу общества знакомиться съ тѣми вопросами по изученію языка, исторіи и этнографіи, которые до сихъ поръ, будучи тѣсно связаны съ исторіей Грузіи, составляли предметъ изученія только небольшого круга любителей и спеціалистовъ.

Въ самое послѣднее время ознакомленію болѣе широкихъ круговъ русскаго общества съ исторіей и литературой Грузіи въ значительной мѣрѣ содѣйствовалъ своими работами проф. Лазаревскаго института и прив.-доц. Московскаго универс. А. С. Хахановъ. По случаю столѣтія со дня присоединенія Грузіи къ Россіи онъ помѣстилъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ статей по исторіи, языку, отчасти и литературѣ Грузіи. Такъ, напр., въ журналѣ «Кавказск. Вѣст.» за 1901 г., № 2, была напечатана его вступительная лекція, читанная имъ въ Московскомъ унив. 16-го сент. 1900 г., —

«Грузинологія среди предметовъ историко-филологич. факультета», въ которой авторъ въ общихъ чертахъ знакомитъ читателя съ исторіей изученія грузинскаго языка на Западѣ и въ Россіи, затрогиваетъ вопросъ о мѣстѣ грузинскаго языка среди другихъ языковъ, останавливаясь на мнѣніяхъ по этому поводу Боппа, Броссе, Макса Мюллера, вѣнскаго проф. Фридриха Мюллера, проф. университета въ Грацѣ Гуго Шухардта, говоритъ о грузинскомъ алфавитѣ и приводитъ гипотезу краковскаго профессора Абихта, о заимствованіи св. Кирилломъ буквъ славянской азбуки изъ грузинскаго алфавита черезъ посредство грузинъ-иноковъ аѳонскихъ обителей; здѣсь же авторъ даетъ, наконецъ, общую характеристику культурнаго и историко-литературнаго развитія Грузіи въ связи съ краткимъ обзоромъ различныхъ вліяній, которыя переживалъ грузинскій народъ въ различныя эпохи своей исторіи.

Въ Юбилейномъ Сборникѣ, изданномъ въ честь Всев. Ѳ. Миллера еще въ 1900 г., тотъ же авторъ помѣстилъ статью — «Нѣкоторыя черты строя и культуры древней Грузіи по даннымъ археологіи и этнографіи». Въ этой статьѣ проф. Хахановъ говоритъ о древнѣйшемъ мѣстѣ родины грузинъ, о заселеніи ими кавказской территоріи, о родовомъ складѣ общественной жизни, родовыхъ отношеніяхъ у древнихъ грузинъ по даннымъ грузинской лѣтописи «Картлисъ-Цховреба» и по Страбону, о родоначальникахъ — Картлосѣ Мцхетосѣ и Уплосѣ, о почитаніи душъ умершихъ предковъ, о разселеніи древнихъ грузинъ и ихъ торговыхъ отношеніяхъ.

Въ первой кн. «Русск. Мысли» за 1901 годъ тѣмъ же авторомъ напечатана статья — «Къ столѣтію присоединенія Грузіи къ Россіи» (Юридическіе акты), въ которой онъ опять затрогиваетъ вопросъ о предкахъ древнѣйшихъ грузинъ и извѣстіяхъ о нихъ и ихъ странѣ у библейскихъ пророковъ Моисея и Іезекіиля, у римлянъ и грековъ, говоритъ о роли древней Грузіи въ торговомъ отношеніи среди различныхъ народовъ Востока, о главныхъ моментахъ исторіи объединенія Грузіи и развитія ея политическаго могущества, начиная со временъ Фарнаваза (въ III в. до Р. Хр.) и кончая эпохой Ираклія II (род. въ 1721 г.), въ связи съ развитіемъ дипломатическихъ сношеній между русскимъ правительствомъ и грузинскими царями. Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ приводитъ весьма интересные трактаты 24-го іюля 1783 г. и 23 ноября 1799 г. а также и нѣкоторые другіе юридическіе акты, касающіеся послѣднихъ дней жизни Грузинскаго царства, и говоритъ о ихъ вліяніи на общественную и политическую жизнь грузинскаго народа.

Въ первой же книгѣ «Вѣстника Европы» за 1901 г. имъ помѣщена статья: «Столѣтняя годовщина присоединенія Грузіи къ Россіи». Эта статья отличается наибольшей полнотой, и въ ней даны указанія на литературу по исторіи Грузіи.

Интересную замѣтку о Грузіи по тому же поводу А. С. Хахановъ помѣстилъ и въ «Русскихъ Вѣд.» (январь 1901 г.). Наконецъ, въ журналѣ «Вѣстникъ всемірной исторіи» за 1901 г. № 2 напечатана имъ статья — «Прошлое Грузіи», представляющая краткій очеркъ исторіи Грузіи и по характеру своего изложенія очень близко подходящая къ болѣе

полной его же работѣ, изданной отдѣльною книгой на французскомъ языкѣ—«Histoire de Géorgie, publiée sous la direction de M. Raphaël Isarloff. Aperçu géographique et abrégé de l' Histoire et de la Litterature géorgiennes». Par M. A. Khakhanoff. Paris—Tiflis 1900 г.

Напомнимъ читателю аналогичную работу проф. А. Цагарели въ «Энцикл. Слов.» Бр. и Эфр. т. IX-а, стр. 795—«Грузія», а также вступительную статью къ изданію—«Georgische Dichter. Uebersetzt von Arthur Leist Dresd. u Leipzig 1900 г.

„Histoire de Géorgie“ какъ читаемъ въ предисловіи, была издана для болѣе близкаго ознакомленія посѣтителей кавказскаго отдѣла на Парижской Всем. выставкѣ 1900 г. не только съ географическимъ положеніемъ Грузіи и ея естественными богатствами, но также и съ ея исторіей, богатой событіями геройскаго патріотизма и замѣчательными фактами культурнаго развитія. Изданіе снабжено цѣлымъ рядомъ снимковъ съ различныхъ видовъ Грузіи, съ портретовъ извѣстныхъ дѣятелей грузинской исторіи и литературы, а также снимками съ памятниковъ древне-грузинской церковной архитектуры и скульптуры «съ цѣлью дать читателямъ наглядное представленіе о декоративномъ искусствѣ и древнемъ орнаментѣ въ Грузіи». Въ составъ содержанія книги входятъ слѣдующія отдѣльныя части: 1. Географическій очеркъ Грузіи (7—10 стр.); 2. Начало грузинскаго царства и первые его цари (13—15); 3. Введеніе Христіанства и первые его успѣхи въ Грузіи (16—24); 4. Очеркъ исторіи Грузіи съ IV-го до конца VI-го вѣка (25—33); 5. Грузія подъ арабскимъ владычествомъ и династія Багратидовъ (34—37); 6. Очеркъ исторіи Грузіи съ IX-го по XII ст. Давидъ Возобновителъ (38—46); 7. Вѣкъ Тамары (1184—1212). (47—53); 8. Очеркъ исторіи Грузіи въ эпоху ея раздробленія на нѣсколько независимыхъ государствъ (54—65;) 9. Царь Вахтангъ VI (66—74); 10. Очеркъ сношеній Грузіи съ Россіей. XVI—XVIII стол. (77—84); 11. Грузинская литература (85—112).

Полный обзоръ исторіи грузинской литературы данъ А. С. Хахановымъ въ его капитальномъ трудѣ: Очерки по исторіи грузинской словесности. Выпуски I. II. III (въ общемъ—болѣе 1000 стр.,). Москва 1895, 1897, 1901 г.

Не смотря на конспективность изложенія, «Исторія Грузіи» проф. А. Хаханова, останавливая вниманіе читателя на политическомъ состояніи и условіяхъ культурнаго развитія народа въ отдѣльныя эпохи его историческаго существованія, въ общемъ своемъ изложеніи даетъ ясную картину исторіи Грузіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ ея существованія и кончая обзоромъ ея ближайшихъ къ намъ современныхъ литературныхъ дѣятелей. Исторія Грузіи, говоритъ проф. Хахановъ, «это рядъ превратностей, которыя пришлось пережить народу. Огонь и мечъ сдѣлались самымъ обыкновеннымъ, вполнѣ нормальнымъ явленіемъ въ его жизни. Можно только удивляться тому, какъ эта горсть людей среди раздоровъ и безпорядковъ, среди набѣговъ различныхъ народовъ сохранила не только свою національную индивидуальность, но и свою вѣру, свою литературу и свой языкъ. Послѣ столькихъ тяжкихъ потрясеній, этотъ народъ пере-

жилъ могущественныя націи древняго міра. Съ весьма оригинальнымъ образомъ своего правленія и своеобразной феодальной организаціей, безъ какой бы то ни было поддержки и содѣйствія, съ рѣдкими проблесками славы и могущества онъ дожилъ до начала XIX ст. и на порогѣ его сложилъ свое оружіе предъ единовѣрнымъ государствомъ, вручивъ его великодушію свои судьбы для того, чтобы, обезпеченный возможностью преуспѣвать въ мирномъ благоденствіи для своего интеллектуальнаго развитія, онъ могъ стать причастнымъ европейской цивилизаціи».

Интересные вопросы, связанные съ исторіей Грузіи, любопытные факты и событія культурно-историческаго развитія ея народа, общедоступное изложеніе, легкость языка — все это дѣлаетъ «Исторію Грузіи» проф. Хаханова весьма полезною и вполнѣ подходящею книгою для общаго ознакомленія съ географіей, исторіей, языкомъ и литературой Грузіи.

Н. Державинъ.

И. Стешенко. Поэзія И. П. Котляревскаго. *(Къ столѣтнему юбилею его Энеиды). 1. Котляревскій и Осиповъ. 2. Котляревскій въ свѣтѣ критики. Кіевъ. 1898. Стр. 1—232.*

Произведенія т. н. творца новой малорусской литературы И. П. Котляревскаго имѣютъ такое важное этнографическое значеніе, что вполнѣ умѣстно поговорить на страницахъ «Этнографическаго Обозрѣнія» о книгѣ г. Стешенка. Общая мысль первой части труда г. Стешенка, носящей заглавіе: «Котляревскій и Осиповъ», вкратцѣ заключается вотъ въ чемъ. Форма перелицованной малорусской Энеиды Котляревскаго вполнѣ сходна съ формою перелицованной русской Энеиды Осипова какъ по стихотворному размѣру, такъ и по построенію строфъ; по содержанію же многія строфы обѣихъ Энеидъ, малорусской и русской, совпадаютъ довольно близко, а иныя—почти буквально; но такъ какъ Энеида Осипова вышла въ 1791 году, а Энеида Котляревскаго ужъ въ 1798 году, то надо заключить, что подражалъ Котляревскій Осипову, а не Осиповъ Котляревскому. Справедливость этого заключенія подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ обѣихъ Энеидахъ есть мѣста, вполнѣ сходныя съ болѣе ранней пародической Энеидой Блумауэра (1784), написанной на нѣмецкомъ языкѣ, котораго Котляревскій, по свидѣтельству біографовъ, не зналъ; совпаденія Котляревскаго съ Блумауэромъ могутъ объясняться, значитъ, только тѣмъ, что Блумауэромъ пользовался Осиповъ, а Осиповымъ Котляревскій. Достаточно было бы страницъ даже четырехъ, чтобы вполнѣ научно мотивировать эти положенія; но г. Стешенко счелъ нужнымъ произвести это на 82 страницахъ довольно мелкой печати. Такой большой объемъ происходитъ не столько отъ обстоятельности въ дѣлѣ изслѣдованія, сколько отъ нагроможденія ненужныхъ сырыхъ матеріаловъ, отъ частыхъ повтореній одной и той же мысли и отъ наклонности опровергать такія догадки, которыя едва-ли могли кому-нибудь прійти въ голову. Взглянемъ для образца на стр. 34—37, гдѣ у г. Стешенка приведены параллельныя выписки изъ Энеиды Котляревскаго и Энеиды Осипова и гдѣ въ числѣ параллелей есть, напримѣръ, такія:

Котляр.:

А потім смерть до артикулу
Ім оддала косою честь,
На перед стоя калавуру,
Який у її мосці есть.

Осиповъ:

Потомъ имъ смерть косой своею
Отбрякнула по свойски честь,
Ведя толпами за собою
Все, что у ней въ командѣ есть.

Предсказанія Сивиллы:

Котляр.:

Борщів як три не поденькуєш,
На моторошні засердчить.
І зараз тяглом закишкуєш,
І в буркоті закеньдюшить.
Коли ж що папхом з' язикаєш
І в тереб добре зживотаєш,
То на веселї запутрить.

Осиповъ:

Какъ ѣдки трои не посутчишь,
Такъ на тошнѣ заживотитъ.
На всемъ нытьѣ ты пожелудчишь
И на ворчалѣ забрюшвитъ.
А если позубить жевало,
Не засердчитъ ужъ тосковало,
И все уйдило прочь сгруститъ.

Описаніе благородной женской красоты:

Котляр.:

Таке дївча—кусочок ласий:
Заслинишся, як глянеш раз...
Що ваші гречеськи ковбаси!
Що ваш первак грушевий квас!
Завійниця од неї вхопить,
На голову насяде клопіт,
А може тьохне і не там:
Поставить рогом ясні очи,
Що не доспиш Петрівськой ночи,—
Те по собі я знаю сам.

Осиповъ:

На лакомый такой кусочекъ
И нехотя разинешь ротъ:
Зачешется, небось, усочекъ,
И мигомъ подведетъ животъ...
Развѣсишь отъ звѣванья нюни,
Покажутся на губѣ слюни,
И поневолѣ дрожь пройметъ;
Заекаетъ, какъ отъ испуга,
Сердчишко, будто отъ натуга.
Ничто на умъ ужъ не пойдетъ!

Окончивши эту послѣднюю порнографическую выписку, г. Стешенко говоритъ: «Прежде всего напрашивается обычный въ такихъ случаяхъ вопросъ: не является ли близость между обѣими передѣлками именно потому, что авторы одинаково пользовались общимъ первоисточникомъ— Энеидой *Вергилія?* Но небольшая доза сообразительности (даже очень небольшая! *А. К.*) и, кромѣ того, самое сравненіе общихъ мѣстъ славянскихъ передѣлокъ съ римскимъ ихъ оригиналомъ даетъ на упомянутый вопросъ чисто отрицательный отвѣтъ» (стр. 34). Высказавши свою увѣренность, ч небольшая доза сообразительности избавитъ читателя отъ мысли искат у Вергилія военныхъ артикуловъ смерти, шутовского языка Сивиллы и скабрезныхъ описаній дѣвственной красоты, г. Стешенко все-таки посвящаетъ затѣмъ стр. 34—37 доказательствамъ, что серіозный характеръ Вергиліевой національной поэмы не допускаетъ сатирическаго, насмѣшливаго отношенія къ національнымъ богамъ и героямъ, и что Вергилій не могъ же писать самъ на себя пародію. Для какихъ дикарей-читателей предназначено это обстоятельное разъясненіе, не понятно. Во всякомъ случаѣ, оно совершенно напрасно занимаетъ немало мѣста въ книгѣ Стешенка, который, занявшись сличеніемъ чисто внѣшней стороны разныхъ Энеидъ, упустилъ изъ виду сличеніе ихъ *внутренняго* родства или неродства, т.-е. выясненіе самостоятельности

Котляревскаго. Правда, г. Стешенко много разъ повторяетъ, что малорусская Энеида Котляревскаго, несмотря на свою подражательность русской Энеидѣ Осипова, есть произведеніе вполнѣ самостоятельное, потому что отличается талантомъ и юморомъ, котораго нѣтъ у Осипова. Но *въ чемъ же*, собственно, виденъ неталантъ Осипова и самостоятельный талантъ Котляревскаго? Отъ литературнаго изслѣдованія, озаглавленнаго «Котляревскій и Осиповъ» и трактующаго о независимости новой малорусской литературы, мы вправѣ ждать отвѣта прежде всего на *этотъ* вопросъ. Въ трудѣ П. И. Житецкаго «Энеида Котляревскаго» (вышедшемъ уже послѣ появленія въ свѣтъ книги г. Стешенка) показано фактически, осязательно и обстоятельно, какимъ образомъ Котляревскій влагалъ и юморъ и талантъ въ передѣлку бездарнаго сочиненія Осипова. У г. Стешенка этотъ самый существенный пунктъ совершенно не выясненъ, хотя въ то же время изслѣдователь, какъ видимъ, считалъ нужнымъ удѣлять время излишнему и несущественному опроверженію мнѣній тѣхъ воображаемыхъ читателей, которые вздумаютъ искать Сивиллу-шутовку у Вергилія.

Совершенно иначе написана г. Стешенкомъ первая часть второго отдѣла его книги, озаглавленнаго: «Котляревскій въ свѣтѣ критики». Изслѣдователь тщательно ознакомился со всѣмъ, что когда-либо писано было о Котляревскомъ съ 1816-го года, не исключая даже самыхъ мелкихъ замѣтокъ и случайныхъ, попутныхъ упоминаній въ одну-двѣ строки. Хронологическому обозрѣнію и подробному изложенію всѣхъ свѣдѣній и отзывовъ о Котляревскомъ посвящены стр. 83—151 его книги, т.-е. болѣе трети. Помнится, гдѣ-то въ печати было недавно указано, что г. Стешенко долженъ былъ употребить на свой трудъ болѣе года, и этому повѣрить можно, такъ-какъ ему приходилось усердно рыться во всякихъ старинныхъ изданіяхъ, рѣдкихъ и малодоступныхъ,—напримѣръ, въ провинціальныхъ газетахъ. Тѣ отзывы и мнѣнія о Котляревскомъ, которые носятъ характеръ, благопріятный для него, г. Стешенко только излагаетъ, а неблагопріятные сопровождаетъ небольшими полемическими замѣчаніями. Такимъ образомъ, кропотливый трудъ его совершенно ясно показываетъ эволюцію взглядовъ общества (и обыкновенной читающей публики, и ученыхъ историковъ литературы) на дѣятельность Котляревскаго.

Сдѣлавши обзоръ чужихъ воззрѣній, г. Стешенко старается подвести имъ резюме и, ужъ отъ себя, окончательно опредѣлить историческое значеніе литературной дѣятельности Котляревскаго и эстетическія достоинства его произведеній: «Перелицьованої Энеїды», «Оды до князя Куракина», «Наталки-Полтавки» и «Москаля-Чарівника». Этотъ отдѣлъ (стр. 151—200)—самая слабая часть въ изслѣдованіи г. Стешенка. Требуется, напримѣръ, прежде всего рѣшить вопросъ, была ли пародированная Энеида Котляревскаго, панегирическая «Ода до князя Куракина» и прочія его произведенія достойнымъ, національнымъ проявленіемъ малорусскаго духа, или же, какъ утверждалъ Кулишъ, это была антинаціональная балаганщина, предназначенная для потѣхи обрусѣлыхъ пановъ, насчетъ простого народа, и крайне обидная для малорусскаго національнаго самосознанія.

Единственнымъ способомъ рѣшить этотъ вопросъ фактически, а не апріорно, было бы научное сличеніе произведеній Котляревскаго съ цѣлымъ рядомъ произведеній малорусской литературы XVIII вѣка. Такое сличеніе (теперь уже произведенное П. И. Житецкимъ) выяснило бы тѣсную, органическую, генетическую связь Котляревскаго съ прежней малорусской литературой, показало бы, что перелицованная Энеида является больше всего прямымъ продолженіемъ литературы «дяків-пиворізів», а драматическія произведенія Котляревскаго, въ частности,—преемственнымъ продолженіемъ малорусскихъ интерлюдій, что, однимъ словомъ, по выраженію Житецкаго—«корни Энеиды лежатъ въ ея прошломъ». Разъ это выяснено, то ужъ излишнимъ дѣлается самый вопросъ, патріотомъ ли былъ Котляревскій или непатріотомъ. Необходимость такихъ историческихъ изслѣдованій сознаетъ самъ г. Стешенко, и въ заключительномъ отдѣлѣ своей книги онъ настойчиво утверждаетъ, что сочиненія Котляревскаго—преемственное продолженіе малорусской литературы XVIII столѣтія, но *какъ* и *въ чемъ* видна эта преемственность—этотъ вопросъ г. Стешенкомъ не выясненъ; научныхъ изслѣдованій и сличеній въ области старинной малорусской литературы г. Стешенко не предпринимаетъ, и такимъ образомъ для доказательства національной серіозности перелицованной Энеиды у него остаются преимущественно апріорныя соображенія о малорусскомъ патріотизмѣ Котляревскаго, которыя, конечно, всегда есть возможность оспаривать. Приведу наиболѣе характерныя мѣста изъ стр. 152—154: «У Осипова, автора русской перелицованной Энеиды, было цѣлью дать каррикатурное изображеніе приключеній Энея, способное *потѣшить публику* [1]) насчетъ представителей классическаго міра. Для достиженія своей цѣли Осиповъ поставилъ послѣдній въ великорусскую обстановку. Прочитавъ русскую Энеиду, Котляревскій, въ противоположность ей, захотѣлъ создать Энеиду украинскую, захотѣлъ облечь боговъ и героевъ ея въ народно-національныя одежды. Чему же приписать появленіе національной [2]) формы послѣдней? Котляревскимъ въ данномъ случаѣ руководила народная гордость». Далѣе г. Стешенко сообщаетъ, что у многихъ малоруссовъ конца прошлаго вѣка дѣйствительно была національная гордость. Но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ обязательно, что она поэтому должна была быть и у творца потѣшной «Энеиды», а все предыдущее апріорное разсужденіе г. Стешенка прямо-таки несостоятельно. Въ самомъ дѣлѣ: кто, подобно Кулишу, будетъ утверждать, что Котляревскимъ руководило только антинаціональное желаніе поиздѣваться надъ простымъ малорусскимъ народомъ, тотъ всегда можетъ возразить, что примѣненіе Котляревскимъ малорусскаго языка и малорусской обстановки для цѣлей смѣхотворныхъ, перенесеніе боговъ и героевъ въ малорусскія хаты и вложеніе въ ихъ уста мужицкаго языка малорусскаго въ качествѣ высшей комической ненормальности, способной вызвать *сугубый* смѣхъ, служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ нарочитаго презрѣнія къ

---

[1]) Курсивъ мой.
[2]) Т.-е. малорусской.

этому языку. Только историческое изученіе малорусской литературы XVIII в. можетъ снять съ Котляревскаго укоры въ его антинародности, но, какъ я уже съ сожалѣніемъ отмѣтилъ, такого-то изученія у г. Стешенка почти и нѣтъ.

Нежеланіе осматриваться на старинную малорусскую литературу вредно отразилось у г. Стешенка иногда даже въ области чисто-литературнаго пониманія произведеній Котляревскаго. Такъ, по поводу пѣсни Вознаго: «От юних літ» г. Стешенко замѣчаетъ, что она написана по-русски (стр. 188). Но г. Стешенко не высказалъ бы такого мнѣнія, если бы обратилъ вниманіе на другую пѣсню, вложенную въ уста того же Вознаго: «Всякому городу свой нравъ и права». Пѣсня эта (какъ г. Стешенко несомнѣнно знаетъ)—сочиненіе не Котляревскаго, а народнаго украинскаго философа—Сковороды. Рѣчь ея—книжное семинарско-малорусское язычіе; вотъ такъ же и пѣсня «Отъ юныхъ лѣтъ не зналъ я любови» (читается «От юных лит нэ знал я любовы») составлена не на русскомъ языкѣ, а на томъ же язычіи, характерномъ для круга почитателей Сковороды.— Въ другихъ отношеніяхъ литературная критика г. Стешенка обыкновенно бываетъ справедлива, хотя страдаетъ по временамъ чрезмѣрной диоирамбичностью. «Энеида» Котляревскаго, говоритъ онъ, напоминаетъ намъ болѣе всего «Мертвыя Души» Гоголя, съ которыми наша пародія имѣетъ много общаго, именно въ изображеніи типовъ: произведенія обоихъ украинцевъ представляютъ дѣйствительныя эпопеи украинской націи; только наша поэма далеко шире русской и по замыслу, и *по исполненію*» (стр. 160). Оставляя въ сторонѣ вопросъ, почему великорусскія «Мертвыя Души» должны быть эпопеей именно *украинской* націи, отмѣтимъ только чудовищное преувеличеніе послѣднихъ словъ, напечатанныхъ у насъ курсивомъ. «Мертвыя Души» Гоголя можно перечитывать каждый годъ,— и каждый годъ съ новымъ увлекательнымъ интересомъ: начавши читать «Мертвыя Души», не хочешь оторваться отъ многократно читанной книги, пока не дочитаешь ея до конца; между тѣмъ, для чтенія Энеиды Котляревскаго во второй разъ, а особенно для чтенія подъ-рядъ—требуется извѣстная доза храбрости: первыя пѣсни еще читаются съ интересомъ, но чѣмъ дальше—тѣмъ интересъ ослабѣваетъ, однообразіе начинаетъ пріѣдаться, грубый шаржъ отталкиваетъ отъ себя, и чтеніе (если оно вызвано не какими-нибудь спеціальными научными цѣлями) дѣлается прямо утомительнымъ. Не даромъ поэтому и Минскій (вообще, отнесшійся къ Котляревскому сочувственно) печатно заявилъ, что вторая половина Перелицованной Энеиды—менѣе талантлива, чѣмъ первая [1]), а Данилевскій, въ своей статьѣ о Квиткѣ, высказалъ еще болѣе откровенное мнѣніе, что «въ Энеидѣ заключается порядочная частица снотворности и воды» [2]). А ужъ если сопоставлять у автора «Перелицьованої Энеїды» и автора «Мертвыхъ Душъ» силу ихъ юмора, то не лишне напомнить тоже извѣстныя г. Стешенку (стр. 101) слова проф. А. Котляревскаго, несомнѣн-

[1]) Новь, 1884, № 4.
[2]) Въ своемъ сборникѣ: Украинская Старина, 1886, стр. 198.

наго малорусса-патріота: «Малороссіянинъ и теперь не безъ удовольствія прочтетъ Энеиду Котляревскаго и посмѣется вдоволь, да не тѣмъ смѣхомъ, которымъ смѣемся мы при чтеніи свѣжихъ произведеній Гоголя».— Пусть даже считаются всякія такія мнѣнія субъективными,—г. Стешенко ничѣмъ ихъ не опровергъ и противопоставляетъ имъ только свое субъективное же мнѣніе, что по таланту Котляревскій выше Гоголя. Меньшее, но все-таки еще значительное преувеличеніе является у г. Стешенка въ его напрасныхъ стараніяхъ доказать художественность посредственнаго водевиля: «Москаль-Чарівник». Кулишъ (нашедшій въ этомъ пунктѣ множество послѣдователей для своего мнѣнія) совершенно справедливо и притомъ доказательно, въ томъ числѣ путемъ сопоставленій съ «Простакомъ» Гоголя-отца, отмѣтилъ неестественность и натянутость типовъ и положеній въ названномъ водевилѣ Котляревскаго. Г. Стешенко не соглашается съ Кулишомъ, но ничѣмъ опровергнуть его не можетъ, и всѣ опроверженія его сводятся въ сущности къ простому отрицанію воззрѣній Кулиша: по заявленіямъ г. Стешенка, типы водевиля «Москаль-Чарівник» жизненны и естественны. Правда, «*нѣкоторую* ненатуральность» признаетъ за ними въ концѣ-концовъ и самъ г. Стешенко (стр. 198), но это ему не мѣшаетъ остаться при убѣжденіи, что «Москаль-Чарівник» есть произведеніе художественное. Все это кажется преувеличеннымъ, особенно потому, что и стилизовано данное мѣсто (стр. 189—198) не совсѣмъ удачно. Изъ дальнѣйшей заключительной главы изслѣдованія г. Стешенка (стр. 202) вполнѣ ясно видно, что г. Стешенко имѣетъ въ виду художественность только относительную,—литературныя достоинства въ «Москалѣ-Чарівникѣ» онъ усматриваетъ едва ли не исключительно потому, что это былъ первый чисто-малорусскій водевиль; появись «Москаль-Чарівник» *теперь,* въ эпоху полнаго расцвѣта малорусской драматической литературы, г. Стешенко, очевидно, счелъ бы такой водевиль за очень посредственное или даже вовсе неудачное произведеніе. Къ сожалѣнію, въ надлежащемъ мѣстѣ, при самомъ разборѣ «Москаля-Чарівника», эта точка зрѣнія не выставлена ясно, и потому восхваленіе «художественности» «Москаля-Чарівника» прямо кажется гиперболическимъ.

Въ послѣдней главѣ (стр. 201—232) г. Стешенко отмѣчаетъ тѣ условія, при какихъ создалась поэзія Котляревскаго, и указываетъ на ея огромное вліяніе и значеніе въ новой малорусской литературѣ. Много здѣсь затронуто пунктовъ спорныхъ, но въ концѣ-концовъ для уясненія исторіи малорусской литературы эта глава изслѣдованія г. Стешенка имѣетъ несомнѣнную важность. Да и вообще о всей книгѣ г. Стешенка мы должны сказать, что, несмотря на ея нѣкоторыя слабыя стороны, отмѣченныя нами, она является чрезвычайно полезнымъ трудомъ, съ которымъ серіозно придется считаться всякому историку малорусской литературы.

А. Крымскій.

Dr. Fritz Schultze. Psychologie der Naturvölker. *Entwicklungs-psychologische Charakteristik der Naturmenschen in intellektueller, ästhetischer, ethischer und religiöser Beziehung. Eine natürliche Schöpfungsgeschichte menschlichen Vorstellens, Wollens und Glaubens. Lpz. 1900.*

Настоящая книга д-ра Шульце, профессора философіи въ Дрезденской высшей технической школѣ, какъ оказывается, составляетъ только часть другого, многотомнаго труда «Vergleichende Seelenkunde», остальныя части котораго уже вышли въ свѣтъ раньше подъ заглавіями: «Nervensystem und Seele» (1892 г.) и «Die Psychologie der Tiere und Pflanzen» (1897 г.). Не знаю, какъ выполнены авторомъ эти работы, но настоящая книга имѣетъ очень мало научной цѣнности и прежде всего потому, что въ основу ея положенъ совершенно ложный планъ. Др. Шульце совершенно не спеціалистъ по исторіи первобытной культуры и по этнографіи и всю фактическую основу своего труда беретъ готовой изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, т. е. у Бастіана, Вайца, Клемма, Леббока, Ратцеля, Тэйлора и т. п. авторовъ. Онъ нисколько не скрываетъ этого обстоятельства, а наоборотъ, постоянно подчеркиваетъ его и заявляетъ, что всю фактическую сторону вопроса онъ считаетъ уже установленной и что приводимые имъ факты имѣютъ значеніе только иллюстрацій, а отнюдь не доказательствъ. Оперируя надъ этимъ готовымъ матерьяломъ, авторъ только хочетъ вскрыть психологическую основу интересующихъ его явленій и освѣтить ихъ съ болѣе философской точки зрѣнія. «Der Schwerpunkt dieses Werkes, говоритъ онъ, liegt in der neuen psychologischen Bearbeitung des alten Materials» (р. V), и вотъ тутъ-то и заключается основная ошибка Шульце.

Для того чтобы подвергнуть старый этнографическій матеріалъ новой психологической обработкѣ, необходимо имѣть два данныхъ, а именно, во первыхъ, необходимо, чтобы матерьялъ былъ уже готовъ, чтобы вся фактическая сторона вопроса была выяснена съ достаточной полнотой и точностью, чтобы сами факты не вызывали сколько нибудь серьезныхъ разногласій, а во вторыхъ, необходимо, чтобы уже была выработанная система психологіи, съ точки зрѣнія которой можно было бы освѣтить готовый матерьялъ. На самомъ дѣлѣ ни то ни другое изъ этихъ условій въ настоящее время не осуществимы. Психологія, конечно, сдѣлала громадные шаги впередъ за послѣднія десятилѣтія, но она еще далека отъ того, чтобы вылиться въ стройную и опредѣленную систему. Главная же бѣда даже не въ этомъ, а въ томъ, что современная психологія пока изучаетъ и анализируетъ преимущественно отдѣльныя, обособленныя проявленія душевной дѣятельности и очень мало имѣетъ дѣла съ живымъ, цѣлостнымъ человѣкомъ, одновременно и въ разныхъ направленіяхъ мыслящимъ, чувствующимъ и желающимъ. Психологія такого цѣлостнаго человѣка, или, какъ ее иногда называютъ, психологія характера, дѣло будущаго и, можетъ быть, даже отдаленнаго будущаго, а та психологія, которая пока имѣется, очень мало можетъ помочь изученію, напр., первобытной семьи и религіи, вошедшихъ въ кругъ вопросовъ, охваченныхъ

нашимъ авторомъ. Тутъ въ настоящее время не психологія можетъ помочь народовѣдѣнію, а наоборотъ, народовѣдѣніе—психологіи; тутъ возможна не психологическая обработка этнографическаго матерьяла, или его систематизація подъ руководствомъ психологіи, а напротивъ того, выведеніе самихъ психологическихъ законовъ изъ этнографическихъ данныхъ. Эта работа, конечно, въ высшей степени интересна, но она прежде всего требуетъ солидной фактической основы. Пусть бы Шульце попробовалъ воспользоваться хотя бы тѣми данными, которые собраны его предшественниками, пусть бы онъ постарался проанализировать эти факты и выяснить присущую имъ закономѣрность. Можетъ быть, эта работа и оказалась бы неудовлетворительной, но извѣстный смыслъ она имѣла бы, и съ принципіальной точки зрѣнія противъ нея ничего бы нельзя было возразить.

Шульце ничего подобнаго не сдѣлалъ и его книга не даетъ даже хорошей сводки стараго матерьяла, не говоря уже про обработку; все это онъ замѣнилъ чисто догматическимъ изложеніемъ апріорныхъ положеній, въ большинствѣ случаевъ мало оригинальныхъ и всегда бездоказательныхъ. Авторъ стоитъ на эволюціонной точкѣ зрѣнія и исходитъ изъ того положенія, что духовныя способности современнаго цивилизованнаго человѣка, если и не отсутствовали у дикаря, то находились, по крайней мѣрѣ, въ зачаточной степени, были мало развиты. Руководствуясь этимъ принципомъ, Шульце очень просто реконструируетъ духовную жизнь дикаря, приписывая ему самую низшую форму духовныхъ способностей цивилизованнаго человѣка. Таково основное положеніе разбираемой нами книги, и въ извѣстной степени его можно признать правильнымъ, но только въ извѣстной степени; безъ всякихъ оговорокъ оно приложимо только къ развитію мыслительныхъ способностей. Здѣсь дѣйствительно можно допустить прямолинейное и непрерывное развитіе отъ дикости до цивилизаціи, и здѣсь, кромѣ того, мы имѣемъ болѣе или менѣе безспорные критеріи для оцѣнки степени достигнутаго развитія. Но, разумѣется, духовная жизнь человѣка не ограничивается способностью къ мышленію, да и самъ нашъ авторъ не ограничиваетъ ею одною своей книги. Развитіе же другихъ сторонъ духовной дѣятельности шло, можетъ быть, и не такъ прямолинейно, какъ представляется Шульце. Нѣкоторыя указанія на это есть и съ ними слѣдовало бы считаться.

Приведу нѣсколько примѣровъ. Особенно точнымъ показателемъ высоты достигнутаго нравственнаго развитія авторъ считаетъ отношеніе мужчинъ къ женщинамъ и довольно подробно останавливается на этомъ вопросѣ. Первобытныя отношенія между полами и положеніе женщины въ частной и общественной жизни онъ рисуетъ самыми черными красками. Брака въ смыслѣ сколько нибудь постоянныхъ и правильныхъ отношеній между опредѣленными мужчинами и женщинами, по мнѣнію Шульце, не существовало, и онъ почему-то находитъ «излишнимъ» приводить «многочисленныя подтвержденія первобытнаго безбрачнаго состоянія непосредственнымъ наблюденіемъ» (p. 198). Но если бы авторъ повнимательнѣй отнесся къ фактамъ, онъ тогда бы счелъ нужнымъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что гипотеза безпорядочнаго смѣшенія половъ, при-

нятая въ началѣ очень сочувственно многими учеными, потомъ стала вызывать противъ себя солидныя возраженія. Во всякомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи о подтвержденіи этой гипотезы непосредственнымъ наблюденіемъ соотвѣтственнаго положенія вещей. Это окончательно доказалъ Вестермаркъ, обстоятельно разобравшій всѣ приводимыя другими авторами указанія на безпорядочное смѣшеніе половъ у отдѣльныхъ народовъ; въ результатѣ оказалось, что всѣ эти указанія построены или на ошибочныхъ сообщеніяхъ, или на неправильномъ истолкованіи фактовъ, ничего общаго не имѣющихъ съ безпорядочнымъ смѣшеніемъ половъ, или агаміей, по терминологіи Шульце. Если Шульце находитъ критику Вестермарка несправедливой, ему слѣдовало бы доказать это или, по крайней мѣрѣ, заявить объ этомъ, но обходить молчаніемъ подобный фактъ можно лишь въ томъ случаѣ, если собственныя апріорныя положенія для автора имѣютъ несравненно большую цѣну, чѣмъ какія-нибудь фактическія доказательства. Шульце называетъ только два народа, у которыхъ будтобы существуетъ агамія, андаманцевъ и апачей, но если бы авторъ повнимательнѣе прочелъ Вестермарка или хотя бы и Леббока, изъ котораго онъ, вѣроятно, заимствовалъ свои свѣдѣнія объ андаманцахъ, тогда бы онъ зналъ, что указаніе одного стариннаго автора на коммунальный бракъ у андаманцевъ оказалось совершенно невѣрнымъ. Что же касается до апачей, то ихъ Шульце, вѣроятно, упомянулъ по недоразумѣнію; мнѣ, по крайней мѣрѣ, неизвѣстно никакихъ основаній утверждать объ отсутствіи у нихъ брака, и до сихъ поръ, кажется, никто не приписывалъ имъ безпорядочнаго смѣшенія половъ. Впрочемъ, отдѣльныхъ ошибокъ у Шульце очень много. Такъ, напримѣръ, онъ заявляетъ (p. 199), что алеуты не видятъ ничего предосудительнаго въ бракахъ между братьями и сестрами, но на самомъ дѣлѣ подобные браки считались тамъ великимъ грѣхомъ и, по мнѣнію алеутовъ, непремѣнно влекли за собой гнѣвъ божества и соотвѣтственное наказаніе (И. Веніаминовъ. Зап. объ остр. Уналашкинск. отд. II. стр. 76, 141; III. стр. 8 и 9). Шульце могъ познакомиться съ отношеніемъ алеутовъ къ кровосмѣшенію у Westermarck'a, History of hum. marr, 2 ed., p. 352). У алеутовъ, правда, были позволительны браки между двоюродными братьями и сестрами, но такихъ браковъ не боится и современная западная Европа.

Нечего и говорить, что вопросъ о предполагаемыхъ переживаніяхъ агаміи (материнское право, кровосмѣшеніе и т. д.) далеко не такъ простъ, какъ кажется Шульце, и тутъ онъ обнаруживаетъ очень малое знакомство съ предметомъ, хотя и приводитъ въ числѣ своихъ источниковъ книгу Вестермарка, изъ которой могъ бы познакомиться до извѣстной степени съ положеніемъ въ наукѣ этихъ вопросовъ. Между прочимъ, Шульце игнорируетъ тотъ подчеркиваемый противниками матріархальной теоріи фактъ, что у большинства наиболѣе первобытныхъ племенъ мы встрѣчаемся съ довольно прочной патріархальной семьей. Я лично не признаю рѣшающаго значенія за этимъ фактомъ, но Шульце долженъ былъ бы отнестись къ нему иначе. Соотвѣтственные народы (веддовъ, бушменовъ, негритосовъ, андаманцевъ и т. д.) Шульце относитъ къ самой

низшей стадіи развитія, къ низшимъ дикарямъ, и, кромѣ того, онъ утверждаетъ, что «съ ростомъ культурнаго развитія равномѣрно повышаются всѣ свойства и состоянія (Zustände) человѣка» (p. 193). Для Шульце, слѣдовательно, данный фактъ имѣетъ очень серьезное значеніе, но онъ или не знакомъ съ нимъ или, можетъ быть, и знакомъ, но предпочитаетъ умолчать о немъ. Съ другой стороны, защитники матріархальной теоріи въ довольно свѣтлыхъ краскахъ рисуютъ положеніе женщины у первобытныхъ народовъ, указываютъ на ея сравнительную самостоятельность и на почетное положеніе въ семьѣ и обществѣ. Нѣкоторыя фактическія указанія на это, дѣйствительно, имѣются, но многое говоритъ за противоположный порядокъ вещей. Въ чемъ истина, можетъ показать только изслѣдованіе самихъ фактовъ, но Шульце такого изслѣдованія не производитъ, умалчиваетъ про разнообразіе относящихся сюда фактовъ и про обусловленное этимъ разнообразіе мнѣній среди ученыхъ, а просто заявляетъ безъ всякихъ оговорокъ, что положеніе женщины на раннихъ ступеняхъ развитія было очень низко и что къ ней относились, какъ къ животному. Такой пріемъ, можетъ быть, и удобенъ для автора, но читателю онъ врядъ ли понравится.

Я взялъ на удачу нѣсколько примѣровъ, относящихся къ вопросамъ о семьѣ и отношеніяхъ между полами, но и другіе отдѣлы обработаны совершенно такъ же. Такъ, говоря о слабомъ развитіи искусства у дикарей, Шульце приводитъ довольно сомнительный, хотя и общеизвѣстный разсказъ Ольдфильда объ австралійцахъ, которые не могли разобрать на картинѣ человѣка и принимали его—кто за корабль, кто за кенгуру, но при этомъ нашъ авторъ не обратилъ вниманія на не менѣе общеизвѣстные, и въ то же время вполнѣ достовѣрные разсказы о живописи австралійцевъ и бушменовъ на скалахъ. Упускаетъ онъ изъ виду и общеизвѣстный фактъ музыкальности бушменовъ, такъ рѣзко расходящійся съ его утвержденіемъ о неэстетичности дикарей. Вообще, всѣ факты, противорѣчащіе апріорнымъ положеніямъ автора, совершенно игнорируются имъ. Можетъ быть, эти факты ничего не могутъ доказывать по своей исключительности, можетъ быть, ихъ можно какъ-нибудь согласовать съ положеніями Шульце, все это, можетъ быть, и возможно, но надо было показать эту возможность, а не замалчивать противорѣчащіе факты. Кстати отмѣчу здѣсь еще одно положеніе автора, по обыкновенію, очень мало мотивированное имъ: «чисто духовный, а также эстетическій интересъ въ его настоящемъ и истинномъ значеніи образовался и развился только въ связи съ удивленіемъ и связаннымъ съ этимъ удивленіемъ почитаніемъ звѣзднаго неба».

Къ числу слабыхъ сторонъ книги Шульце надо отнести также и нѣкоторую односторонность ея. Авторъ больше всего интересуется мыслью дикаря, а чувству и волѣ его онъ удѣляетъ непропорціонально мало вниманія; эти вопросы онъ затрогиваетъ совсѣмъ кратко, какъ будто только по необходимости. Въ связи съ этой особенностью стоитъ тотъ фактъ, что Шульце видитъ въ религіи только міровоззрѣніе или философію дикарей и совершенно игнорируетъ тутъ элементы чувства. Я остановился

такъ подробно на этой книгѣ потому, что посвящена она слишкомъ интереснымъ вопросамъ, и потому, что у автора слишкомъ большія притязанія. Предваряя отзывы критики, онъ самъ даетъ такую оцѣнку своей работѣ: «in jeder der drei grossen Abteilungen der psychologischen Bearbeitung des geistigen Zustandes der Naturmenschen, nämlich seines intellektuellen (einschliesslich ästhetischen), moralischen und religiösen Seelenlebens glaube ich *ganz neue Gesichtspunkte* gegeben, *ganz neue Kriterien der Beurteilung* aufgestellt, *ganz neue Perspektiven* eröffnet zu haben» (p. V, курсивъ Шульце).

А. Максимовъ.

Альб. Герм. Постъ. Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній. Очерки по всеобщей сравнительной исторіи государства и права. *Переводъ Н. В. Теплова, съ предислов. проф. М. М. Ковалевскаго. М. 1901 г.* (*Научно-образовательная библіотека*).

Постъ былъ очень трудолюбивымъ и добросовѣстнымъ ученымъ, но онъ не былъ самостоятельнымъ мыслителемъ и потому не оставилъ послѣ себя крупнаго слѣда въ наукѣ. Выводы, къ которымъ онъ приходилъ на основаніи своихъ изслѣдованій, въ большинствѣ случаевъ мало оригинальны, а еще меньше оригинальности мы найдемъ у Поста въ методологическомъ отношеніи. При всей своей широкой эрудиціи онъ не умѣлъ пользоваться имѣвшимся у него матерьяломъ и систематизировалъ его чисто внѣшнимъ образомъ, распредѣляя факты по заранѣе составленнымъ рубрикамъ и не взвѣшивая предварительно ихъ внутренней цѣнности. Въ болѣе раннихъ сочиненіяхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и настоящая книжка, Постъ слишкомъ руководствовался предвзятыми мнѣніями и потому очень односторонне подбиралъ только факты, подтверждающіе то или другое уже готовое положеніе. По мѣрѣ расширенія своего фактическаго матерьяла онъ постепенно переставалъ закрывать глаза на противорѣчащіе факты и отказался отъ многихъ своихъ прежнихъ теорій, но замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь новымъ не умѣлъ и потому зачастую предоставлялъ самому читателю дѣлать какіе-угодно выводы изъ представленнаго ему авторомъ матерьяла. Поэтому въ наукѣ обыкновенно считаются съ собранными Постомъ фактами, но не съ его теоріями.

Для начинающаго заниматься общей культурой настоящая книжка можетъ, однако, дать довольно много, и, по моему мнѣнію, ее смѣло можно рекомендовать для предварительнаго, такъ сказать, знакомства съ первобытнымъ правомъ. Выводами она бѣдна, да и тѣ, которые есть, во многихъ случаяхъ ошибочны, но зато она въ сжатой и систематической формѣ знакомитъ съ фактической сторовой вопроса и даетъ общее представленіе о томъ, въ какія разнообразныя формы выливается право некультурныхъ народовъ. Особенно полезна книжка Поста можетъ быть тому, кто самъ занимается собираніемъ свѣдѣній о правѣ какого-нибудь народа; тутъ она послужитъ прекрасной программой.

Переводъ въ общемъ сдѣланъ удовлетворительно.

А. Максимовъ.

Собраніе малоазійскихъ надписей. *(Библіографическая замѣтка).* Вѣнская академія наукъ начала издавать, на средства князя I. фонъ-Лихтенштейна собраніе малоазійскихъ надписей.

«Hufvudstadbladet» сообщаетъ, что недавно вышелъ первый томъ изданія, заключающій ликійскія надписи, подъ редакціей *Э. Колинки (а?).* Замѣчательная, какъ съ внѣшней стороны, такъ и со стороны ея значенія, работа содержитъ въ себѣ немаловажныя остатки языка, который даже теперь, несмотря на величайшія усилія знаменитыхъ ученыхъ, лишь отчасти понятенъ. Нѣкогда на ликійскомъ языкѣ говорили въ небольшой странѣ, Ликіи. Ликійскій народъ стоялъ на высокой степени развитія. Онъ оставилъ много памятниковъ языка, какъ-то: надписи, которыя, однако, только въ началѣ XIX вѣка стали извѣстны въ Европѣ; впослѣдствіи, благодаря открытіямъ австрійскихъ ученыхъ (1880—1890), онѣ стали доступны для изслѣдованій. Большая часть надписей сохранилась на камняхъ; нѣкоторыя изъ нихъ двухъязычныя (на ликійскомъ и греческомъ яз.). Среди нихъ важное мѣсто занимаетъ большая историческая надпись, съ о-ва Ксантоса, начертанная на четырехъ сторонахъ столба (отелё); на одной сторонѣ находится также греческая эпиграмма, относящаяся, какъ можно заключить изъ формы буквъ, къ V стол. до Р. Хр. Къ тому же вѣку принадлежитъ и бóльшая часть ликійскихъ надписей. Буквы ликійскаго алфавита, вообще, сохранили древне-греческую (дорическую) форму; нѣкоторыя буквы были отмѣнены; было внесено также нѣсколько новыхъ знаковъ, среди нихъ два для гласныхъ звуковъ, которые совсѣмъ недавно были точно опредѣлены. Большинство нѣмецкихъ ученыхъ думало, что ликійскій языкъ не входитъ въ составъ семьи индо-европейскихъ языковъ. Но недавно знаменитые языковѣды скандинавскаго сѣвера: норвежецъ С. Бугге (S. Bugge) и датчанинъ В. Томсенъ (Thomsen) подвергли ликійскій языкъ глубокому изученію и доказали, что этотъ языкъ принадлежитъ къ группѣ индо-европейскихъ языковъ. Къ такому же выводу пришли проф. А. Торпъ (Alf. Torp) и докторъ Г. Педерсенъ (Pedersen).

Работа Вѣнской академіи украшена богатыми рисунками, воспроизводящими башнеобразныя могилы, на которыхъ были надписи. Надписи очень отчетливо переданы фототипіей. *Вл. Г.*

Sveriges land och folk. Historisk-statistisk handbok, på offentlig uppdrag utgifven af *Gustav Sundbärg.*

(*Швеція*, страна и народъ. Историко-статистическое руководство, изданное по оффиціальному порученію *Г. Сундбергомъ.*

Только что названная работа возникла такимъ путемъ. Въ 1898 г. проф. Э. Карлсонъ возбудилъ въ риксдагѣ вопросъ объ ассигнованіи 30.000 кронъ на изданіе (на шведскомъ, англійскомъ и французскомъ языкахъ) статистическаго очерка культуры и промышленности въ Швеціи. Во время печатанія работы явилась мысль придать изданію болѣе красивую, чѣмъ предполагалось раньше, внѣшность, такъ какъ изданія на англійскомъ и французскомъ языкахъ были предназначены для всемір-

ной выставки въ Парижѣ. Тогда неизвѣстное лицо предоставило въ распоряженіе редакціи 10.000 кронъ на иллюстраціи.

Работа распадается на двѣ части. Между тѣмъ, какъ первая обнимаетъ собою духовную культуру (природа, какъ факторъ, создающій народный характеръ, исторія шведскаго народа, государственное устройство и управленіе, образованіе, общественная жизнь), вторая часть посвящена обзору ремеслъ и промышленности въ Швеціи, торговлѣ, мореходству, путямъ сообщенія, различнымъ банковымъ учрежденіямъ и законодательству о промыслахъ и рабочихъ.

Уже изъ этого сухого обозрѣнія явствуетъ, какъ всесторонне изобразили ученые спеціалисты культурную и экономическую жизнь въ Швеціи. Матеріалъ, сообщаемый въ работѣ, крайне богатъ и поучителенъ; мы почерпнемъ изъ него нѣкоторыя свѣдѣнія.

Говоря о смертности населенія, редакція выдвигаетъ, что число умершихъ въ Швеціи доходитъ только до $16,_{49}$ на тысячу. Эта цифра — самая низшая во всей Европѣ. Въ Америкѣ и Австраліи обнародывались еще низшія цыфры, но онѣ не внушаютъ довѣрія. Для Финляндіи средняя цыфра немного выше 20; для Россіи — около 35. Вообще, европейскія государства въ отношеніи количества смертей идутъ въ такомъ порядкѣ: Россія, Венгрія, Италія, Германія, Франція, Финляндія, Швейцарія, Бельгія, Голландія, Шотландія, Англія, Данія, Норвегія и Швеція.

Грамотность является въ Швеціи наслѣдіемъ уже нѣсколькихъ поколѣній. (Обязательность ея введена съ 1842 года). Такимъ образомъ, въ графѣ грамотныхъ, среди людей, подлежащихъ воинской повинности, противъ Швеціи стоитъ «100%» — цифра, съ которой сравнялась одна Германія. (Порядокъ европ. государствъ таковъ: Швеція, Германія, Данія, Швейцарія, Голландія, Финляндія, Франція, Бельгія, Австрія, Венгрія, Италія, Россія и Сербія).

Сравнительная таблица потребленія водки очень утѣшительна для Финляндіи, гдѣ на душу приходится алкоголя (въ 50°) немного больше 2 литровъ, въ Швеціи — около 7 литр. и въ Даніи — 14 литровъ.

Среди различныхъ промысловъ особеннаго развитія достигла обработка желѣзной руды. Вывозъ желѣзной руды съ изумительной быстротой возросъ отъ 174.000 тоннъ (тонна=60 пуд.), въ 1891 году до 1,6 милл. тоннъ въ 1899 году. Выработка желѣза еще болѣе увеличится, когда на рынокъ будетъ выпущено желѣзо изъ недавно открытыхъ рудниковъ.

Говоря о государственномъ устройствѣ, авторъ замѣчаетъ: «наряду съ Англіей только въ Швеціи и есть такое государственное устройство, которое вышло изъ самобытнаго національнаго развитія. Это устройство ясно свидѣтельствуетъ о политической зрѣлости шведскаго народа.

Статья *О. Н.*, напечатанная въ финляндской газетѣ «Hufvodstadsbladet», обращена, конечно, къ финляндцамъ. Однако, мы вынуждены были заимствовать изъ нея большую часть свѣдѣній, представляющихъ нѣкоторый интересъ и для русскаго читателя, такъ какъ у насъ подъ руками нѣтъ этой любопытной, глубоко-поучительной книги.

Вл. Г.

ЖУРНАЛЫ и ГАЗЕТЫ.

Архангельскія Епархіальныя Вѣдомости. 1900. 2—4. *И. Обтемперанскій.* Слѣды язычества и апокрифической литературы въ религіозномъ міровоззрѣніи древне-русскаго народа. **2—6.** Распространеніе христіанства среди русскихъ лопарей (Историческій очеркъ). **3, 5.** *Ал. Молчановъ.* Матеріалы для исторіи раскола въ Архангельской епархіи. **4.** Объявленіе объ изданіи въ г. Самарѣ „Сборника статей по просвѣщенію инородцевъ Россіи". Просьба присылать матеріалы и статьи въ г. Самару, преподавателю семинаріи К. Казанскому. **7.** *П. Н.* Пасха въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ (Изъ „Церковн. Вѣстн.").

Витебскія Губ. Вѣд. 1900. 2. Корресп. изъ Лепельскаго у. о суевѣріи среди населенія. **5.** Разныя извѣстія. Празднованіе Новаго года у китайцевъ. **7—8, 13, 21, 23, 27, 38, 50, 56, 61.** *А. Пщ-лко.* Пилипово веселье (продолженіе). Описаніе свадьбы. Приводятся пѣсни. **9.** Русская женщина въ старинныхъ пословицахъ и поговоркахъ (Библіографическая замѣтка о книгѣ *П. Симони* „Старинные сборники русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ и пр.". **12.** Общая хроника. О систематическомъ изданіи произведеній русской словесности до Петровской эпохи, предпринимаемомъ Отдѣленіемъ русск. яз. и слов. Имп. Ак. Н. **15.** Общая хроника. О найденныхъ ак. Пыпинымъ неизвѣстныхъ до сихъ поръ литературныхъ произведеніяхъ Имп. Екатерины II. **17.** Смѣсь. Какая раса обладаетъ лучшею памятью? **19.** 1899-й годъ въ дѣлѣ народнаго образованія въ Вит. губ. **20.** *А. Г-чъ.* Переселенцы (Корр. изъ Томска). **29.** *Н. Я. Н.* Вас. Ник. Тяпинскій—переводчикъ Евангелія на бѣлорусское нарѣчіе и издатель (по книгѣ М. В. Довнаръ-Запольскаго). **31.** Корр. изъ с. Долосцы, Себежскаго у. Приводятся заговоры. **32—34.** Съ береговъ Западной Двины (о сплавщикахъ лѣса; экономическія условія ихъ жизни). **32.** О чествованіи проф. Вс. Ѳ. Миллера по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его научной дѣятельности. **34.** Среди газетъ и журналовъ. Объ эксплоатаціи сѣв.—русск. инородцевъ (Изъ „С.-П. Вѣд."). **44.** Корр. изъ с. Трехалева. (Отношеніе крестьянъ къ медицинской помощи). **57.** *С. А. С.-К.* Мірской бюджетъ крестьянъ Лепельскаго у. въ 1898 г. Среди газ. и журн. Отзывы посѣтителей народныхъ театровъ, собранные по особой программѣ (Изъ „Сына Отеч."). **61.** Ср. газ. и журн. О безграмотности въ казацкихъ станицахъ Забайкалья (Изъ „Приам. Вѣд."). **62.** Собраніе академиковъ (отчетъ о 1-мъ соединенномъ засѣданіи Отд. русск. яз. и слов. и разряда изящн. слов. Имп. Ак. Н. („Изъ Пр. В."). **66.** Домикъ Петра Вел. въ Копыси Могилевск. г. (Изъ „Мог. Губ. Вѣд."). Разн. изв. Объ отношеніи населенія Бѣжецкаго у. Тверск. г. къ событію 1 марта 1881 года. (Изъ „Русск. Стар."). **67.** Смѣсь. Продажа дѣвочекъ у гиляковъ, живущихъ на Сахалинѣ. **68.** *М. Б.* О дуэляхъ. (Нѣск. историч. данныхъ о д. на Руси. Изъ „С.-П. Вѣд."). **69.** *Н. Тихомировъ.* Преосвящ. Маркеллъ, какъ главн. дѣятель по возсоединенію съ православн. церковью холмскихъ уніатъ (по поводу 50-лѣтія его священства). **80.** Некрологъ Л. Н. Майкова. (Изъ „Пр. В."). **86.** Смѣсь. Индусская легенда о первыхъ людяхъ. (Изъ „С.-П. Вѣд."). **88.** Смѣсь. Преданіе о паукахъ-крестовикахъ.

92. Разн. изв. Дѣвичья башня (изъ бакинскихъ легендъ). Семейный бытъ трансваальскихъ буровъ. **93.** Разн. изв. Киргизскій Народный судъ. (Изъ „Сиб. Вѣстн.“). Свѣдѣнія о писанкахъ (перепечатка изъ „Харьк. Г. В.“). Просьба проф. Н. Ѳ. Сумцова присылать ему свѣдѣнія о писанкахъ по выработанной имъ программѣ. **97.** Разн. изв. О культѣ бѣлаго слона въ Сіамѣ. **98.** Библіографія. О выходѣ въ свѣтъ I вып. всеславянскаго органа „Славянскій Вѣкъ“, издаваемаго въ Вѣнѣ (редакція: Wien, VIII. Bennogasse, 22).

Владимірскія Губ. Вѣд. 1900. 1 4, 13. *Николай Сперанскій.* Крестьянскій бракъ (въ с. Баглачевѣ, Подольской волости; приводятся пѣсни).

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости. 1900. **1—12.** Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. Описываются обряды, приводятся пѣсни. **5—7.** *О. Фотинскій.* Очеркъ исторіи мелкаго дворянства. Овручско-Житомирскаго въ эпоху польскаго режима (XII—XVIII вв.).

Живописная. Россія (еженедѣльно) **1901. 21.** *Ушаковъ П.*, Квантунская область (съ 1 картой).- **21, 23, 24, 25, 26, 27** и **28** *Чаушанскій, В.* Куринскіе очерки. **21.** *Ольхинъ П. М.* Промышленность туземцевъ въ Туркестанѣ по Ф. Шварцу (съ рис. Продолженіе). (Оконч. въ №№ 22 и 23).—Рисунки: Крестьянская изба въ селѣ Игнатовѣ близъ Звенигорода.—**22.** *Пащенко, С.*, Звѣздное небо и небесныя явленія въ представленіи русскаго народа.—**22** и **23.** *Павловъ, Б.*, Къ 700-лѣтію существованія Риги (съ рис.).—**24.** *Максимовъ, С. В.*, Недовѣсокъ къ „крылатымъ словамъ“. II. Щелкоперъ. III. Далеко кулику.— *Субботинъ, А.*, Хассиды и ихъ значеніе среди русскихъ евреевъ (съ рис.).—Отд. рис.: Типы интеллигенціи и мѣщанъ Подольской губ.—**25** *Максимовъ, С. В.*, Недовѣсокъ и т. д. (прод.). IV и V. Подкузьмить и объегорить. VI. Худая трава.—*Васильевъ, П.*, Ивановъ день.—**28.** *Лукинъ, Пр.*, Древніе русскіе изразцы (съ 11 рис.). Отд. рис.: Глиням. кувшинъ въ Бѣл. Палатѣ въ Ростовѣ, два рукомойника въ Новгородскомъ музеѣ.—**29.** *Кочетовъ, Ѳ. И.*, Святотроицкій Александросвирскій монастырь (съ 9 рис.).—Отд. рис.: Кокошникъ, шитый жемчугомъ, шелковыя четки и серьги въ музеѣ Бѣлой Палаты въ Ростовѣ Яросл. губ. —**30.** *Муравьева, А. З. гр.*, Нарва и ея достопримѣчательности.—Отд. рис.: Старинныя серьги и другія украшенія въ Бѣл. Палатѣ. Типъ крестьянки Подольск. губ.—**31.** *Корсаковъ, Н.*, Средневѣковый нѣмецкій городъ на русской землѣ. Ревель въ его прошломъ и настоящемъ (съ 10 рис.).—*Ушаковъ П.*, Изслѣдователи русской земли: П. П. Семеновъ (съ потрет.).—Отд. рис.: Новобрачные въ Подольской губ..—**32.** Рисунокъ: Финская крестьянская усадьба близъ Куоколла. — **33.** *Барановскій, И. Ф.*, Среди терскихъ казаковъ. Очеркъ.—*Ушаковъ, П.*, Народныя гаданья.—Отд. рисунки: Группа малороссовъ Екатериносл. губ., Уборка хлѣба, Симб. губ.—**34, 35, 36** и **37.** *Корсаковъ, Н.*, Первый русскій областной съѣздъ изслѣдователей старины. (Ростово-Суздальская область).—**34.** Отд. рис.: костюмъ боярыни Нижегородской области XVIII в., образцы древней русской орнаментики.—**35.** *Рукавишниковъ, Г.*, Карачаевцы. Этнографической очеркъ. (съ 7 рис.). Страна, происхожденіе, исторія, религія, занятія, численность, жилища и поселенія, управленіе. Авторъ отмѣчаетъ усиливающуюся бѣдность племени и естественное стремленіе къ просвѣщенію.— *Баловъ, А.*, Овинныя именины. Авторъ, пользуясь печатной литературой, описывалъ обычай проводить ночь наканунѣ первой молотьбы возлѣ овиновъ въ пѣніи, играхъ, при зажженныхъ кострахъ и т. п.; въ эту ночь всѣ овины—именинники; обряды совершаются и въ честь „овинника“ (духа-покровителя овиновъ). **36, 37, 38, 39** (не ок.). *Сулима М.*, по Сибирской магистрали, по Якутскому тракту и по рѣкѣ Ленѣ, (съ рис.).—Рис.: Старинныя малороссійскія вышивки изъ музея г. Тарновскаго. Образцы древне-русской орнаментики — подоконникъ. Старинные пояса изъ музея г. Тарновскаго. — **37** и **38.** *Рукавишниковъ. Г.* Городъ Муромъ (съ 5 рис.). –**37.** Рис.: старинный деревянный венецъ, Страшный судъ на паперти церкви Іоанна Предтечи въ Ярославлѣ.— **38.** Головные уборы древнихъ русскихъ воиновъ (13 рис.).—Рисунки: Село Карачарово, родина богатыря Ильи Муромца.–Старинныя постройки на Руси (башня Борисоглѣбск. мон. близъ Ростова Яросл).

Извѣстія по Казанской епархіи 1900. 6. Членъ-сотрудн. Общества Арх., Ист. и Этн. *Н. Ашмаринъ.* Программа для составленія чувашскаго словаря. (Просьба присылать рукописные матеріалы для предполагаемаго словаря).

Олонецкія Губ. Вѣд. 1900. **45, 49.** *Укко.* Очерки. Повѣнецкаго уѣзда. **47.** Городъ Каргополь и его окрестности въ 1612—1615 гг.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости. 1900. **3.** Извѣстія и замѣтки. Нѣсколько словъ о народной нравственности. **5, 6.** *Иванъ Самойловичъ.* Лѣтопись с. Разбишевки, Гадячскаго уѣзда, Полтавской губерніи. (Бытъ крестьянъ, сообщаются повѣрья).—**10.** Св. Андрей Критскій по церковному преданію и народному легендарному сказанію. Извѣстія и замѣтки: Христіанское богослуженіе въ Абиссиніи (Изъ „Душ. Чт."). Нѣсколько словъ о музыкѣ и ея значеніи въ дѣлѣ воспитанія народа.

Сѣверный Край 1901. 4. *А. О. К.*, Кола. Корреспонденція о занятіяхъ мѣстныхъ жителей ранней весной; рыбная ловля, лѣсныя работы, промышленники.—**13.** Палеонтологическія раскопки проф. В. П. Амалицкаго. (По статьѣ *Ал. Чехова* (А. Сѣдого) въ „Нов. Врем"). На Сѣв. Двинѣ вблизи ст. Котласъ.— **19.** *А. Л. М.*, Архангельскъ. Съ лѣтняго берега. Звѣриный промыселъ „юндами" не могъ быть начатъ ранѣе 9 го января. Звѣрь больше—„лысунъ". Мѣстами онъ показывался „юромъ" (стаей), держался б. ч. „на усу", т. е. чуть показывая по водѣ одни усы. Юндяный промыселъ продолжается до Срѣтенія, а при обиліи сайки и до Власія (11 февр.). Эти выжиданія съ надеждой на богатый уловъ сложили поговорку: „Морская коровушка не всегда доитъ, а всегда быть велитъ".—**20.** Александровскъ на Мурманѣ (корр.). Описываются тяжелыя условія жизни мурманскихъ колоній.—**25.** Съ р. Печоры. Рождественская ярмарка на Печорѣ у зырянъ (шкура, птицы, рыба). — **28.** Елка въ зырянской школѣ на Печорѣ. Вся обстановка и литературныя произведенія, исполненныя учениками, свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ культурнаго обрусенія на далекой окраинѣ.—**33, 36** и **37.** *Дружининъ, Н.*, Въ волостномъ судѣ и на сельскомъ сходѣ. (По поводу пересмотра положенія о крестьянахъ авторъ рисуетъ Большенесельскій Угличскаго уѣзда волостной судъ и сходъ).— **38.** *Алексинскій, Григорій*, Н. Ѳ. Слѣпушкинъ (къ 75-лѣтію его литературной извѣстности). „Досуги сельскаго жителя", „Похороны жены поселянина", „Четыре времени года", „Новые досуги сельскаго жителя", „Разсказъ дѣтямъ отца, бывшаго въ расколѣ перекрещенцевъ", „Изба", „Утро", „Пашня", „Сѣнокосъ", „Жатва", „Уборка льна", „Продажа пшеницы", „Женитьба поселянина", „Дѣвишникъ", „Свадьба", „Крестины", „Похороны жены поселянина", „Возвращеніе воина въ домъ", „Мірская сходка", „Троицынъ день", „Праздникъ" (встрѣча Пасхи), „Пиръ", „Посидѣлки", „Святочныя гаданья", „Сельская масленица" и другія стихотворенія этого поэта, крестьянина изъ Ярославской губ., а также біографическія свѣдѣнія о немъ имѣютъ не мало этнографическаго интереса.—**41.** Судебная хроника: Колдунья. Встрѣчи съ ней боятся. Если кошка къ ней бѣжитъ—это нечистый. Началось дѣло отъ богомольцевъ, останавливавшихся у подсудимой (Мареы); среди богомольцевъ были „порченыя"; потомъ такія же завелись и на селѣ. Обвиняютъ ее, Мароу.—**47.** Экспедиція на Печору. Содержаніе доклада мичм. Новосильцева въ Имп. Русс. Географич. Об—вѣ—о р. Печорѣ и Печорскомъ краѣ.—**61.** Шенкурскій у. Арх. губ. На берегу р. Ваги стоитъ деревушка Городище. Ходятъ крестьянскія преданія, что здѣсь былъ городъ и жила „чудь бѣлоглазая", ограбившая новгородскихъ купцовъ, шедшихъ на сѣверъ. Разрушенъ городъ новгородской вольницей. Сейчасъ сохранился круглый ровъ и насыпь. Желательны раскопки.—**71.** Кемь. Условія сдачи сѣнокосныхъ участковъ отъ городскаго управленія. Кулаки заѣдаютъ.—**76.** *А. М. Л.*, Какъ промышляютъ морского звѣря зимою на Бѣломъ морѣ лѣтнестороны (промышленники съ Лѣтняго берега). Когда приготовленія кончатся, устраиваются проводы: блины, угощеніе; бабы причитаютъ; старики даютъ наставленія, запрещаютъ тайно отъ товарищей ѣсть хлѣбъ— отъ этого происходятъ всѣ неудачи промысла.—**77.** Засѣданія Общества для изслѣдованія Ярославской губ. въ естественно - историческомъ отношеніи.

Е. А. Блажіевичъ, О дикорастущихъ лекарственныхъ растеніяхъ Яросл. губ. и др. доклады).—**84.** *Александровъ, Л.*, Очерки охотничьей жизни (въ рыбинскомъ уѣздѣ Яросл. губ.). Топографія; дичь; промышленники-крестьяне.—**146.** Калязинъ. (корр): Странствованіе русскихъ богомольцевъ по монастырямъ и посѣщеніе калязинскаго монастыря.—**150.** Письмо изъ Костромы. Въ дер. Глазковѣ воръ приговоренъ къ 50 земнымъ поклонамъ предъ всѣмъ народомъ.—**161.** *Ѳ.* Отъ Архангельска до Норвегіи. (Путевые очерки на бытовые мотивы).—**42, 179** и **222.** *Христославовъ Аввакумъ*, Письмо изъ деревни (описаніе быта и міропониманія народа).—**28** и **190.** *Тюлинъ Н.* Изъ Ветлужскихъ краевъ. Крестьянское самоуправленіе. —**210** и **213.** *Алексинскій, Г. А..* Ростово-Суздальская область и ея историческое значеніе.—**211, 212, 213, 214, 215, 216, 217.** Областной съѣздъ изслѣдователей исторіи и древностей Ростово-Суздальской области.—**228.** *Нажививъ, Ив.* Въ родныхъ краяхъ. VI. Живучая пѣсня (Частушка).—**230.** *А. М. Л.*, Труженики моря. (Бѣломорскіе промышленники и различные случаи изъ ихъ промысловой жизни).

Тульскія Губ. Вѣд. 1900. 3. Смѣсь. Турецкій театръ. Употребленіе носового платка во Франціи. **8.** Въ Бухарѣ (Изъ „Русск. Вѣд."). **10.** Смѣсь. Новый годъ въ Японіи Описывается обрядъ изгнанія чорта. **11.** Смѣсь. Изъ жизни буровъ („Изъ Kölnische Zeitung"). **13.** Смѣсь. Новый годъ у китайцевъ. **16.** Какъ относится нашъ простой народъ къ церковному пѣнію и проповѣди? **84.** Смѣсь. Преданіе о паукахъ крестовикахъ. **86.** Смѣсь. Свадьба мертвецовъ въ Китаѣ. („Изъ Н. Messagero").

Уралъ. 1901. 1212. *Зотовъ, А. Е.*, (учитель), Черемисскій Сабантуй. (Праздникъ передъ посѣвомъ въ Красноуфим. у.).—**1216.** *Единовѣрецъ*, Епископъ у единовѣрцевъ.—**1220.** *Н-въ*, Тройца въ старину.—**1222.** Главный тормазъ кустарничества на Уралѣ (притѣсненія кустаря, какъ конкуррента заводовъ.—**1226.** Секта Подгорнаго (изъ „Миссивіор. Обозр.)—**1227.** *Жукъ И.*, Челябинскъ. Чудодѣйственное озеро. Близъ пос. Бѣлоусовскаго цѣлебное озеро Шантропай (600 дес. и глубокое) пользуется славой среди мѣстныхъ жителей.

Холмско-Варшавскій Епарх. Вѣстникъ 1900. 14. Проф. И. Варшавскаго унив. *Ив. Филевичъ.* Программа для собиранія свѣдѣній по этнографіи Холмской Руси.

Новости этнографической литературы.

Алекторовъ, А. Е. Указатель книгъ, журнальныхъ и газетныхъ статей и замѣтокъ о киргизахъ. Казань. 1900. Ц. 6 р. 15 к.

Алмазовъ, А. И. Апокрифическія молитвы, заклинанія и заговоры. Одесса. 1901. Ц. 65 к.

Богдановичъ, К. И. Очерки Чукотскаго полуострова, (Съ картой, 2 планами, 2 таблицами автотипій и рисунками въ текстѣ). Спб. 1901. Ц. 3 р.

Богоразъ. В. Г. Матеріалы по изученію чукотскаго языка и фольклора, собранные въ Колымскомъ округѣ. Часть 1-я. Образцы народной словесности чукочъ. (Тексты съ переводомъ и пересказы). Спб. 1900. 8⁰ X+XXXVI+417 стр. 371, экз. Ц. 3. 60 к.

Богородицкій, В. А. Изслѣдованіе говора деревни Бѣлой (Казанской губ.). К. 1900. 8⁰, 40 стр. и 1 таблица. 200 экз. Ц. 50.

Богородицкій, В. А. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Пособіе. Казань. 1901. Ц. 2 р.

Бокъ, В. Г. Матеріалы по археологіи христіанскаго Египта. Посмертное изданіе. Текстъ и таблицы. Спб. 1901. Ц. 7 р.

Бржескій, Н. Очерки юридическаго быта крестьянъ. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Будиловичъ, Н. Историческая замѣтка о русскомъ Юрьевѣ стараго времени въ связи съ житіемъ св. Исидора и 72 юрьевскихъ мучениковъ. Юрьевъ. 1901. Ц. 1 р.

Бурцевъ, А. Е. Обстоятельное библіографическое описаніе рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ, брошюръ, художественныхъ изданій, старыхъ и новыхъ рукописей, гравюръ, грамотъ, портретовъ, лубочныхъ картинокъ, указовъ и разныхъ летучихъ листовъ, съ пояснительными замѣчаніями и полными перепечатками болѣе рѣдкихъ книгъ и др. библіографическихъ матеріаловъ. Томъ II. Спб. 1901. 8⁰. Стр. съ 307 по 644 стр.; 150 экз.

Вакуловскій, Н. Н. Памяти П. В. Шейна. („Филол. Зап." 1900. IV—V).

Введенскій, А., проф. О закономѣрности въ исторіи естественныхъ религій. Сергіевъ посадъ. 1901. Ц. 40.

Верещагинъ, В. В., Художникъ. Духоборцы и молокане въ Закавказьѣ. Шіиты въ Карабахѣ. Батчи и опіумоѣды въ средней Азіи. Оберъ-амергау въ горахъ Баваріи. Разсказы съ рисунками. Москва. 1900. 8⁰, 90 стр., 1.200 экз. Ц. 60 к.

Веселовская, Е. Д. Б. Амурскій край и наши переселенцы. М. 1901. Ц. 10 к.

Веселовская, Н. Б. Буряты. М. 1901. Ц. 10 к.

Вилинскій, С. Г. Сказаніе черноризца Храбраго письменахъ славянскихъ. Одесса. 1901. Ц. 25 к.

Вольпянъ-Смоленская, Г. Еврейская женщина, ея роль и положеніе въ исторіи еврейскаго народа. Вильна. 1900. 8⁰, 40 стр., 1.500 экз. Ц. 25 к.

Вольтеръ, Э. А. Списки населенныхъ мѣстъ Сувалкской губерніи, какъ матеріалъ для историко-этнографической географіи края. Спб. 1901. Ц. 3 р.

Гагаринъ, Г. Г., кн. Собраніе византійск., грузинск., и древне-русскихъ орнаментовъ и памятниковъ архитектуры, 2 серія. Спб. 2⁰, 2 стр. и 29 таблицъ чертежей. 1.000 экз.

Гейеръ, И. И. Путеводитель по Туркестану. Съ 2 картами и 1 портретомъ, Ташк. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Германъ, И. Маточныя кольца въ народной медицинѣ. („Вѣстн. общ. гигіены, судеб. и патолог. медицины". 1900. № 10).

Голубинскій, Е. Исторія русской церкви. Т. I. Полутомъ I. М. 1901. Ц. 5 р.

Гопчевичъ, Спиридонъ. Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе. Издано съ 38 оригин. рисунками и 2 планами въ текстѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго М. Г. Петровичъ. Спб. 1899. 8⁰, XV + 364 + XII стр. 1.000 экземп.

Де-ла-Грассери, Р. Психологія религій. Пер. съ франц. В. И. Писаревой. Спб. Изд. Д. Павленкова. Стр. 330. Ц. 1 р. 25 к.

Грузинскій, А. Е. П. В. Шейнъ. Некрологъ. („Журн. Мин. Нар. Просв.". 1900. XII).

Гюнтеръ, Р. Исторія культуры. Пер. съ нѣм. Изд. Суворина. Спб. 1901. 8 д., 352 стр. 2.000 экз. Ц. 1 р.

Дживелеговъ, А. К. Городская община въ средніе вѣка. Нѣкоторыя новыя теоріи о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ. Изд. магаз. „Книжное дѣло". Москва. 1901. 8⁰, 84 стр., 1.200 экз. Ц. 50 к.

Діонисій, іером. Идеалы православнаго русскаго инородческаго миссіонерства. Казань. 1901. Ц. 1 р. 25 к.

Докучаевъ-Басковъ, К. А. Церковно-приходская жизнь въ городѣ Каргополѣ въ XVI—XIX вѣкахъ. Изд. Имп. общ. ист. и древн.-росс. (печ. подъ наблюд. С. А. Бѣлокурова). М. 1900. 8⁰, 43 стр. 360 экз.

Дурново, Н. Описаніе говора деревни Парѳенокъ, Рузскаго уѣз., Московской губ. („Русс. Фил. Вѣстн." 1900. III—IV).

Исполатовъ, Е. Страна кареловъ, ея природа и жители. („Ест. и Геогр". 1900. X).

Карауловъ, М. Говоръ калѣкъ Жиздринскаго уѣзда, Калужской губерніи. („Р. Ф. В." 1900. I—II).

Карауловъ, М. Говоръ станицы бывшаго Моздокскаго полка Терскаго казачьяго войска. Докладъ, прочитан. на 32-мъ засѣд. Лингвистическ. отдѣл. Неофилологическ. Об-ва при С.-Петербургск. университетѣ 23 февр. 1900 г. („Русс. Филол. Вѣст. 1900. III—IV).

Карменъ, „Дикари" (Изъ жизни обитателей Одесскаго порта), съ иллюстраціями. Одесса. 1901. Ц. 35 к.

Каталогъ 2-й Ковенской выставки изящныхъ искусствъ, древностей и рѣдкостей. Ковна. 1900. 50 стр.

Кирши Данилова, Сборникъ. Изд. Имп. Публ. Библіотеки по рукописи, пожертвованной кн. М. Р. Долгоруковымъ. Подъ ред. П. Н. Шефферъ. Спб. 1901. 8⁰ XLVI+284 стр. (Указатели стр. 221—284). Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевъ, С. А. Спутникъ по сѣвернымъ путямъ сообщенія (Архангельскъ-Москва). М. 1901. Ц. 60 к.

Козминъ, Н. Двоевѣріе народа русскаго, выразившееся въ его духовныхъ стихахъ (Перепеч. изъ „Арх. Губ. Вѣд." 1900 г.). Архангельскъ. 1900. 16⁰, 72 стр., 100 экз.

Коковцевъ, Н. Поѣздка въ Соловецкій монастырь (съ 3 рис.). Спб. 1901. Ц. 75 коп.

Кудрявскій, Д. (проф.), Четыре стадіи въ жизни древняго индуса. Актовая рѣчь. („Уч. Зап. Имп. Юрьев. Унив." 1900. IV).

Лазаревскій, А. М., Старинные польско-русскіе календари. Кіевъ. 1900. 8⁰, 22 стр., 60 экз.

Лебединскій, П. М. Краткій историческій обзоръ движенія и развитія еврейскаго законодательства за время отъ Моисея въ XV в. до Р. Х. до Маймонида (Рамбамъ) въ XII в. по Р. Х. Спб. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Линда, К. Манчжурія (Географическій очеркъ). Съ картою. Спб. 1900. 8⁰, 23 стр., 350 экз. Ц. 50 к.

Любавскій, М. Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Изд. Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. М. 1901. Ц. 4 р.

Марръ, Н. Ипполитъ. Толкованіе пѣсни пѣсней. Грузинскій текстъ по рукописи X вѣка, перев. съ арм. Съ 1 палеографической таблицей. (Тексты и разысканія по армяно-груз. филологіи III. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Мартемьяновъ, Т. А. Правда о „Камаринской" и „Барынѣ". Исторія двухъ народныхъ пѣсенъ. („Ист. Вѣст.". 1900. X).

Милюковъ, П. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. 3-я. Націонализмъ и общественное мнѣніе. Вып. I. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Мюллеръ, М. Шесть системъ индѣйской философіи. Перев. съ англ. П. Николаева. М. 1901. Ц. 2 р.

Неклепаевъ, И. Я. Народная медицина въ Сургутскомъ краѣ. Спб. 1900. 8 д., 31 стр., 50 экз.

Отчетъ плунгянской сельско-хозяйственной и кустарнаго промысла выставки 16—19 сентября 1900 года. Вильна. 1900. 8° 16 стр., 100.

Пергаментъ, О. Я. Приданое по Бессарабскому праву. Од. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

Перетцъ, В. Н. Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы. Томъ II: Изъ исторіи старинной русской повѣсти. 1. Слухи и толки о патріархѣ Никонѣ въ литературной обработкѣ писателей XVII—XVIII вв. Спб. 1900. 8°, 68 стр., 340 экз. От. изъ изв. отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. академіи наукъ, т. V. 1900 г., кн. 1-ой).

Петровъ, Алексѣй. (перелож.). 50 русскихъ народныхъ пѣсенъ, трехголоснаго и четырехголоснаго смѣшаннаго хора, для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ. Спб. 1901. Ц. 75 к.

Платоновъ, С. Ѳ. Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв. (Опытъ изученія общественнаго строя и сословныхъ отношеній въ смутное время). Изд. 2-е. Спб. 1901. 8°, XII+520 стр. и 1 карта. 2.050 экз. Ц. 3 р.

Покровскій, Александръ. Библейское ученіе о первобытной религіи. Опытъ библейско-апологетическаго изслѣдованія. Свято-Троицкая Сергіева Лавра 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Поповъ, К. Расколъ и его путеводители. Изд. 2-ое, дополн. М. 1901. Ц. 2 р.

Поѣздка въ предѣлы Западной Монголіи, совершенная въ 1899 году Зайсангомъ Малодербетевскаго улуса Астраханской губ. Леджиномъ Арлуевъ и его двумя спутниками. Спб. 1901. Ц. 50 к.

Религіозныя вѣрованія съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сборникъ лекцій и статей иностранныхъ ученыхъ и публицистовъ. Переводъ съ англійскаго В. А. Тимирязева. Часть 1-я. До-христіанскія и не-христіанскія вѣрованія. Спб. 1900. Изд. и тип. А. Суворина. 8°, VI+346 стр. 2.000 экз.

Риндеръ, Ф. Японскія легенды. Съ нѣм. А. А. Ѳедорова-Давыдова. Съ 37 рис. Изд. ред. журн. „Муравей". (Доступная библіотека). М. 1901. 8 д., 70 стр., 2.500 экз. Ц. 25 к.

Рогановичъ Іованъ П. „Македонскій вопросъ" на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Каз. 1900. 8°, 84 стр., 300 экз.

Родіонова, И. В. Кумышка (Очеркъ) (Перепеч. изъ №№ 108 и 119 „Прилож. къ Вят. Губ. Вѣд."). Вятка. 1900. 12°, 19 стр., 100 экз.

Ромодановская, Е. С. Якуты и ихъ страна. М. 1901. Ц. 10 к.

Россія. Полное географическое описаніе нашего отечества. Подъ ред. В. П. Семенова. Т. VI. Среднее и нижнее Поволжье и Заволжье. Спб. 1901. Ц. 2 руб. 50 коп.

Садовниковъ, Д. Загадки русск. народа. Сборникъ загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ. Изд. А. Суворина. Спб. 1901. 8°, 304 стр., 8.000 экз. Ц. 1 руб. 25 к.

Сельскій танецъ и садъ садыти. Бытовая пѣсни Бессарабской губерніи для 4-хъ голоснаго хора (Собственность Рестовской церковно-приходской школы

Бессарабской губерніи, Хотинскаго уѣзда). 1900 года. Спб. 8⁰, 5 стр., 100 экз. Ц. 60 коп.

Семеновъ, Вл. На дальнемъ Востокѣ. Очерки и разсказы. Спб. 1900. Ц. 1 р.

Спренжинъ, К. А. Нѣкоторыя данныя о кумышкѣ, приготовляемой вотяками Вятской губерніи (перепеч. изъ № 94-го „Прилож. къ Вят. Губ. Вѣд."). Вятка. 1900. 16⁰. 10 стр., 100 экз.

Старке, К. Н. Первобытная семья, ея возникновеніе и развитіе. Спб. 1901. Ц. 1 р. 60 коп.

Сырку, П. А. Отголоски народной пѣсни о свв. Димитріи и Ахилѣ въ духовной литературѣ южныхъ славянъ (Отт. изъ „Извѣстій отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. академіи наукъ", т. V (1900 г.). Спб. 1900. 8⁰, 10 стр., 45 экз.

Сырку, Полихроній. Очерки къ исторіи литературныхъ сношеній болгаръ и сербовъ въ XIV—XVII вв. Житіе св. Николая Новаго Софійскаго по единственной рукописи XVI вѣка. Спб. 1901. Ц. 3 р. 50 к.

Тверской, П. А. Новыя главы духоборческой эпопеи. Спб. 1900. Ц. 25 к.

Тексты и разысканія по армяно-грузинской филологіи III. Спб. 1901. Ц. 2 р.

Тристрамъ, Г. В. Восточные обычаи въ библейскихъ странахъ. Спб. 8⁰, 143 стр., 600 экз.

Указатель кустарно-промышленной и сельско-хозяйственной выставки и горнаго ея отдѣла 1900 года въ гор. Тулѣ. Тула. 8⁰, 122+III стр. и планъ. Ц. 15 к. То-же. VIII+2+49 стр. Ц. 10 коп.

Ханенко *), **Б. И. и В. И.** Древности Приднѣпровья. Эпоха великаго переселенія народовъ. Вып. IV. Кіевъ. 1900. Ц. 3 р.

Харламповичъ, К. Къ вопросу о сущности русскаго раскола старообрядчества. Казань. 1900. 8⁰, 22 стр., 200 экз.

Харузинъ Н. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Имп. Московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное. Подъ ред. В. и А. Харузиныхъ. Вып. I. Спб. 1901. Стр. X+343. Ц. 2 р.

Червинскій, А. Къ вопросу о суевѣрномъ почитаніи народомъ пятницы. („Земск. Сбор. Черниг. губ. 1900. IV).

Чернышевъ, В. Краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ говорахъ Дмитровскаго, Богородскаго и Егорьевскаго уѣздовъ (Отт. изъ VII вып. „Матеріаловъ для изученія великорусскихъ говоровъ"—Извѣстій отдѣленія русск. яз. и слов. Имп. акад. наукъ, т. V (1900 г.) кн. 2-й. Спб. 1900. 8⁰, 21 стр., 120 экз.

Шерстобитовъ, А. С. Какъ селились старообрядцы на Усѣ. („Ист. Вѣст." 1900. XI).

Щегловъ, В. Г. (проф.), Положеніе и права женщины въ семьѣ и обществѣ. („Врем. Демид. Лиц. 1900. кн 78-я).

Ясинскій, М. Н. Главный литовскій трибуналъ, его происхожденіе, организація и компетенція. Вып. I. Происхожденіе главн. лит. трибунала. Кіевъ. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

---

*) Въ кн. 49 „Этн. Обоз." напечатано ошибочно—Ханенно.

Хроника.

Освященіе памятника на могилѣ П. В. Шейна. Какъ извѣстно русская этнографія въ прошедшемъ году испытала крупную утрату въ лицѣ П. В. Шейна, скончавшагося одиноко въ Ригѣ. Тогда же Этнографическій Отдѣлъ открылъ подписку для сооруженія памятника на его могилѣ. Теперь памятникъ поставленъ и 19-го августа состоялось его освященіе при довольно торжественной обстановкѣ. Къ часу дня на Іисусовомъ кладбищѣ собралось человѣкъ 40—50 (въ прошломъ году на похоронахъ Шейна присутствовало всего 4 человѣка). Здѣсь были директоры всѣхъ трехъ рижскихъ гимназій, пять или шесть преподавателей, около двадцати гимназистовъ и рядъ другихъ лицъ. Законоучитель Александровской гимназіи о. Соколовъ при пѣніи гимназическаго хора совершилъ панихиду и освященье памятника, сказавъ послѣ церковнаго обряда нѣсколько словъ о заслугахъ покойнаго и о его любви къ всему русскому. Затѣмъ были возложены вѣнки на памятникъ отъ Александровской гимназіи директоромъ ея Е. В. Бѣляевскимъ, и отъ Этнограф. Отдѣла Император. Общ. Любит. Естествознанія членомъ отдѣла А. Е. Грузинскимъ, который при этомъ сказалъ слѣдующее:

„Сейчасъ мы совершили трогательный обрядъ, которому нельзя отказать въ серьезномъ общественномъ значеніи. Сооруженіемъ и освященіемъ памятника мы отмѣтили для будущихъ поколѣній могилу одного изъ выдающихся тружениковъ русской земли. Заботу, которая обыкновенно составляетъ дѣло семьи и родныхъ усопшаго, здѣсь взяло на себя общественное учрежденіе. (Памятникъ сооруженъ на средства, собранныя Этнографическимъ Отдѣломъ). И это не потому только, что у П. В. Шейна не осталось семьи, но потому, что вся жизнь и дѣятельность покойнаго была безраздѣльно отдана на служеніе русскому обществу, русскому народу. Надпись на памятникѣ говоритъ всякому, что почившій былъ собирателемъ памятниковъ народнаго творчества. Здѣсь не мѣсто раскрывать въ подробностяхъ значеніе дѣятельности П. В. Шейна въ этой области: онъ извѣстенъ главнымъ образомъ двумя громадными собраніями бѣлорусскихъ и великорусскихъ пѣсенъ и обрядовъ; семь большихъ томовъ его матеріаловъ изданы Ака-

деміей наукъ и Географическимъ обществомъ, труды его неоднократно увѣнчивались золотыми медалями отъ разныхъ ученыхъ обществъ, ни одна научная работа по народной лирикѣ не можетъ обойтись безъ собраній Шейна—все это краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ, что имя Шейна не забудется въ лѣтописяхъ русской науки. И дѣйствительно, сколько тысячъ народныхъ пѣсенъ, какія богатства языка и обрядовой старины навсегда охранены отъ забвенія въ его записяхъ и служатъ на потребу настоящихъ и будущихъ изслѣдователей русской народности; трудно даже представить себѣ, когда будетъ вполнѣ разработанъ наукой громадный матеріалъ, скопленный сорокалѣтнимъ неусыпнымъ трудомъ покойнаго. Но если плоды этого труда будутъ долго жить и давать благотворный стимулъ другимъ трудамъ въ научной сферѣ, этотъ памятникъ будетъ напоминать, гдѣ и когда вкусилъ вѣчный покой самъ труженикъ.

Въ его многострадальной жизни есть нѣсколько замѣчательныхъ особенностей. Судьбѣ угодно было, чтобы П. В. Шейнъ, по условіямъ своей работы почти всю жизнь проведшій въ разъѣздахъ по Россіи и нигдѣ не свивавшій постояннаго гнѣзда, былъ наконецъ заброшенъ сюда въ чуждый ему городъ и вдали отъ друзей и знакомыхъ успокоился отъ своего жизненнаго скитальчества. Пусть же будетъ ему легка принявшая его земля.

Затѣмъ ему какъ будто суждено было явить въ себѣ символъ соединенія нѣсколькихъ весьма разнородныхъ элементовъ русскаго государства. Онъ былъ, какъ извѣстно, еврей по происхожденію, лютеранинъ по вѣроисповѣданію, владѣвшій съ дѣтства нѣмецкимъ языкомъ такъ же прекрасно, какъ и русскимъ, и, наконецъ, горячій поклонникъ и служитель русской народности по призванію. Національныя и вѣроисповѣдныя особенности не мѣшали ему идти своей дорогой. Еврейскій, нѣмецкій и народный русскій элементы какъ будто на образецъ сливались въ немъ и объединялись въ высшемъ единствѣ безкорыстныхъ умственныхъ интересовъ и искреннихъ жизненныхъ стремленій.

Наконецъ, послѣдняя особенность Шейна заставляла всѣхъ, знавшихъ его лично, удивляться его дѣятельности.

Надо представить себѣ, что такое значитъ собирать произведенія устной народной поэзіи. Это значитъ разъѣзжать по городамъ, селамъ и деревнямъ, преимущественно забираясь въ глухіе углы, въ непроѣздныя и непролазныя мѣста, гдѣ паритъ тьма и дичь, но гдѣ живъ до сихъ поръ старый укладъ жизни и съ нимъ старая пѣсня, старый обрядъ. Русскому собирателю приходится обладать энергіей и здоровьемъ исключительными, такъ какъ иногда его дѣятельность прямо напоминаетъ какую-нибудь географическую экспедицію въ глубь неизслѣдованной страны. Мы знаемъ, что Гильфердингъ надорвалъ свои силы и умеръ на второмъ году своихъ энергичныхъ поисковъ за былинами въ Олонецкомъ краѣ.

Теперь представьте себѣ, что подобной дѣятельностью сорокъ лѣтъ подъ рядъ занимался человѣкъ, не имѣвшій для этого никакихъ денежныхъ средствъ, кромѣ сбереженій отъ скуднаго заработка учителя гимназіи, а главное, человѣкъ, всю жизнь проболѣвшій, полукалѣка, съ дѣтскихъ лѣтъ лишенный свободнаго владѣнія руками и ногами. И этотъ человѣкъ сдѣлалъ въ своей области такъ много, что имя его, какъ собирателя, занимаетъ почетное мѣсто среди извѣстныхъ именъ Кирѣевскаго, Рыбникова, Афанасьева, Гильфердинга и Безсонова. „Работай честно въ мѣру силъ своихъ, какъ бы малы онѣ ни были—этого достаточно для полнаго нравственнаго оправданія всей твоей жизни"—вотъ принципъ, который можетъ примѣнить къ себѣ каждый человѣкъ. Жизнь П. В. Шейна даетъ въ этомъ отношеніи высоко ободряющій и поучительный примѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, кто опредѣлитъ мѣру силъ человѣческихъ, когда онѣ всю жизнь одушевляются горячей любовью и честнымъ служеніемъ излюбленной идеѣ.

Возлагая на могилу вѣнокъ отъ Этнографическаго Отдѣла, считаю долгомъ выразить отъ имени Отдѣла глубокую благодарность Е. В. Бѣлявскому и С. В. Кузнецову, потрудившимся съ любовью и охотой при сооруженіи памятника".

Отъ предсѣдателя отдѣла проф. В. Ѳ. Миллера была получена телеграмма. Говорили рѣчи Е. В. Бѣлявскій и преподаватель г. Васильевъ. Одна изъ дамъ украсила могилу букетомъ цвѣтовъ. Памятникъ представляетъ изъ себя высокій крестъ изъ прекраснаго темнаго гранита на пьедесталѣ-кубѣ; на одной сторонѣ пьедестала высѣчено золотыми буквами: „П. В. Шейнъ, собиратель памятниковъ русскаго народнаго творчества. 1826—1900"; на другой—„Памятникъ поставленъ въ 1901 году почитателями научныхъ трудовъ Шейна". Солидный памятникъ, болѣе сажени въ вышину, обошелся около 320-ти р.; денегъ, собранныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ, не хватило на прочную рѣшетку, и могила обнесена временной проволочной оградой. Е. В. Бѣлявскій въ своей рѣчи заявилъ, что среди рижанъ открывается подписка на устройство рѣшетки и поддержаніе въ порядкѣ могилы, и выразилъ увѣренность, что Рига достойнымъ образомъ будетъ заботиться о могилѣ выдающагося труженика въ области русской этнографіи. Прибавимъ, что съ памятника была снята фотографія, помѣщенная въ одномъ изъ ближайшихъ иллюстрированныхъ прибавленій къ газ. „Новое Время".

Проектъ международнаго библіографическаго указателя по этнографіи. Разростающаяся съ каждымъ годомъ литература по этнографіи и тѣсно соприкасающихся съ нею наукъ: антропологіи, доисторической археологіи, географіи и др., принимаетъ такіе размѣры, что услѣдить за нею занимающимся данной наукой или хотя бы одной отраслью ея становится все болѣе затруднительнымъ.

Отдѣльныя ученыя общества, авторы и редакторы спеціальныхъ книгъ и изданій стараются помочь дѣлу, обогащая библіографическимъ матеріаломъ свои изданія и книги. Но едва ли возможно отрицать, что какъ ни великъ трудъ, предпринятый отдѣльными лицами, результатъ ихъ работъ далеко не является совершеннымъ. Поэтому заслуживаетъ вниманія небольшая замѣтка библіотекаря Лондонскаго Anthropological Institute N. W. Thomas'a въ № 3 LXXX тома Globus'a за 1901, г. Указывая на сравнительно малую плодотворность библіографическихъ работъ, предпринимаемыхъ въ отдѣльныхъ странахъ по этнографіи (Thomas употребляетъ наименованіе: антропологическія науки, слѣдуя принятой многими англійскими учеными терминологіи), на то, что нерѣдко отдѣльныя лица съ большой затратой силъ продѣлываютъ одну и ту же работу (онъ приводитъ въ видѣ примѣра библіографическіе указатели по соматической антропологіи Деникера и Риплея) — онъ высказываетъ очень интересную мысль о созданіи международнаго библіографическаго органа. Въ самомъ дѣлѣ, отчего ту работу, которую берутъ теперь на себя различныя ученыя общества въ многочисленныхъ странахъ земного шара, отдѣльныя періодическія изданія и пр., не производить сообща, совмѣстными силами. Трудности при составленіи болѣе или менѣе полной библіографіи очень велики. Даже получше обставленныя ученыя общества и редакціи отдѣльныхъ спеціальныхъ изданій въ Западной Европѣ получаютъ далеко не всѣ выходящія новинки, обмѣниваются лишь съ малой сравнительно частью выходящихъ въ свѣтъ изданій, посвященныхъ тѣмъ же вопросамъ, какъ они. Упомянемъ хотя-бы богатую литературу по этнографіи въ широкомъ смыслѣ слова, появляющуюся въ различныхъ европейскихъ колоніяхъ, образцы которой не всегда можно достать въ библіотекахъ многихъ заграничныхъ ученыхъ обществъ и редакціяхъ иностранныхъ этнографическихъ журналовъ. Говорить нечего объ ученыхъ обществахъ Россіи, въ которыхъ обмѣнъ съ иностранными, даже европейскими изданіями обставленъ далеко не блестяще. Сознавая, какія трудности, даже въ одномъ матеріальномъ отношеніи, представляло бы для одного какого нибудь ученаго общества созданіе полнаго періодическаго международнаго библіографическато указателя, N. W. Thomas предлагаетъ соединиться для этой цѣли всѣмъ заинтересованнымъ въ этомъ дѣлѣ ученымъ обществамъ. Практически осуществленіе такого указателя представляется ему въ слѣдующемъ видѣ. Каждое ученое общество, членъ предпріятія, вноситъ ежегодно опредѣленную сумму денегъ на покрытіе расходовъ по изданію. Зато оно получаетъ извѣстное количество экземпляровъ указателя, которое оно, по желанію, можетъ распродавать или раздавать между своими членами. Извѣстное количество экземпляровъ пускается въ продажу отъ главной редакціи; но и каждому ученому обществу разрѣшается заказывать за свой счетъ желательное число экземпляровъ

и продавать ихъ отъ себя, по истеченіи устоновленнаго по взаимному соглашенію съ главной редакціей срока. Каждое ученое общество, принимающее участіе въ изданіи, обязуется слѣдить за текущей литературой въ данной странѣ или частью ея и доставлять въ редакцію международнаго библіографическаго указателя библіографическіе карточки не только по вышедшимъ трудамъ, но и по періодическимъ изданіямъ. Каждая карточка не ограничивается указаніемъ названія сочиненія, года и мѣста изданія, формата и пр. но заключаетъ въ себѣ и краткій перечень содержанія. Не останавливаясь на проектируемой Thomas'омъ внѣшней формѣ указателя, т. к., несмотря на ея тщательность и продуманность, она, быть можетъ, вызоветъ нѣкоторыя возраженія и поправки—нельзя не пожелать скорѣйшаго осуществленія интересной мысли англійскаго ученаго. Thomas предлагаетъ еще въ видѣ приложенія къ международному антрополого-этнографическому указателю добавить особый отдѣлъ: сообщенія о новыхъ пріобрѣтеніяхъ во всѣхъ музеяхъ. Нечего говорить, какую цѣну имѣлъ бы такой отдѣлъ для занимающихся этнографіей. Предложеніе свое Tohmas дѣлаетъ отъ лица Anthropological Institute и Folk Lore Society въ Лондонѣ, члены которыхъ изъявили уже свое согласіе на совмѣстную работу въ случаѣ осуществленія плана Tohmas'а. Заявленіе о желаніи присоединиться къ названнымъ обществамъ и запросы Thomas проситъ сообщить по слѣдующему адресу: London, 3, Hannover Square W. Anthropological Institute, N. W. Thomas.

Преміи имени М. И. Михельсона. Отдѣленіе русскаго языка и словесности ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, на основаніи § 9 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона, доводитъ до общаго свѣдѣнія, что въ настоящее конкурсное трехлѣтіе (1900—1903 гг.) назначены слѣдующія задачи:

1. *Тюркскіе элементы въ русскомъ языкѣ до-татарскаго нашествія.* Выясненіе, какія слова тюркскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Опредѣленіе словъ, заимствованныхъ русскимъ языкомъ изъ тюркскихъ нарѣчій до татарскаго нашествія, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго, и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ тюркскихъ словъ можно относить ко времени, предшествующему образованію этихъ вѣтвей русскаго языка; 2) систематическаго изслѣдованія русскихъ памятниковъ, отъ начала письменности до середины XIII в., со стороны встрѣчающихся въ нихъ заимствованій изъ тюркскихъ нарѣчій. Кромѣ словъ тюркскаго происхожденія, изслѣдованію подлежатъ и тѣ иноземныя слова, которыя вошли въ русскій языкъ черезъ посредство тюркскихъ нарѣчій. При опредѣленіи тѣхъ или другихъ за-

имствованій, должно имѣть въ виду точное, по возможности, пріуроченіе ихъ къ тѣмъ діалектическимъ разновидностямъ, которыя представляли тюркскіе говоры [1]). Впрочемъ, въ виду сравнительной скудости матеріала для древнѣйшихъ временъ русской письменности, а также трудности хронологическаго пріуроченія нѣкоторыхъ словъ, изслѣдователю разрѣшается переступить за предѣлъ эпохи татарскаго нашествія, ограничиваясь однако тѣмъ условіемъ, чтобы разбираемое слово представляло собою достояніе всего русскаго языка, а не одного или немногихъ говоровъ, въ которые оно могло войти впослѣдствіи, и чтобы оно вообще имѣло признаки, позволяющіе допустить возможность его принадлежности къ порѣ до-татарскаго періода.

2) *Германскіе, латинскіе и романскіе элементы, вошедшіе въ русскій языкъ до XV вѣка.* Опредѣленіе различныхъ эпохъ, къ которымъ можетъ быть пріурочено заимствованіе этихъ элементовъ. Выясненіе, какія слова германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, сохранившіяся въ русскомъ языкѣ, восходятъ къ общеславянской эпохѣ.—Какими путями шли заимствованія изъ этихъ языковъ въ русскій (Варяги, Рига, Польша и т. д.)? Опредѣленіе словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія, вошедшихъ въ русскій языкъ до XV вѣка, на основаніи: 1) изслѣдованія современныхъ русскихъ нарѣчій (великорусскаго, бѣлорусскаго и малорусскаго), имѣющаго показать, какія изъ находящихся въ нихъ германскихъ, латинскихъ и романскихъ словъ могутъ восходить къ эпохѣ до XV вѣка; 2) систематической выборки изъ русскихъ памятниковъ до XIV вѣка включительно словъ германскаго, латинскаго и романскаго происхожденія. Примѣчаніе: Ученая работа, посвященная изслѣдованію однихъ только германскихъ заимствованій, можетъ быть также удостоена преміи.

3) *Западное вліяніе на русскій языкъ въ Петровскую эпоху.* Опредѣленіе путей, которыми въ Петровскую эпоху шли заимствованія изъ западноевропейскихъ языковъ.— Систематическая выборка заимствованныхъ словъ изъ какого-нибудь, опредѣленнаго самимъ изслѣдователемъ, круга произведеній письменности Петровской эпохи (актовъ, узаконеній, учебниковъ, писемъ и литературныхъ произведеній), съ указаніемъ происхожденій этихъ словъ (слова нѣмецкія, шведскія, голландскія, польскія и т. д.).

4. *Уменьшительныя, увеличительныя и т. п. имена въ русскомъ языкѣ.* Списокъ суффиксовъ, посредствомъ которыхъ образуются уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя, презрительныя и т. п. имена существительныя (нарицательныя и собственныя) и прилагательныя въ литературномъ русскомъ языкѣ

---

[1]) Результаты изслѣдованія (слова иноземнаго происхожденія, заимствованныя въ русскій языкъ) должны быть расположены въ словарномъ порядкѣ.

и въ говорахъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и малорусскихъ. Возстановленіе древнѣйшихъ (обще-славянскихъ) звуковыхъ формъ этихъ суффиксовъ. Родственные суффиксы однородныхъ именъ въ другихъ славянскихъ языкахъ и въ главныхъ изъ индо-европейскихъ языковъ.

§§ 4, 5 и 7 Правилъ о преміяхъ имени М. И. Михельсона. Преміи имени М. И. Михельсона устанавливаются трехъ разрядовъ: въ 1000 р., 500 р. и 300 р.

Преміи имени М. И. Михельсона присуждаются каждые три года, начиная съ 16 декабря 1900 года. Сочиненія на соисканіе этихъ премій должны быть представляемы не позднѣе 1 марта послѣдняго года конкурснаго трехлѣтія *).

На соисканіе премій имени М. И. Михельсона допускаются какъ печатныя, такъ и рукописныя сочиненія на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, удовлетворяющія задачамъ, объявленнымъ при началѣ каждаго конкурснаго трехлѣтія особою комиссіею, которая образуется при Второмъ Отдѣленіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

Въ Инсбрукѣ, 9-го марта, скончался на 98 году жизни талантливый галицко-русскій писатель и общественный дѣятель, послѣдній могиканъ славянскихъ дѣятелей начала прошлаго вѣка, при которыхъ началась эпоха возрожденія славянства, Адольфъ Ивановичъ Добрянскій. Добрянскій считается начинателемъ угорско-русскаго возрожденія. Своихъ симпатій къ Россіи онъ никогда не скрывалъ и за это былъ вынужденъ бѣжать въ Галичину, откуда вернулся въ 1849 г. въ Венгрію, вмѣстѣ съ русскими войсками, прибывшими для подавленія возстанія мадьяръ. Добрянскій былъ во главѣ русской депутаціи, заявившей австрійскому правительству желанія своего народа: автономія Угорской Руси, равноправность съ мадьярами, учрежденіе русскихъ школъ, университета во Львовѣ и пр. Въ 1864 году имъ было основано „Общество св. Василія Великаго“, поставившее себѣ задачею издавать книги для церкви и школы. Находясь во главѣ этого общества, Добрянскій предпринялъ изданіе руссофильской газеты „Свѣтъ“, которою и руководилъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Покойный, несмотря на почетный служебный постъ начальника департамента, до конца дней своихъ состоялъ подъ надзоромъ австрійской полиціи, какъ опасный руссофилъ. („Россія“).

26-го іюля скончался въ Сайгонѣ (франц. Кохинхина) принцъ Генрихъ Орлеанскій (род. въ 1867 г.). Онъ прославилъ

[1]) Сочиненія на объявленныя нынѣ задачи должны быть представлены не позднѣе 1-го марта 1903 года—печатныя въ двухъ, рукописныя въ одномъ экземплярѣ и адресованы на имя Непремѣннаго Секретаря ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

свое имя трудными путешествіями въ неизслѣдованныхъ мѣстахъ Азіи и Африки. Мысль о путешествіи пробудилась у него случайно, вслѣдствіе неудачной попытки его въ 1889 году вступить въ ряды французской арміи. Вынужденный покинуть Францію, онъ предпринялъ вмѣстѣ съ Бонвало продолжительное путешествіе въ Среднюю Азію. Въ 1892 году онъ совершилъ поѣздку въ Индокитай и на Мадагаскаръ. Вернувшись оттуда, онъ началъ издавать свои замѣтки, представляющія большой научный интересъ. Полный кипучихъ силъ, молодой принцъ въ 1895 году уѣхалъ въ третье путешествіе, изслѣдовалъ теченіе рѣки Меконга и опредѣлилъ точное положеніе истоковъ рѣки Иравадди. Ему удалось также доказать несостоятельность плана англичанъ провести желѣзную дорогу, которая, начинаясь у долины Брамапутры, должна была пересѣчь Бирманъ и, такимъ образомъ, соединить Индію съ южными провинціями Китая. Эти изслѣдованія имѣли большое значеніе для французской колоніальной политики, вслѣдствіе чего Географическое Общество (въ Парижѣ) присудило ему большую золотую медаль; оно ходатайствовало также передъ правительствомъ о награжденіи его орденомъ Почетнаго Легіона, что въ свое время возбудило въ Парижѣ много толковъ. Въ 1897 г. принцъ Генрихъ занялся изслѣдованіемъ Центральной Африки, для чего онъ образовалъ въ Бельгіи вмѣстѣ съ Леонтьевымъ общество для эксплоатаціи богатствъ экваторіальныхъ провинцій Абиссиніи. Неблагопріятныя сужденія его объ итальянской арміи въ Абиссиніи вызвали дуэль съ графомъ Туринскимъ. Въ этомъ году принцъ намѣревался изслѣдовать Манджурію и Корею, преслѣдуя скорѣе политическія, чѣмъ экономическія цѣли. Онъ живо интересовался политическими осложненіями на дальнемъ востокѣ, такъ какъ думалъ, что Франція, какъ обладательница Индокитая, должна играть главную роль въ ихъ разрѣшеніи. На пути въ Корею онъ остановился въ Аннамѣ, и во время охоты на дикихъ козъ у него обнаружилась серьезная болѣзнь, сведшая его въ могилу. Наблюденія свои принцъ Генрихъ издалъ въ нѣсколькихъ работахъ: Six mois aux Indes (1889), Une excursion en Indo-China (1892), Autour de Tonkin (1893), A Madagaskar (1895). Кромѣ того, онъ сотрудничалъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ (напр., Le Figaro). Изъ „H: bladet". *Вл. Г.*

Газета Göteborgs Handelstidning получила отъ Свенъ Гедина изъ Чарклика (Tjarkhlik) письмо, отъ 27-го апрѣля нов. ст., въ которомъ онъ сообщаетъ о своемъ послѣднемъ путешествіи и высказываетъ планы о будущемъ. Путешествіе длилось четыре мѣсяца; дорога шла черезъ совершенно неизслѣдованныя части Азіи; увѣнчалось путешествіе многими важными открытіями.

Пройдя насквозь обширную пустыню Гоби въ направленіи къ

западу отъ города Са-джео, путешественники наши очутились на сѣверѣ среди гористой мѣстности въ очень затруднительномъ положеніи: въ теченіе двѣнадцати дней, на протяженіи 36—48 миль не было ни капли воды, и только наконецъ уже въ одномъ ущельѣ сыскали снѣжныя залежи, утолившія жажду. Такъ, благополучно подошли путешественники къ источнику, извѣстному у окрестныхъ жителей подъ именемъ Алтымышъ-булакъ, у котораго Гединъ былъ уже раньше. Оттуда путешественники направились къ открытымъ еще въ прошломъ году развалинамъ. Среди сохранившихся трехъ зданій лежали развалины домовъ, храма, мастерскихъ и громадной башни, расположенной у нѣкогда шумной торговой дороги черезъ Са-джео, между Китаемъ и восточнымъ Туркестаномъ. Эта дорога шла возлѣ сѣвернаго берега озера (теперь высохшаго) Лобъ-норъ, которое Гединъ подвергъ внимательному изслѣдованію. Въ развалинахъ было найдено множество интересныхъ, отчасти цѣлыхъ, отчасти фрагментарныхъ китайскихъ рукописей, 30 небольшихъ палочекъ изъ тамариска, на которыхъ власти опредѣляли налогъ, взыскиваемый съ жителей. Одинъ китаецъ смотрѣлъ рукописи и опредѣлилъ, что это частная переписка; въ письмахъ встрѣчается много географическихъ именъ; кромѣ того, они всѣ датированы. Китаецъ утверждалъ, что они написаны лѣтъ 800 тому назадъ. Въ Чарпликѣ Свенъ Гединъ снаряжаетъ огромный караванъ состоящій изъ 38 верблюдовъ, 24 лошадей, 7 муловъ и 70 ословъ; 20 мусульманъ, 4 казаковъ и 2 ламъ, которые будутъ служить въ Тибетѣ переводчиками. „У меня будетъ пышная свита,“ пишетъ Свенъ Гединъ. „Мы выступаемъ черезъ недѣлю и идемъ черезъ Тибетское плоскогорье къ истокамъ рѣки Инда; вѣроятно, гдѣ-нибудь въ удобномъ мѣстѣ мнѣ и будетъ дано позволеніе перезимовать. Тѣмъ временемъ я думаю ненадолго съѣздить въ Индію. Когда дорога очистится отъ снѣга, мы снова двигаемся черезъ Ладахъ (Ladah) и Каракорумъ къ Кашгару; тутъ я распускаю свой караванъ и возвращаюсь домой. Вообще, путешествіе черезъ Тибетъ не изъ легкихъ; возможно, что большая часть скота падетъ въ дорогѣ, но я льщу себя, что никогда еще не снаряжалось такого каравана въ ту страну, которую, сверхъ того, я довольно хорошо знаю. Въ географическомъ отношеніи это будетъ богатое путешествіе, которое уже теперь обнаруживаетъ важныя слѣдствія. Топографическія карты мѣстности занимаютъ уже 730 листовъ и могутъ быть опубликованы только въ видѣ большого атласа. Я не считаю кромѣ того тѣхъ картъ, которыя выполнены казаками; самъ я не былъ въ тѣхъ мѣстахъ, но я желалъ собрать свѣдѣнія и о нихъ. Не мало времени потребуется и для обработки научнаго матеріала, собраннаго мною“.

Изъ „H: bladet“. *Вл. Г.*

Въ Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ напечатано письмо извѣстнаго путешественника Свена Гедина отъ 19-го іюля.

Письмо помѣчено подножьемъ Аркатага, въ Сѣверномъ Тибетѣ. Отсюда Свенъ Désинъ намѣревался двинуться дальше по направленію на Ладаку для изслѣдованія истоковъ Инда. Весною будущаго года онъ думаетъ вернуться черезъ Кашгаръ въ Ошъ. Въ Кашгаръ уже прибылъ караванъ изъ 15-ти лошадей, который привезъ туда коллекціи, карты, снимки и дневники Гедина,— результаты его двухлѣтнихъ изслѣдованій. „Русск. Вѣд.".

Какъ сообщаетъ парижскій корреспондентъ „Svenska Dagbladet", финляндскій скульпторъ, Э. Викстрёмъ усиленно работаетъ надъ статуей Лённрота.

Главная фигура, изображающая Лённрота во весь его ростъ въ будничной одеждѣ, правда, еще не готова. Скоро однако скульпторъ начнетъ отливать женскую фигуру, олицетворяющую финскую лирику (Кантелетаръ). Онъ вдохновился легендой о Вейнемейненѣ, встрѣтившемъ въ лѣсу молодую дѣвушку, которая предложила ему свои золотые волосы на струны кантеле. Усѣвшись въ лѣсу, дѣвушка прислушивается къ шуму вѣтра. Голова ея слегка поднята вверхъ; опершись правой рукой о колѣно, она закручиваетъ свои развѣвающіеся волосы. Дѣвушка одѣта въ древне-финскій нарядъ, обнаруживающій выразительныя, рѣзкія линіи ея тѣла. Отъ всей фигуры, созданной скульпторомъ, вѣетъ тихимъ раздумьемъ.—Съ другой стороны будетъ представленъ, какъ извѣстно, пѣвецъ Вейнемейненъ, простирающій лѣвую руку къ Лённроту. Изъ „H. bladet." *Вл. Г.*

Финское литературное общество поручило доктору Ѳ. Швиндту приготовить къ печати работу, подъ названіемъ „Финскія ленты", которая явится продолженіемъ его труда „Финскія украшенія." Вѣроятно, въ связи съ этимъ стоитъ его этнографическая поѣздка въ Западную Финляндію и Эстерботнію.

Учителю І. Хейхе (Häyhä), автору книги: „Очерки изъ жизни восточной Финляндіи" (въ 5 частяхъ) Финское литературное общество опредѣлило выдать награду въ 400 марокъ.

Изъ „H: bladet". *Вл. Г.*

Въ теченіе трехъ лѣтъ д-ръ Г. Паасоненъ пользовался отъ Александровскаго университета (въ Гельсингфорсѣ) стипендіей имени Розенберга (8000 мар. въ годъ). Это время онъ употребилъ на изученіе языковъ финскихъ инородцевъ (мордвы, черемисовъ, остяковъ, чувашей, мещеряковъ). Съ начала августа 1900 года онъ провелъ около девяти мѣсяцевъ сперва въ Демьянскомъ, затѣмъ въ Сургутѣ, изучая вмѣстѣ съ маг. К. Карьялайненомъ

кондскій и юганскій діалекты остяцкаго языка. Усилія д-ра Паасонена направлены были на собираніе словарнаго и фольклорнаго матеріала, увѣнчавшееся богатыми результатами, такъ какъ д-ръ Паасоненъ поручилъ записи грамотнымъ мордовцамъ и чувашамъ, которымъ были назначены небольшія стипендіи отъ Финско-угорскаго общества. Д-ръ Паасоненъ впослѣдствіи самъ провѣрилъ извѣстную часть ихъ записей. Лѣтомъ онъ ненадолго заѣзжалъ въ Финляндію, послѣ чего предпринялъ новое путешествіе къ мордвѣ. Консисторія Гельсингфорсскаго университета продолжила ему стипендію еще на годъ, до окончанія его изслѣдованій.

Изъ „Finnisch-Ugrische Forschungen". *Вл. Г.*

30-го сентября нов. ст. въ Або былъ открытъ памятникъ на могилѣ недавно умершаго секретаря Финскаго литературнаго общества, Ф. В. Рутстена, о значеніи котораго делегатъ Общества, проф. К. Кронъ произнесъ выразительную, задушевную рѣчь. Ревностный работникъ, Рутстенъ отдалъ всѣ свои силы на служеніе родинѣ. Молодымъ магистромъ онъ основалъ въ 1862 году среди западно-финскаго студенческаго землячества кружокъ „друзей свободы", члены котораго обязывались говорить между собою по-фински (права гражданства были дарованы финскому языку Императоромъ Александромъ II въ 1863 году). Избранный въ 1870 году секретаремъ Финскаго литературнаго общества, Рутстенъ неизмѣнно поддерживалъ идею народности, насаждая въ странѣ образованность. Широкій умъ его охватывалъ различныя области знанія; подъ его редакціей вышла большая часть изданій Общества (словари, сборники законовъ, земледѣльческія руководства, произведенія народной литературы). Самъ онъ съ особенною любовью комментировалъ первое дешевое изданіе „Калевалы", такъ какъ ясно понималъ всю важность для народа этого памятника. Онъ не забылъ свой народъ и передъ смертью, завѣщавъ Обществу 15000 мар. на народное изданіе „Новаго Завѣта" и „Псалтири". Какъ человѣкъ, Рутстенъ былъ очень отзывчивъ; онъ съ величайшей услужливостью помогалъ и словомъ, и дѣломъ. Онъ былъ также очень скроменъ: несмотря на то, что университетъ неоднократно хотѣлъ поднести ему титулъ почетнаго доктора, Рутстенъ упорно отказывался, находя, что его работа слишкомъ ничтожна. Были однако въ характерѣ его странности. Онъ рѣдко являлся въ обществѣ, принимая у себя посѣтителей только въ опредѣленные дни; когда уже кончался срокъ пріема, Рутстенъ пожималъ плечами и говорилъ: „извините, но время—деньги", намекая тѣмъ, что какъ ему самому, такъ и гостю торопно...

Изъ „H: bladet". *Вл. Г.*

Какъ извѣстно, весною вернулся въ Финляндію магистръ философіи, Г. Рамстедтъ, который въ теченіе трехъ лѣтъ находился въ Азіи, изучая монгольскій языкъ. Онъ намѣревался теперь издать подробный разсказъ о своемъ путешествіи, предпринятомъ главнымъ образомъ съ филологическими цѣлями; но до сихъ поръ онъ еще не можетъ приступить къ работѣ, такъ какъ пропали всѣ веденныя имъ замѣтки, коллекціи и библіотека. Дѣло въ томъ, что незадолго до своего отъѣзда на родину съ дальняго востока, магистръ Рамстедтъ отправилъ изъ Иркутска въ Або посылку, вѣсомъ въ 115 кгр., заключавшую въ себѣ его дневникъ, филологическія наблюденія (между прочимъ, матеріалы для словаря монгольскаго языка), фотографіи, фонографическія записи монгольскихъ народныхъ пѣсенъ и т. д. Однако, несмотря на неоднократныя справки, о посылкѣ ничего неизвѣстно; вѣроятно, она пропала на сибирской желѣзной дорогѣ. Магистръ Рамстедтъ обращался уже въ Петербургѣ въ управленіе желѣзныхъ дорогъ, и его обнадежили, что посылка будетъ розыскана, хотя пока еще обѣщаніе не увѣнчалось успѣхомъ. Поэтому, маг. Рамстедтъ думаетъ предъявить искъ въ размѣрѣ стоимости утерянной посылки (свыше 6,000 рубл.).

„Изъ „H: bladet“. *Вл. Г.*

Акціонерная издательская фирма „Сёдерстрёмъ и К°“ задумываетъ обширный трудъ, подъ названіемъ: „Наша страна. Справочная книга о Финляндіи“.

Какъ ученыя общества, такъ и отдѣльныя лица получили отъ фирмы предложеніе содѣйствовать такъ или иначе изданію, потребность въ которомъ давно уже ощущается. Изданіе явится вѣрнымъ путеводителемъ на почвѣ отчизновѣдѣнія, въ развитіи и распространеніи котораго заключается глубокій національный смыслъ. Программа изданія такова: 1) природа Финляндіи (географія, гидрографія, флора, фауна и т. д.), 2) исторія, археологія, этнографія и фольклоръ, 3) государственное устройство, соціальное положеніе, статистика, земледѣліе, мореходство, торговля, промышленность, 4) наука, литература и искусство.

Изданіе будетъ выходить выпусками на шведскомъ и, быть можетъ, на финскомъ языкѣ. Изъ „H: bladet“. *Вл. Г.*

Стипендіаты Александровскаго университета (въ Гельсингфорсѣ), магистры Поппіусъ и Каяндеръ, отправившіеся весною въ Сибирь для естественно-историческихъ наблюденій, изслѣдовали въ теченіе лѣта мѣстности по теченію рѣки Лены, отъ Якутска къ устью. Теперь они уже находятся въ Олекминскѣ на пути изъ Якутска въ Иркутскъ. Изъ „H: bladet“. *Вл. Г.*

Въ началѣ сентября въ Финляндіи была норвежская публицистка, Альма Хелльсетъ (Kjeldseth), которая направляется пѣшкомъ въ Парижъ. Предпринявъ такое тяжелое путешествіе, чтобы доказать выносливость женщины, Хелльсетъ внимательно присматривается къ мѣстному быту, такъ какъ по возвращеніи на родину она думаетъ издать свои впечатлѣнія. Какъ жалуется сама А. Хелльсетъ, на пути среди финскаго населенія у нея бывали недоразумѣнія, затруднявшія ее.

Изъ „H: bladet". *Вл. Г.*

Семья Планеровъ устроила подъ Лютценомъ музей, въ которомъ собраны различные предметы (преимущественно шведскіе), изъ времени тридцатилѣтней войны и битвы при Лютценѣ. Братъ нынѣшняго владѣльца музея, воспитанный въ преклоненіи передъ Сѣверомъ, собирается создать грандіозный музей, посвященный всестороннему изображенію Скандинавскаго края и Финляндіи.

Изъ „H: bladet". *Вл. Г.*

Доцентъ Александровскаго университета, докторъ Г. Вихманъ предпринялъ путешествіе въ Россію, для изученія зырянскаго языка. Съ этою цѣлью ему назначена т. н. Александровская стипендія. Изъ „H: bladet". *Вл. Г.*

Благодаря большимъ пожертвованіямъ, государственному университету въ Беркелэ (Berkeley), въ Калифорніи удалось учредить профессуру индѣйской филологіи и антропологіи, занятую нѣмецкимъ ученымъ, докторомъ А. Л. Крёберомъ. Ему поручено собрать пѣсни и легенды разныхъ индѣйскихъ племенъ. Знаменитымъ предшественникомъ въ этой области является докторъ Фр. Боасъ (Franz Boas), работающій при естественно-историческомъ музеѣ въ Нью-Іоркѣ. Докторъ Боасъ въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ индѣйскія племена въ сѣверо-западной части Америки.

Докторъ Крёберъ предполагаетъ начать свои изысканія съ Калифорніи, гдѣ еще живетъ много индѣйцевъ.

Изъ „H: bl". *Вл. Г.*

Докторъ А. О. Хейкель производилъ лѣтомъ въ Вазаской губерніи раскопки, увѣнчавшіяся богатыми результатами; было найдено много предметовъ, какъ-то: сельскія орудія, оружіе, украшенія. Въ селеніи Ёвермалаксъ сохранилось до 70 грудъ камней, извѣстныхъ подъ именемъ могилъ великановъ; въ нѣкоторыхъ сложены кучи костей (это, очевидно, курганы), между тѣмъ какъ другія служили, повидимому, жильемъ, такъ какъ въ нихъ были найдены очаги. Вообще, Малаксъ, какъ думаетъ

докторъ Хейкель, представляетъ огромное значеніе для опредѣленія доисторическаго быта Финляндіи, бѣдной историческими документами. Изъ „H: bl". *Вл. Г.*

Надъ могилой общественнаго дѣятеля, ревнителя финскаго языка, проф. Якко Форсмана (1839—1899) „Финское литературное общество" воздвигло недавно памятникъ, при открытіи котораго сенаторъ А. Генетцъ (бывшій профессоръ) произнесъ рѣчь, набросавъ передъ слушателями обликъ покойнаго.— Какъ извѣстно, Я. Форсманъ завѣщалъ Обществу значительный капиталъ, проценты съ котораго будутъ выдаваться въ премію на труды, разрабатывающіе вопросы политической экономіи, и за общедоступныя юридическія изданія. Изъ „H: bl". *Вл. Г.*

Д-ръ Яльмаръ Аппельгренъ посѣтилъ въ мартѣ и апрѣлѣ русскіе музеи, для сравнительно-археологическихъ наблюденій. Главною его цѣлью было сравнить недавнія находки въ Западной Финляндіи съ предметами, хранящимися въ нашихъ музеяхъ, чтобы реставрировать древнее западно-финское одѣяніе. Такую же работу предпринялъ д-ръ Ѳ. Швиндтъ въ Кареліи. Изъ „Finn.—Ugr.Forsch". *Вл. Г.*

На засѣданіи „Шведскаго общества отчизновѣдѣнія" (Svenska landsmålsföreningen), происходившемъ подъ предсѣдательствомъ доцента Г. А. Венделля, проф. А. О. Фреуденталь сообщилъ, что онъ окончилъ порученную ему Обществомъ работу о различіяхъ между собственно-шведскимъ и шведскимъ языкомъ, на которомъ говорятъ въ Финляндіи. Работа будетъ издана „Шведскимъ литературнымъ обществомъ".

Изъ „H: bl". *Вл. Г.*

Финляндскій сенатъ назначилъ Финскому археологическому обществу пособіе въ 1.500 марокъ на художественно-историческую экспедицію, предположенную въ предѣлахъ Або-Бьёрнеборгской губ. (между Або и Раумо).

Изъ „H: bl". *Вл. Г.*

Финскій ученый, докторъ А. О. Хейкель предпринялъ въ началѣ сентября этнографическую поѣздку въ Прибалтійскій край. Путь, намѣченный имъ, идетъ черезъ Рагё (Rågö), монастырь Падисъ, Гапсаль, большія озера, расположенныя по западному берегу Эстляндіи, къ ливамъ, оттуда въ Сетукесенъ (въ Плескаушъ) и въ Везенбергъ черезъ Дерптъ. Докторъ Хейкель предполагаетъ совершить путешествіе въ два мѣсяца. Изъ „H. bl". *Вл. Г.*

4-го октября, подъ предсѣдательствомъ проф. І. Р. Аспелина, происходило засѣданіе Финскаго археологическаго общества, на которомъ секретарь, магистръ Ю. Айліо указалъ на многочисленныя археологическія находки, переданныя въ теченіе лѣта въ Общество. Стипендіатъ Общества, маг. Саксéнъ сообщилъ о своемъ путешествіи на Аландскіе острова, для изученія названій мѣстностей. Магистръ Саксéнъ занятъ вообще вопросомъ о шведской колонизаціи въ Финляндіи. Другіе стипендіаты Общества: магистры А. Таваcтшерка и Я. Кекконенъ, студентъ У. Уллбергъ посѣтили лѣтомъ русскую Карелію. Они привезли съ собой много чертежей, изображающихъ мѣстныя постройки, и орнаменты; кромѣ того, они собрали много старинныхъ предметовъ; между прочимъ, имъ удалось достать монету времени императора Августа. Изъ той же Кареліи народный учитель, М. Туокко, прислалъ коллекцію изъ 159 рисунковъ различныхъ этнографическихъ предметовъ.

Въ общество поступили біографическіе матеріалы о нѣкоторыхъ лицахъ, вышедшихъ изъ народа.

Докторъ Я. Аппельгренъ заявилъ, что во время своего лѣтняго путешествія въ Россію онъ завязалъ сношенія съ русскими археологическими обществами.

Магистръ О. Алценіусъ сдѣлалъ на засѣданіи докладъ о нѣкоторыхъ монетныхъ собраніяхъ изъ университетскаго нумизматическаго кабинета. Работая надъ каталогизаціей, онъ открылъ 70 нѣмецкихъ монетъ, до сихъ поръ еще не описанныхъ.

Изъ „Н.: Ы“ *Вл. Г.*

По порученію „Шведскаго литературнаго общества“ ректоръ Э. Лагусъ составилъ каталогъ фольклорныхъ собраній Общества. Всего въ распоряженіи Общества находится 79 собраній, изъ которыхъ 34 записано въ Эстерботніи, 29 — въ Западной Финляндіи и 16—въ Нюландѣ. Въ собраніи народныхъ произведеній участвовало 28 стипендіатовъ Общества; отъ 14 лицъ Общество пріобрѣло нѣсколько этнографическихъ коллекцій. Расходы Общества,—основаннаго въ 1884 году,—на изученіе фольклора достигли 12,722 марокъ (около 5000 рублей). Изъ „Н.: Ы.“ *Вл. Г.*

На происходившемъ недавно засѣданіи Финско-угорскаго общества, предсѣдатель проф. О. Доннеръ заявилъ, что І. Квигстадъ, извѣстный знатокъ лапландскаго языка, прислалъ изъ Тромсё большое собраніе произведеній народной лапландской литературы. Изъ „Н.: Ы.“ *Вл. Г.*

Эстонская газета „Postimies“ сообщаетъ, что д-ръ І. Хуртъ, бывшій весною съ членами „Ученаго Эстонскаго общества“, въ

Гельсингфорсѣ, поднялъ вопросъ объ изданіи произведеній народной поэзіи эстовъ. Финское литературное общество выразило желаніе принять на себя извѣстную часть расходовъ; точно также Финско-угорское общество намѣревается издать на свой счетъ заклинательныя пѣсни. Пѣсни будутъ сопровождаться примѣчаніями на эстонскомъ языкѣ; къ заклинательнымъ пѣснямъ будетъ приложенъ ихъ нѣмецкій переводъ. Изъ „H.: bl." *Вл. Г.*

Д-ръ А. О. Хейкель ѣздилъ въ январѣ 1901 года въ Эстляндію. На средства, изысканныя съ капитала имени Антелля, онъ пріобрѣлъ для финляндскаго этнографическаго музея эстонскія народныя одежды; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ снялъ фотографіи съ предметовъ и срисовалъ узоры на одеждахъ, покрывалахъ и поясахъ; то же самое онъ сдѣлалъ въ Ригѣ съ предметами латышской этнографіи, которая представляетъ много точекъ соприкосновенія съ финской этнографіей. Изъ. „Finn. Ugr. Forsch". *Вл. Г.*

Финское литературное общество поручило доктору К. Гротенфельту издать сборникъ рунъ сетукесовъ,—эстонскаго племени, живущаго въ Псковской губ. Сборникъ пожертвованъ Обществу докторомъ І. Хуртомъ. Изъ „H.: bl." *Вл. Г.*

Извѣстный эстонскій публицистъ, докторъ К. А. Германнъ недавно праздновалъ 50-лѣтіе со дня своего рожденія. Мѣстныя газеты посвятили ему рядъ сочувственныхъ статей, въ которыхъ опредѣляютъ его значеніе. Такъ, одна нѣмецкая газета пишетъ: „среди эстовъ, подвизающихся на общественной службѣ, едва ли найдется еще кто—другой, чья дѣятельность внушала бы такое уваженіе и была бы такъ разностороння, какъ дѣятельность д-ра Германна. Эстонская литература многимъ ему обязана, такъ какъ онъ, между прочимъ, былъ авторомъ эстонской грамматики; онъ преобразовалъ еженедѣльную газету „Postimies", въ ежедневный органъ печати который началъ оберегать интересы эстонскаго племени. Съ его именемъ связывается также память о большихъ эстонскихъ пѣвческихъ празднествахъ, пробудившихъ среди эстовъ глубокій интересъ къ музыкѣ. Наконецъ, д-ръ Германнъ много работалъ и руководилъ различными эстонскими обществами, имъ же основанными". Изъ „H.: bl." *Вл. Г.*

Иванъ Николаевичъ Ждановъ.

(некрологъ).

11-го іюля текущаго года скончался въ Алупкѣ академикъ И. Н. Ждановъ, авторъ ряда цѣнныхъ трудовъ въ области старинной и новой русской литературы и народнаго эпоса.

И. Н., сынъ священника, родился въ Шенкурскѣ въ 1846 г., учился въ Архангельской духовной семинаріи, по окончаніи курса которой поступилъ въ С. Петербургскую духовную академію, а оттуда съ третьяго курса перешелъ въ С. Петербургскій университетъ, на историко-филологическій факультетъ, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1872 г. Оставленный при университетѣ по каѳедрѣ русской литературы, И. Н. въ 1878 г. защищалъ диссертацію (pro venia legendi) „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“ (напечат. въ Ж. М. Н. П. 1876, іюль и августъ) и получилъ званіе приватъ-доцента. Съ 1879 по 1882 г. Ждановъ былъ приватъ-доцентомъ по каѳедрѣ исторіи русской словесности при университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ, откуда перешелъ въ С. Петербургъ и. д. экстра-ординарнаго профессора въ Историко-филологическомъ институтѣ. Съ этого времени (1882 г.) вся остальная преподавательская дѣятельность И. Н. Жданова протекла въ Петербургѣ. Одновременно съ преподаваніемъ въ институтѣ онъ занималъ каѳедру русской литературы въ Александровскомъ Лицеѣ, читалъ лекціи на высшихъ женскихъ курсахъ, а съ 1896 года занялъ каѳедру русской словесности въ С. Петербургскомъ университетѣ въ званіи ординарнаго профессора. Въ 1899 году Ждановъ былъ избранъ ординарнымъ академикомъ И. Академ. Наукъ.

Общее свойство трудовъ покойнаго академика—тщательность изслѣдованія, богатство матеріала, всестороннее его освѣщеніе и изящество въ изложеніи. Таковы его работы въ области старинной русской литературы: „Русская поэзія въ до-монгольскую эпоху“ (Кіевск. Универ. извѣст. 1879), „Церковно-земскій соборъ 1551 года“ (Истор. Вѣстн. 1880), „Литература Слова о Полку Игоревѣ“ (Кіев. Унив. изв. 1880), „Палея“ (тамъ же 1881). Изъ статей, посвященныхъ исторіи русской литературы XVIII и XIX в., всегда освѣщающихъ предметъ съ новыхъ точекъ зрѣнія, отмѣтимъ этюды: о *Фонвизинѣ* (въ Словарѣ Русск. Ист. Общества),

о „*Русалкѣ*“ Пушкина („Русалка“ Пушкина и „Das Donauweibchen“ Генслера. Спб. 1900), о драмѣ Пушкина „Борисъ Годуновъ“ (Спб. 1892), „Пушкинъ о Петрѣ Великомъ“ (Спб. 1900) „Памяти В. Г. Бѣлинскаго“ (Спб. 1900) и др. Но особенный интересъ для любителей и изслѣдователей русской народной словесности представляютъ труды И. Н. въ этой области, его магистерская и докторская диссертаціи. Чуждый увлеченій нашей миѳологической школы, Ждановъ, идя по слѣдамъ А. Н. Веселовскаго, къ разработкѣ памятниковъ русскаго эпическаго творчества прилагалъ тотъ же историко-сравнительный методъ и останавливался на вопросѣ о вліяніи книжной словесности на народную. Въ своей магистерской диссертаціи „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи“ (Кіевъ 1881 г.) онъ разбираетъ три памятника: „Преніе живота со смертью“, стихъ объ Аникѣ Воинѣ и былины о Самсонѣ и Святогорѣ—памятники, повидимому, имѣющіе мало общаго между собой въ основѣ. Но связь между ними открывается тогда, когда мы обратимъ вниманіе на факты ихъ позднѣйшей литературной исторіи. „Преніе живота со смертью“ оказало несомнѣнное вліяніе на стихъ объ Аникѣ Воинѣ. Народные пѣвцы, какъ доказываетъ авторъ, вносили въ стихъ то, что узнавали изъ „Пренія“. Далѣе: въ нѣкоторыхъ спискахъ „Пренія“ встрѣчается указаніе на Самсона сильнаго, которому приписывается похвальба перевернуть весь свѣтъ. Та же похвальба повторяется потомъ въ нѣсколькихъ памятникахъ: въ стихѣ объ Аникѣ Воинѣ, въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ, въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины объ Ильѣ Муромцѣ. Съ похвальбой же повернуть землю въ народной поэзіи связывается разсказъ о подниманіи земной тяги. Этотъ разсказъ опять находимъ и въ стихѣ объ Аникѣ, и въ былинахъ о Самсонѣ и Святогорѣ. Такимъ образомъ памятники первоначально разнородные сближаются и объединяются общностью эпизодовъ и подробностей. Разъясненіе ихъ взаимныхъ отношеній и составляетъ содержаніе диссертаціи И. Н. Жданова, среди приложеній къ которой находимъ въ видѣ экскурса сопоставленіе былины о Дюкѣ Степановичѣ со сказаніемъ о Дигенисѣ Акритѣ (впрочемъ неубѣдительное). Изслѣдованіе представляетъ главнымъ образомъ интересъ для характеристики значительнаго вліянія памятниковъ письменности на устную словесность, и литературнаго общенія между книжнымъ и некниж-

нымъ людомъ: такъ былина о Самсонѣ-Святогорѣ восходитъ отчасти къ апокрифическому сказанію о Самсонѣ, стихъ объ Аникѣ отчасти къ одному переводному нѣмецкому поучительному діалогу. Эти разысканія Жданова въ свое время были новымъ словомъ въ пріемахъ разработки русской былевой пѣсни. Къ достоинствамъ его работы, вызвавшей критическую статью акад. А. Н. Веселовскаго, не раздѣлявшаго взгляды Жданова въ отдѣльныхъ случаяхъ, относится полнота матеріаловъ, критическое къ нимъ отношеніе и ясность изложенія. Еще болѣе цѣнный вкладъ въ разработку нашего былевого эпоса представляетъ докторская диссертація Жданова, вышедшая въ 1895 г. подъ заглавіемъ: „Русскій былевой эпосъ, изслѣдованія и матеріалы". Авторъ собралъ въ этомъ обширномъ трудѣ (стр. XII+631) въ переработанномъ видѣ нѣкоторыя свои раньше напечатанныя статьи (Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князяхъ Владимірскихъ", Повѣсть объ Александрѣ и Людовикѣ и былина: „Неразсказанный сонъ", Василій Буслаевичъ и Волхъ Всеславьевичъ, Пѣсни о князѣ Романѣ, Пѣсни о князѣ Михаилѣ) и издалъ въ приложеніи къ нимъ рядъ интересныхъ памятниковъ старинной русской литературы. Авторъ обнаруживаетъ обширное знакомство съ западными средневѣковыми памятниками и является отличнымъ знатокомъ русскаго былевого эпоса и старинной книжной литературы. Спеціальная критика указывала, напр., на неубѣдительность сопоставленія Василія Буслаева съ Робертомъ діаволомъ, на излишнее увлеченіе *исторической* стороной въ пѣсняхъ о князѣ Романѣ и проч. Но нѣкоторыя увлеченія, вызванныя желаніемъ дать всестороннее разъясненіе разбираемымъ памятникамъ народной словесности, искупаются обиліемъ и интересомъ новаго матеріала, пущеннаго авторомъ въ научный оборотъ, тщательностью и детальностью разработки, подкупающимъ остроуміемъ въ комбинаціяхъ и прекраснымъ литературнымъ изложеніемъ. Особенно цѣннымъ представляется историческій комментарій къ былинамъ о Василіи Буслаевѣ, не теряющій своего значенія, даже если мы не согласимся съ гипотезой автора о происхожденіи фабулы былины...

Обширная эрудиція и критическій тактъ позволяли ожидать еще многихъ цѣнныхъ трудовъ отъ даровитаго изслѣдователя, и преждевременная смерть его представляетъ тяжелую утрату для русской науки.

В. М.

ОПЕЧАТКИ.

Въ статьѣ П. Гидулянова „Сословно-поземельный вопросъ и райятская зависимость въ Дагестанѣ". („Этн. Обозр." кн. XLVIII, 1901, № 1):

Страница	Строка сверху	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
2	27	назадъ	на западъ
„	1 прим. 3	примѣчаніе 3	примѣчаніе 4
„	1 прим. 4	„ 4	„ 3
6	7 прим. 2	1897 г.	1797 г.
8	1 прим. 1	персидское	лезгинское
„	1 прим. 3	Законы	Законъ
10	8	крупныя	болѣе крупныя
„	2 прим. 3	адаты	адатъ
12	3	съ оговоркой (mutatis mutandis)	съ оговоркой
„	7	XIII в.	VIII в.
„	1 прим. 4	Les pvairies	prairies
„	2 прим. 7	жидами	изидами
14	3 прим 3	п. I, 79	т. I, 79
„	3 прим. 4	принадлежали	принадлежалъ
„	24	Хлебелелъ	Хлебелялъ
15	13	Кубамо	Кубалю
„	14	5 ословъ	6 ословъ
16	17	Дагестанскіе	дагестанскіе
18	4 прим. 2	выбирается	выбирался
„	6 прим. 2	дударахскій	цудараxскій
„	9 прим. 2	Усита	Усиша
„	„ „ „	Кораки	Хюраки
„	18	караги-беками	карачи-беками
„	19	Шикарты	Ишкарты
„	„	Эрнели	Эрпели
19	2	массумомъ	маасумомъ
„	„	казикумыхскимъ	казикумухскимъ
„	1 прим. 3	мехгулинскіе	мехтулинскіе
20	16	джаматъ	джамаатъ
21	14 прим. 2	Мехгуллы	Мехтулы
22	13	Гайшъ	Гапшъ
„	2 прим. 2	Ганшъ	Гапшъ
24	21	Сафи	Рафи
„	22	Зборы	сборы
25	4 прим. 2	изъ женитьбы	при женитьбѣ
27	15	чагаръ	сборовъ съ чагаръ
„	1 прим. 1	Кубагахъ	Кубачахъ
30	6 прим. 1	Шикарты	Ишкарты
33	9	Казъ	Кахъ
34	18	членовъ	членамъ

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ

Этнографическаго Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Э.

(Адресъ: Москва, Политехническій музей, въ редакцію „Этнографическаго Обозрѣнія“).

1) Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. *Н. С. Тихонравова* и проф. *Вс. Ѳ. Миллера*. М. 1894. 8°. VIII + 305 стр. Ц. 2 р. 50 к. (за границу 3 р.).

2) Бѣломорскія былины, записанныя *А. Марковымъ*, съ предисловіемъ проф. *В. Ѳ. Миллера*. М. 1901. 8°. XV + 618 стр. Ц. 2 р. 75 к. (за границу 3 р. 50 к.). (Складъ въ Т-вѣ Скоропечатни А. А. Левенсонъ).

3) Юбилейный сборникъ въ честь *Вс. Ѳед. Миллера*, изданный его учениками и почитателями, съ портретомъ, подъ ред. Н. А. Янчука. М. 1900. 4°. XXII+368 стр. Ц. 3 р. (за границу 3 р. 75 к.).

4) *П. С. Ефименко*, Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской губерніи. Вып. I и II. М. 1877—78 гг. 4°. VII+221+X+276 стр. Ц., вмѣсто прежн. 6 руб.,—10 руб. (изданіе почти распродано). (За границу 11 руб.).

5) Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, подъ ред. *Ѳ. Я. Трейландъ*. М. 1881. 4°. X+224 стр. Ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р.).

6) Протоколы засѣданія Этнографическаго Отдѣла 1874—1877 гг. (статьи и матеріалы по этнографіи). М. 1877. 4°. 190 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

7) То же. 1877—1884 гг. М. 1886. 4°. 186+7 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

8) То же 1885—1887 (статьи, а также полная программа: а) для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, б) для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ). М. 1888. 4°. VIII+217 стр. Ц. 2 р. (за границу 2 р. 50 к.).

9) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи. Вып. I, II и III. М. 1889, 1890 и 1891 г. 4°. Ц. 6 р. (за границу 7 руб.).

10) *Н. Н. Харузинъ*, Русскіе лопари (очерки прошлаго и современнаго быта). М. 1890. II+472 стр. 3 фототип. и карт. ц. 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.).

11) *В. М. Михайловскій*, Шаманство (сравнительно-этнографическіе очерки). М. 1892. 4°. IV+115 стр. ц. 1 р 50 к. (за границу 2 руб.).

12) *И. А. Житецкій*, Очерки быта Астраханскихъ калмыковъ. М. 1893. 4°. II+73 стр. 12 табл. рисунк. Ц. 1 р. 25 к. (за границу 1 р. 60 к.).
